

АН СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Международные отношения
и страны
Центральной и Юго-Восточной
Европы
в начале Второй мировой войны
(сентябрь 1939 — август 1940)

Москва

1990

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И ВУЛКАНИСТИКИ**

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И СТРАНЫ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ
В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(сентябрь 1939 – август 1940)**

МОСКВА

1990

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

Волков В.К. "Странная война" и странные международные отношения	4
Случ С.З. Внешнеполитическое обеспечение польской кампании и Советский Союз	8
Григорьянц Т.Д. Советско-германские переговоры в сентябре 1939 г. и сталинские планы в отношении Польши	38
Парсаданова В.С. "Польская" политика СССР в сентябре 1939 - июне 1940 гг.	53
Цушкаш А.И. О трактовке понятия "нейтралитет" венгерскими правящими кругами	66
Желицки Б.Й. Втягивание Венгрии в орбиту германской политики и позиции венгерских политических сил (1939- 1940 гг.).	73
Марьина В.В. СССР и чехословацкий вопрос. 1939 год. .	95
Семирага М.И. Советско-финляндская война 1939- 1940 гг. в свете международного права	129
Валева Е.Л. К вопросу о внешнеполитической ориентации Болгарии в начале второй мировой войны . . .	160
Решетникова О.Н. Из истории советско-югославских отношений в начале второй мировой войны	170
Ерещенко М.Д. Бессарабский вопрос в лабиринтах дипломатии 1940 года	187
Фирсов Ф.И. Политика Коминтерна в начале второй мировой войны	194

От редакции

Предлагаемый читателю сборник продолжает собой серию, начатую предшествующим сборником "Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы", который вышел в 1989 г. В этой серии, предпринятой сектором истории международных отношений Института славяноведения и балканистики АН СССР, рассматриваются проблемы места и роли восточноевропейских стран накануне Второй мировой войны и в ее начальный период — вплоть до агрессии фашистской Германии против Советского Союза 22 июня 1941 г. Данный сборник посвящен периоду от начала второй мировой войны до переломного рубежа летом 1940 г., когда потерпела поражение Франция и Гитлер дал директиву о подготовке непосредственного плана нападения на СССР.

В основе большинства статей сборника лежат материалы одноименного "круглого стола", проведенного сектором в конце 1989 г. В статьях отражены авторские позиции, далеко не во всем совпадавшие, а в некоторых случаях и существенно различающиеся. Это представляет собой одно из проявлений той дискуссии, которая ведется в советской исторической науке по проблемам международного развития, в частности внешней политики СССР и советско-германских отношений в 1939 — 1941 гг.

В сборнике анализируются различные аспекты положения почти всех восточноевропейских стран в качестве развития международных отношений исследуемого периода. Уделено также внимание проблемам советско-финляндской войны и политики Коминтерна, непосредственно связанным в то время с развитием в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы.

"СТРАННАЯ ВОЙНА" И СТРАННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Именно в Центральной и Юго-Восточной Европе (ЦВЕ) — событиями в Польше — вспыхнула вторая мировая война. Сегодня историки и политологи вынуждены, хотя и с запозданием, констатировать, что страны ЦВЕ играли гораздо большую роль в мировой политике, чем это пока отражено в исторической литературе. Историография великих держав и Германии сосредоточилась в основном на проблемах их взаимоотношений, оставляя малые страны на втором плане. В реальной же политической жизни положение было несколько иным.

На Балканах в начале второй мировой войны (мы касаемся периода с сентября 1939 г. по август 1940 г.) политическая ситуация оказалась чрезвычайно усложненной, поскольку в этом регионе не только сталкивались интересы всех великих держав (как задействованных прямо, так и незадействованных в конфликте), но также и сильно проявились противоречия самих стран этого региона. Наложение этих двух рядов противоречий еще более усложняло положение.

К моменту развязывания войны на Балканах существовало несколько "горячих точек". Первая из них — Болгария, опасавшаяся возможного нападения турецких войск, сосредоточенных на болгаро-турецкой границе (по крайней мере, болгары расценивали их присутствие как мощное давление со стороны англо-французской коалиции). Во-вторых, были крайне обострены румыно-венгерские отношения и в Румынии ожидали нападения венгерских войск. В-третьих, напряженность царяла в Югославии, где 26 августа 1940 г. образовалось новое правительство. Общая ситуация на Балканах усугублялась и частичной мобилизацией армии, проведенной в Румынии, Болгарии, Югославии и в Венгрии.

Занятие балканскими странами в начале войны нейтральной позиции сопровождалось тоже известными особенностями. Нейтралитет каждой из них имел свои нюансы. Наибольшее внимание здесь привлекали те страны, которые получили га-

рантии западных держав — это Румыния и Греция. Иной характер носил нейтралитет стран не получивших таких гарантий — Югославии и Болгарии. Наконец, особого внимания заслуживает характер нейтралитета Турции: в тот момент — в канун войны и в сентябре — советская дипломатия подтвердила готовность заключить двусторонний советско-турецкий оборонительный договор (что было подтверждением идеи так называемого Черноморского пакта).

Необходимо отметить отличительную черту международных отношений после начала второй мировой войны: резкое возрастание влияния Советского Союза во всем регионе Юго-Восточной Европы. Произошло то, о чем в западной литературе говорится как о возрождении былой роли России на Балканах, но применительно уже к СССР.

Советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. имел неоднозначные последствия для различных секторов мировой политики. Для Северо-Восточной части Центральной Европы (Польша, Прибалтика) это было фактическое разграничение сфер влияния и последующее советско-германское взаимодействие по осуществлению этих договоренностей. Для Балкан, остававшихся вне сферы военных действий, он имел другой смысл. Существовал и третий фактор: изменения в отношениях между потенциальными участниками агрессивного блока, т.е. отношения в треугольнике Германия — Италия — Япония. Последняя восприняла советско-германский пакт как предательство японо-германских интересов и на длительный период (практически до весны 1940 г.) заморозила свои отношения с Германией. Большие колебания испытывала во внешней политике и Италия. Как это не парадоксально, но выявившиеся осложнения в отношениях среди потенциальных участников агрессивной коалиции можно отнести к тем редким позитивам, которые этот пакт имел. И это обстоятельство почувствовали на себе именно балканские страны.

Существовали, наконец, и проблемы, которые встали перед странами ЦУВЕ в результате военного поражения Польши. В пер-

вых числах сентября 1939 г. СССР занимал выжидательную позицию и выбирал благоприятное для себя время с тем, чтобы снизить негативные последствия ввода советских войск на территории Западной Белоруссии и Западной Украины. Только после того как было получено известие о том, что польское правительство и Генеральный штаб покинули территорию страны (впоследствии выяснилось, что это были неточные сведения) 17 сентября советские войска перешли линию советско-польской границы, установленную Рижским мирным договором 1921 г. Отношение балканских стран к этой "польской кампании" было сложное и сдержанное. В общем они смотрели на события в Польше и на все, что связано с этой группой проблем глазами английской дипломатии (1 октября У. Черчилль заявил, что в продвижении Красной Армии на Запад имеется и позитивный момент). Условно весь период "странной войны" можно разделить на несколько подпериодов. Первый – сентябрь, октябрь и ноябрь – до начала советско-финской войны 1939–1940 гг. Второй – три с половиной месяца (декабрь, январь, февраль и до середины марта) советско-финской войны. Третий – апрель, май и июнь, т.е. от окончания советско-финской войны на Востоке до начала германских действий на Западе (сначала против Дании и Норвегии и вплоть до капитуляции Франции, ставшей одной из величайших цезур в истории второй мировой войны).

С начала второй мировой войны на Балканах встал ряд проблем. Среди них – характер нейтралитета балканских стран, попытки создания "блока нейтралов". Последнее исходило с нескольких сторон, но инициатором его создания была, все-таки, английская дипломатия. Форин офис разработал целую серию мер, направленных на то, чтобы с помощью балканской политики и привлечения сюда внимания итальянской дипломатии как-то нарушить отношения между Италией и Германией. Реально переговоры о балканском "блоке нейтралов" начались к концу сентября 1939 г. и шли весь октябрь. На рубеже октября – ноября конкретным инициатором его создания выступила румынская дипломатия. Эта проблема долго обсуждалась и при-

обрела новую окраску после начала советско-финской войны. Только в начале 1940 г. стало очевидно, что это очередная мертворожденная дипломатическая идея.

Крупная проблема — отношение Советского Союза к англо-франко-турецкому договору, подписанному 19 октября 1939 г. Имеется ряд не только германских и английских документов, но и малых балканских стран, говорящих о том, что СССР проводил в отношении этого "сбжета" своеобразную и не совсем для того времени обычную тактику. По приезде Сарадж-оглу в Москву в конце сентября — начале октября были продолжены переговоры об оборонном соглашении между СССР и Турцией, выдвинуты предложения о пересмотре режима проливов. Несколько ранее, в середине сентября, была выдвинута идея (и сообщена дипломатии балканских стран) о заключении договора о дружбе и взаимной помощи СССР с Болгарией, что связывалось с возможным советско-турецким соглашением (в духе идей Черноморского пакта). Хотя переговоры с Турцией не принесли результатов, любопытна характерная деталь: СССР дал согласие на заключение англо-франко-турецкого договора. При этом было совершенно ясно, что Турция идет на сотрудничество с западными державами и это мало совмещалось с теми последствиями, которые, казалось, должен был иметь советско-германский пакт о ненападении.

Что же касается отношений стран Дунайского региона и Балканского полуострова к заключению группы договоров СССР с Прибалтийскими государствами, то эта проблема не вызвала на Балканах сколько-нибудь большого интереса. Они рассматривались как мероприятия в рамках политики защитных мер со стороны Советского Союза, т.е. с точки зрения военно-стратегических выкладок.

Советско-финский конфликт внес качественно новые моменты в оценку внешней политики СССР, замедлил тенденцию к сближению Советского Союза с рядом балканских стран, в первую очередь с Югославией. Любопытна и позиция балканских стран в период обсуждения жалобы Финляндии в Совет Лиги Наций. Ни одна из них не приняла участия в голосовании по поводу исключения СССР из Лиги Наций. Воздержались при голосовании

Китай и Турция. Помимо Франции и Англии за исключение голосовали Египет, Доминиканская Республика, Боливия – всего семь стран. Даже Финляндия воздержалась от голосования во время обсуждения собственной жалобы. Профессор Сорбоннского университета Гиболи в своем докладе на симпозиуме в Париже (созванном в начале октября 1989 г. Американским университетом) назвал решение 14 декабря 1939 г. уникальным случаем в истории Лиги Наций, "сurreалистическим эпизодом", когда агонизировавшая Лига решила на какой-то демарш. Психологическое влияние этих событий, как считает Гиболи, было далекоидущим – обострение отношений СССР с Западными державами. И эта акция потом еще длительное время (вплоть до Крымской конференции 1945 г.) вспоминалась советской дипломатией.

Наконец, совершенно неожиданный элемент во внешнеполитическое, стратегическое планирование великих держав, но особенно – малых держав, внесло неожиданно быстрое поражение Франции, низведение ее до положения второразрядной оккупированной страны. Это явилось своеобразным шоком для многих балканских стран, особенно таких как Югославия, Румыния, Турция, Греция.

СЛУЧ С.З.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛЬСКОЙ КАМПАНИИ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

11 апреля 1939 г. Гитлер утвердил директиву "О единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.", в основе которой лежал план разгрома Польши. Этот документ свидетельствовал о том, что в Берлине сделали отныне ставку на войну, хотя и локальную. "Политическое руководство, – отмечалось в директиве, – считает своей задачей добиться по возможности изолированного решения польского вопроса"¹. Но каким образом? Об этом, по существу, ничего не говорилось. Более того, даже вопрос о вероятных союзниках "третьего рейха" в предстоящей войне, непосредственно связанный

с локализацией конфликта, был изложен в общих выражениях, что скорее всего свидетельствовало об отсутствии в тот период ясности у Гитлера по данной проблеме. "Германия может рассчитывать, что в качестве ее союзника выступит Венгрия", - говорилось в документе, но тут же следовала отговорка, - "однако этот вопрос окончательно еще не решен"². Он так и не был решен до начала второй мировой войны. Далее директива констатировала: "Позиция Италии определяется осью Берлин - Рим"³. Крайне расплывчатая формулировка, отражавшая неуверенность руководства "третьего рейха" в позиции Муссолини по отношению к надвигавшейся войне. Другой же участник Антикоминтерновского пакта - Япония - вообще не упоминался в директиве ОКВ.

Таким образом, не будет преувеличением вывод, что весной 1939 г., принимая решение о нападении на Польшу, Гитлер практически не имел союзников.

Вместе с тем международная обстановка в Европе после ликвидации Чехословакии в середине марта 1939 г. складывалась таким образом, что проблема изоляции Польши приобретала для нацистского руководства первостепенное значение, о чем Гитлер совершенно определенно говорил на совещании с руководителями вермахта 23 мая 1939 г.⁴

Для фюрера внешнеполитическое обеспечение польской кампании включало в себя решение двух основных задач - недопущение заключения тройственного союза о взаимопомощи между СССР, Англией, Францией и удержание западных держав, прежде всего Великобритании от вмешательства в войну на востоке. В ситуации, когда в Берлине не могли исключить вмешательство западных держав в германо-польскую войну, особое значение приобретала позиция союзников рейха по Антикоминтерновскому пакту - Италии и Японии. В связи с этим германская дипломатия интенсифицировала переговоры по укреплению треугольника Берлин - Рим - Токио, добываясь трансформации ранее заключенных политических соглашений в военный союз с определенными обязательствами каждого из партнеров в случае возникновения войны в Европе. Однако эти усилия не принесли

ощутимых результатов, что, по всей видимости, было уже ясно военно-политическому руководству "третьего рейха" в период подготовки плана нападения на Польшу. Правда, 22 мая 1939 г. был подписан "Стальной пакт" с Италией, но и он не обеспечивал участие последней в войне на стороне Германии в ближайшее время.

Вместе с тем в Берлине прилагали немалые усилия, чтобы заключение "Стального пакта" совпало, если не с подписанием, то хотя бы с парафированием тройственного договора. Стремясь побудить японское военно-политическое руководство к заключению подобного военного соглашения, нацистская дипломатия активно пыталась проявлять "заботу" об интересах Токио. Риббентроп указывал на необходимость разъяснить японцам, что обеспечение их позиций в Восточной Азии, особенно в Китае, зависит прежде всего от превосходства объединенной мощи "оси" над западными державами. "Япония несомненно должна быть заинтересована в усилении этого превосходства своим присоединением (к "оси". - С.С.), - подчеркивал рейхсминистр, - чтобы у западных держав не создалось впечатление о возможности в случае конфликта с Германией или Италией рассчитывать на нейтралитет Японии"⁵.

Последний аргумент явно приоткрывал завесу над истинными намерениями нацистской верхушки в отношении своих партнеров по "оси".

После того как японская сторона не только отказалась от заключения военного соглашения, направленного против Англии и Франции, а тем более от широкого оповещения о нем, чего так упорно добивались в Берлине с целью запугивания западных держав и локализации тем самым предстоящей германопольской войны, но и воздержалась даже от парафирования тройственного военного договора в рейхсканцелярии не скрывали своего неудовольствия. Риббентроп с раздражением телеграфировал германскому послу в Японии О.Отту, требуя довести до сведения военно-политического руководства страны, что "в Берлине и Риме начинают теперь с недоверием рассмат-

ривать японскую позицию. Здесь не понимают, что собственно происходит в Токио"⁶.

Заключение 24 июля 1939 г. между Англией и Японией соглашения Арита - Крейга⁷, расцененное в Токио как большой успех, своего рода "дальневосточный Мюнхен", еще больше усилило подозрения Берлина по поводу отношения японского правительства к надвигающейся войне в Европе⁸. Тем не менее в качестве средства давления на британское правительство возможность достижения германо-японского соглашения по-прежнему использовалось нацистскими политиками и дипломатами вплоть до конца первой декады августа 1939 г.⁹

Надежды, возлагавшиеся в Берлине на Венгрию, подкрепленные небольшим "презентом" в виде Закарпатской Украины, также не оправдались. Еще в апреле 1939 г. правительство Теллеки дало совершенно недвусмысленно понять, что в случае германо-польской войны Венгрия останется нейтральной. 24 июля премьер-министр еще раз повторил неизбежность этой позиции в письме к Гитлеру¹⁰.

Таким образом, в конце июля 1939 г. Гитлеру стало очевидным, что дипломатии "третьего рейха", стремившейся к изоляции Польши, не удалось добиться создания сколько-нибудь серьезных угроз западным державам, прежде всего Великобритании, на периферии, т.е. "третий рейх" стоял перед совершенно реальной перспективой начать войну в Европе с необеспеченным тылом, не имея ни одного реального союзника!

Так в самых общих чертах выглядело международное положение нацистской Германии, когда в конце июля (предположительно между 24 и 26) Гитлер принял решение схватиться за "последнюю соломинку" - соглашение с Советским Союзом. За последний год советская историография, публицистика и даже политические деятели много писали о всех перипетиях советско-германских переговоров, хотя датировка как точки отсчета в их развитии, так и переломного этапа давалась различная.¹¹ В рамках данной статьи обращу внимание только на один аспект в ходе этих переговоров - польский.

Он возникает сразу же как только Гитлер принял решение

о необходимости прорвать изоляцию, договорившись с СССР. Из германских документов следует, что 26 июля заведующий Восточно-Европейской референтурой политико-экономического отдела германского МИД Ю.Шнурре, согласно полученным инструкциям, пригласил поверенного в делах СССР в Германии Г.А.Астахова и торгпреды Е.Бабарина на обед. В ходе беседы, на которой с обеих сторон затрагивался широкий круг вопросов, Астахов совершенно определенно высказался в пользу возвращения Данцига и Коридора "так или иначе" Германии^{х)}. Затем он поставил вопрос, "не склоняется ли также на сторону Германии население территорий, когда-то принадлежавших Австрии, в частности Галиции и украинских территорий". Шнурре ограничился общим заявлением об отсутствии почвы для столкновения интересов обоих государств в том числе и по этим вопросам¹².

Зондирование советской стороны прежде всего в отношении "польского вопроса" было незамедлительно отмечено в Берлине. Статс-секретарь германского МИД Э. фон Вайцзеккер направил 29 июля секретную инструкцию послу Ф. фон Шуленбургу для беседы с В.М.Молотовым, в которой предлагал несколько удовлетворить советский интерес в том, что "особенно касается польского вопроса". При любом развитии последнего — констатировал статс-секретарь, — "мы будем готовы гарантировать все советские интересы и достигнуть понимания с советским правительством"¹³.

3 августа Риббентроп принял Астахова и, развивая в беседе с ним идею совместного сотрудничества по широкому спектру международных вопросов, затронул и польскую проблему. Рейхсминистр намекнул, что в случае, если Германия придется решать ее, то существует "возможность заключения с Россией соглашения о судьбе Польши"¹⁴.

х) А ведь еще 10 мая 1939 г. заместитель наркома иностранных дел СССР В.П.Потемкин заверил министра иностранных дел Польши Ю.Бека, что в случае вооруженного конфликта между Германией и Польшей Советский Союз займет по отношению к последней "благожелательную позицию"

Согласно полученным инструкциям, Шуленбург в беседе с Молотовым 4 августа также подчеркнул готовность Германии в случае военного решения польской проблемы "соблюсти советские интересы"¹⁵ и договориться об этом с советским правительством. Как отметил в своем отчете Шуленбург, дипломат старой школы, отнюдь не склонный выдавать желаемое за действительное, Молотов выявил "явную заинтересованность" в этом вопросе.

10 августа Шурре в беседе с Астаховым опять вернулся к польской проблеме, заверив собеседника, что "в случае военного решения германские интересы в Польше носят совсем ограниченный характер", им нет необходимости так или иначе сталкиваться с какими-либо советскими интересами, мы должны были бы только "знать об этих интересах"¹⁶. Однако Астахов уклонился от разъяснений на этот счет, сославшись на отсутствие инструкций из Москвы. Но при этом проявил немалую заинтересованность относительно германских целей в польском вопросе и предполагаемых сроков разрешения последнего.

Как свидетельствовал в докладе на II съезде народных депутатов СССР Председатель комиссии "О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г." А.Н.Яковлев, 11 августа 1939 г., т.е. накануне открытия в Москве заседаний военных миссий Англии, СССР и Франции, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение "вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем известить Берлин"¹⁷. Не вступая в полемику со многими положениями крайне противоречивого и весьма ограниченного по своим выводам доклада, тем не менее считаю необходимым внести уточнения в вышеприведенную информацию, представляющую в целом несомненный интерес.

Сталин, давно стремившийся к соглашению с нацистским рейхом, впервые откровенно обнаружил свои намерения в отчетном докладе ЦК ВКП(б) XIII съезду¹⁸. Факт, не требующий доказательств, поскольку Молотов на IV внеочередной сессии Верховного Совета СССР с гордостью сказал об этом: "Тов.

Сталин... еще тогда поставил вопрос о возможности других, невраждебных добрососедских отношений между Германией и СССР. Теперь видно, что в Германии в общем правильно поняли эти заявления т. Сталина и сделали из этого практические выводы"¹⁹. Сталин был хорошо информирован о той международной изоляции, в которой находился "третий рейх" весной - летом 1939 г. Об этом, в частности, свидетельствует недавно опубликованное совершенно секретное сообщение начальника Разведуправления РККА И.И. Проскурова, направленное Сталину 17 мая 1939 г.²⁰ В нем приводились оценки высших политических руководителей рейха, считавших, что "международная обстановка не благоприятствует нам"²¹⁻²². Сталин "дожал" Гитлера, у которого практически не оставалось никаких шансов изменить эту обстановку в лучшую сторону только как при помощи соглашения с СССР, за которое фюрер в августе 1939 г. был готов заплатить очень большую цену. По оценке Геббельса, чуть ли не всю Восточную Европу. И в этой связи дата 11 августа интересна лишь тем, что в этот день Сталин решил провести через Политбюро свое давнее решение, понимая, что дальше откладывать уже нельзя: в Берлине созрели до крупномасштабной сделки, да и Ворошилов, начинающий на следующий день переговоры с западными военными миссиями, должен был уверенно вести их в тупик.

А.Н. Яковлев делает вывод, что в результате этого решения Политбюро "15 августа 1939 года в Москве встречей между Молотовым и Шуленбургом начались советско-германские переговоры"²³. Здесь также необходимо уточнение, ибо имевшие место между 15 и 21 августа встречи упомянутых лиц нельзя в полном смысле назвать переговорами, поскольку и одна и другая сторона, несмотря на различный уровень представительства, не имела полномочий на принятие решений даже по незначительным вопросам в ходе имевших место бесед. Молотов и Шуленбург выступали прежде всего как приличные чиновники, регистрировавшие позиции и информирующие друг друга о воле и намерениях своих диктаторов. Особенно это было заметно с советской стороны, где переговорщиком являлся глава правительства и нарком ино-

отрадных дел. В этот же период сондаж отступил на задний план, процупивание закончилось, в том числе и по поводу дальнейшей судьбы Польши — Сталин держал инициативу в своих руках, манипулируя Молотовым и Ворошиловым.

В ночь с 23 на 24 августа 1939 г. в Кремле был подписан советско-германский договор о ненападении и секретный протокол к нему²⁴, оказавший огромное влияние на ход второй мировой войны и послевоенное развитие в мире. Можно и нужно анализировать различные факторы, способствовавшие такому решению как Москвы так и Берлина (советскими историками в этом направлении оделаны по сути лишь первые шаги), но при этом не следует упускать из виду, что сами эти факторы были в большой степени производными от важнейшего и многогранного по своим проявлениям противоречия межвоенной эпохи — между тоталитарными режимами и различными формами демократии. Решающим же обстоятельством, предопределившим возможность советско-нацистского пакта, стала тоталитарная форма политического режима, обусловившая единоличный и полностью бесконтрольный характер принимаемых решений.

Если народы Советского Союза и Германии уже давно оказались жертвами тоталитарных режимов, то после объединения усилий двух диктаторов их первой жертвой стало государство, лежавшее между ними — Польша. Причем, если вопрос о нападении на нее был решен Гитлером вне зависимости от советско-германских договоренностей, то вторжение советских войск на территорию польского государства, напротив, было предреждено секретным дополнительным протоколом к договору от 23 августа 1939 г. В статье 2-й этого документа говорилось: "В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек: Наревы, Вислы и Сана. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае, оба правительства будут решать этот вопрос в порядке

дружественного обоюдного согласия"²⁵.

Формулировки этого документа не оставляют места для двусмысленного толкования намерений как гитлеровского, так и сталинского руководства, несмотря на все потуги современных апологетов "миролюбивой" внешней политики первого в мире социалистического государства²⁶. Об этом же свидетельствует содержание последующих совместных документов, как секретных, так преданных гласности, не говоря уже о практических действиях обоих режимов в отношении Польского государства.

О чем же шла речь в вышецитированном пункте Секретного протокола, если перевести его с языка дипломатического на язык практической политики. Во-первых, после разгрома Польши граница "сфер интересов" СССР должна была бы проходить через Варшаву, т.е. помимо Восточной Польши, значительную часть населения которой составляли украинцы и белорусы, эта "сфера интересов" включала Люблинское и часть Варшавского воеводства^{х)}.

Как показали последующие события, выражение "сфера интересов", употребленная в Секретном протоколе, как правило, отождествлялась в Кремле как совпадающая с будущими государственными границами Советского Союза. И этот вывод основывается не только на экстраполяции последующих событий, уже свершившихся фактов, на целеустановки сталинского руководства. Отнюдь. Еще на XIII съезде ВКП(б) начальник Главного политического управления РККА Л.З.Мехлис заявил: "Не за горами, товарищи, то время, когда наша армия, интернациональная по господствующей в ней идеологии, в ответ на наглую вылазку врага поможет рабочим стран агрессоров освободиться от ига фашизма, от ига капиталистического, рабства и ликвидирует капиталистическое окружение", даст возможность "умножить число советских республик"²⁷. Таким образом, в данном случае речь шла о явной трансформации некогда доминировавшей идеи

^{х)} Согласно Секретному протоколу к советско-германскому договору о "дружбе и границе", по настоячивому требованию Сталина, Польша была поделена еще раз, т.е. советская "сфера интересов" ограничена с незначительными отклонениями "линией Керзона" в обмен на Литву, ранее отнесенную к "сфере интересов" Германии.

"мировой революции" в империалистическую практику, лишь окрашенную революционной фразеологией.

Во-вторых, судьба суверенного государства, члена Лиги наций, имевшего договор о ненападении с одним из партнеров по советско-нацистскому пакту, решалась не только за его спиной, но и за его счет, путем расширения собственных территорий в ходе "обокдного согласия".

В-третьих, как сам договор, так и его вишенизированная статья Секретного протокола грубейшим образом нарушали ряд соглашений, заключенных советским правительством с Польшей, но в особенности советско-польский договор о ненападении от 25 июля 1932 г., 2-я статья которого гласила: "В случае, если бы одна из договаривающихся сторон подверглась нападению со стороны третьего государства или группы третьих государств, другая договаривающаяся сторона обязуется на оказывать, ни прямо, ни косвенно, помощи и поддержки нападающему государству в продолжении всего конфликта"²⁸.

По сути дела, все дальнейшее развитие событий вплоть до 28 сентября 1939 г., когда капитулировала после ожесточенных боев Варшава, а в Кремле подписан новый договор между победителями, на этот раз о "дружбе и границе"²⁹, было запрограммировано первым, августовским советско-германским соглашением.

Тем не менее мне представляется принципиально важным более подробно остановиться на некоторых аспектах сопряжения нацистской и советской политики по отношению к Польше в период между 23 августа и 28 сентября 1939 г., не в последнюю очередь, потому что в советской историографии сохраняется стремление представлять внешнеполитическую активность сталинского руководства в конце августа – сентября 1939 г., как исключительно направленную якобы на обеспечение неучастия страны в войне и ограничение масштабов нацистской агрессии³⁰. Причем последняя отождествляется с так называемым Освободительным походом Красной Армии, приведшим к присоединению восточных областей Польши к СССР и продвижению границ последнего на запад.

Начну с того, что Гитлер, уже получив согласие Сталина на визит Риббентропа в Москву, в выступлении перед генералитетом следующим образом оценил резко изменившуюся международную ситуацию: "У противника была еще надежда, что после захвата Польши в качестве нашего противника выступит России... Теперь же Польша находится в положении, в котором я стремился ее иметь"³¹.

Однако из этого вывода, а также от той нескрываемой радости, которая царила в рейхсканцелярии по получении известия о подписании договора в Москве³², отнюдь не следует, что Гитлер "умил руки" в отношении СССР, считая, что главная, как считают некоторые авторы, цель договора – "разведение Советского Союза, Англии, Франции на разные полюса"³³ – достигнута. Реальное наполнение германо-советских отношений на протяжении первого же месяца превзошло все ожидания нацистского руководства.

Не успел Риббентроп вернуться в Берлин, как в ряде европейских газет промелькнуло сообщение, что в связи с подписанием советско-германского договора о ненападении советское командование отвело от западной границы СССР (т.е. границы с Польшей) значительные силы. Военно-политическое руководство "третьего рейха" проявило обеспокоенность по этому поводу. 27 августа Шуленбургу было дано срочное поручение выяснить – соответствуют ли эти факты действительности и если это так, то нельзя ли отменить принятое в Кремле решение. Любая потенциальная угроза Польше была бы чрезвычайно полезна для "третьего рейха", т.к. способствовала бы уменьшению ему опасности со стороны западных держав³⁴.

На следующий день Шуленбург был принят Молотовым, который успокоил германского посла, заверив его в том, что газетные сообщения, разумеется, неверны³⁵. Однако Берлину недостаточно было подобной конфиденциальной информации, и 29 августа Шуленбург вновь добивается приема у Молотова и настаивает на публикации соответствующего опровержения в советской печати³⁶. Последнее лишний раз свидетельствует о том, что нацистам была важна не только информация как таковая, но и ее внешний эффект.

И 30 августа в центральных советских газетах было опубликовано следующее заявление ТАСС: "В ряде иностранных газет, особенно в "Нейе Цюрихе Цайтунг", сообщается, что советское военное командование будто бы отвело от западных советских границ 200-300 тысяч войск на Восток для усиления восточных границ. ТАСС уполномочен заявить, что это сообщение совершенно не соответствует действительности. В компетентных кругах утверждают, наоборот, что в виду обострения положения в восточных районах Европы и в виду возможностей всяких неожиданностей советское командование решило усилить численный состав гарнизонов западных границ СССР"³⁷.

Опубликованием подобного заявления ТАСС сталинское руководство "убивало" даже не двух, а сразу трех "зайцев". Во-первых, облегчало нацистам вести нажим на западные державы с целью изоляции Польши; во-вторых, неизбежно настораживало польский генштаб, вынуждая его, в условиях уже неизбежной германо-польской войны, решать проблемы обеспечения безопасности своих восточных границ при явно недостаточных ресурсах живой силы и техники; в-третьих, сообщение об усилении гарнизонов западных границ позволяло открыто начать сосредоточение крупных сил на советско-польской границе для последующего осуществления "Освободительного похода".

Сейчас в некоторых публикациях советских историков уделяется повышенное внимание тайным контактам между германскими и британскими представителями как накануне заключения советско-нацистского пакта, так и после возвращения Риббентропа в Берлин. При этом даже утверждается, что переданные Гитлером 25 августа британскому послу предложения "делались всерьез"³⁸, т.е. якобы и после подписания договора в Москве не исключено было создание единого "империалистического фронта".

Напомню, что в то же самое время западным державам продолжали морочить голову и официальные советские представители. В этой связи достаточно упомянуть двусмысленные формулировки, содержавшиеся в интервью наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова корреспонденту "Известий" об итогах переговоров с военными миссиями Англии и Франции³⁹, еще более "заплакающие" слова произнесенные им при прощании с главами этих миссий⁴⁰.

Эта "игра" достигла своего апогея в ходе беседы замнаркома иностранных дел С.А.Лозовского с китайским послом в СССР Ян-Цзе 26 августа 1939 г. В частности, Лозовский заявил: "Если Англия и Франция пойдут на предложения Советского правительства, не исключена возможность заключения договора с ними"⁴¹.

Не трудно заметить, что "игра" как в Берлине, так и в Москве формально находилась в противоречии с 4-й статьей советско-германского договора, гласившего: "Ни одна из договаривавшихся стороне не будет участвовать в какой-либо группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой державы"⁴². Однако, несмотря на прекрасную информированность друг о друге, эти действия не вызвали никаких шероховатостей в отношениях двух партнеров. Почему? Да прежде всего потому, что в Кремле хорошо понимали, что Германия стремится к изоляции Польши и не в интересах Сталина препятствовать этому. В рейхсканцелярии и на Вильгельмштрассе также не обращали внимания, правда, до определенных пределов, на попытки советского руководства "выкрутиться" в глазах мировой общественности. Развитие событий на протяжении сентября 1939 г. наглядно подтвердило последнее.

Выступая 31 августа 1939 г. на сессии Верховного Совета, которой предстояло ратифицировать советско-германский договор о ненападении, Молотов, в частности, сказал: "Советское правительство и раньше считало желательным сделать дальнейший шаг вперед в улучшении политических отношений с Германией, но обстоятельства сложились так, что это стало возможным только теперь". Далее Председатель Совнаркома счел необходимым дать некоторые пояснения: "Дело, правда, идет в данном случае не о пакте взаимопомощи, как это было в англо-франко-советских переговорах, а только о договоре ненападения. Тем не менее, — "успокоил" Молотов, — в современных условиях трудно переоценить международное значение советско-германского договора. ...Если даже не удастся избежать военных столкновений в Европе, масштаб этих военных действий теперь будет ограничен. Недовольными таким положением дел, — резюмировал глава советского правительства, —

могут быть только поджигатели всеобщей войны в Европе...⁴³ Весьма симптоматично, что на следующий день, произошел реч в рейхстаге в связи с нападением на Польшу, Гитлер также коснулся недавно подписанного в Москве соглашения. Более того, упомянув выступление Молотова на сессии, Фюрер патетически заявил, что "он может присоединиться к каждому слову, которое сказал народный комиссар по иностранным делам Молотов в связи с этим"⁴⁴.

Явное и тайное двустороннее сотрудничество набирало обороты. Уже в 7 час. 30 мин утра 1 сентября начальник генерального штаба люфтваффе обратился к наркому связи СССР с просьбой изменить продолжительность программ радиостанции г. Минска с тем, чтобы можно было ее использовать в качестве радиомаяка, посылающего через определенные интервалы в эфир кодовое слово, для наведения германских самолетов, выполняющих боевые задачи над территорией Польши⁴⁵. В тот же день Шуленбург уведомил генеральный штаб люфтваффе о положительном решении советского правительства⁴⁶.

В первые же дни после нападения нацистского рейха на Польшу в Берлин, по просьбе германской стороны, прибыла советская военная миссия во главе с военным атташе М. Пуркаевым. Повидно вечером 2 сентября Молотов пригласил к себе Шуленбурга и заявил, что советское правительство считает нецелесообразным публикацию информации как в СССР, так и в Германии о прибытии в Берлин советской военной миссии "по причинам ее безопасности". Молотов предложил упомянуть в прессе обоих государств только о назначении советского военного атташе⁴⁷.

Как видно из германской дипломатической переписки, прибыла эта военная миссия не случайно. В тот же день, 3 сентября, когда новый советский посол А. Шкварцев в присутствии комкора Пуркаева вручил верительные грамоты Гитлеру, Риббентроп направил телеграмму Шуленбургу под грифом "Очень срочно! Сверхсекретно". В ней послу предлагалось обсудить с Молотовым вопрос о возможности выступления Красной Армии "против польских сил в русской сфере интересов" и оккупации этой территории. Рейхсминистр просил уточнить "можем ли мы обсуждать этот вопрос с офицерами, которые только что прибыли

суда"⁴⁹. Этим было положено начало почти двухнедельному обсуждению вопроса о вводе частей Красной Армии в отведенную СССР "сферу интересов" и, особенно, публичной мотивировке этого шага советской стороной.

Почему же нацистская верхушка так торопила Москву с введением войск на территорию Польши? Дело в том, что дипломатии "третьего рейха", несмотря на все усилия, все-таки не удалось локализовать войну с Польшей. Поэтому главная причина начавшегося в тот же день нажима Берлина на советское руководство (выше упоминавшаяся телеграмма Шуленбургу была отправлена менее чем через 2 часа после того как Франция официально объявила о начале состояния войны с Германией, Англия — 6-ю часами раньше), сделать СССР как можно более откровенно сопричастным к агрессии против Польши, довести развитие событий до объявления и ему войны западными державами; как минимум, серьезно обострить отношения между Советским Союзом и Западом. Именно в этих целях, считали в Берлине, необходимо, чтобы военные операции Красной Армии начались еще в ходе продолжавшейся германо-польской войны. К тому же, как отмечал Риббентрон в одной из телеграмм германскому послу в Москве, советское правительство "освободит нас от необходимости уничтожать остатки польской армии, преследуя их вплоть до русской границы"⁵⁰. Весь этот замысел нацистского руководства, к счастью, реализовывался только частично, но можно только предполагать, сколь зыбкой была грань, отделявшая СССР от военного конфликта с западными державами.

Затягивая этот, прямо скажем, рискованный шаг, сталинское руководство опасалось прежде всего реакции западных держав. 5 сентября, когда развитие событий на польско-германском фронте, по-видимому, не оценивалось в генштабе РККА как уже определившееся, Молотов особо выделил в официальном ответе Берлину мысль, что "чрезмерная поспешность может нанести нам ущерб и способствовать объединению наших врагов"⁵¹, хотя, достаточно осторожно констатировал он, "мы согласны с вами, что в подходящее время нам будет совершенно необходимо начать конкретные действия"⁵². О том, что

этот вопрос был к этому времени уже однозначно решен в Кремле свидетельствует содержание беседы Сталина с Г. Димитровым в присутствии А. А. Жданова 7 сентября, в ходе которой генеральный секретарь ЦК ВКП(б) "высказался за ликвидацию Польши, которую он назвал фашистским государством"^{53х}).

В целях ускорения выступления Красной Армии Риббентрон пытался создать впечатление, что передовые части вермахта уже вошли в Варшаву. Информация об этом поступила в наркоминдел от Шуленбурга 8 сентября. В начале первого часа ночи 9 сентября германское посольство в Москве приняло следующую телефонограмму за подписью Молотова, немедленно переданную в Берлин: "Я получил Ваше сообщение о том, что германские войска вошли в Варшаву. Пожалуйста, передайте мои поздравления и приветствия правительству германской империи"^{хх})⁵⁴.

Весьма симптоматично, что на следующий день, 9 сентября, центральные газеты "третьего рейха" и Советского Союза поместили на видных местах под крупными заголовками одну и ту же информацию: "Германские войска вошли в Варшаву"⁵⁵. Вместе с тем эта информация о вступлении германских войск в Варшаву явно обеспокоила кремлевское руководство. Во всяком случае уже в середине дня 9 сентября Молотов пригласил Шуленбурга и заявил ему, что "советские военные действия начнутся в течение ближайших нескольких дней"⁵⁶. Генштаб РККА установил тесный контакт с германским военным атташе генералом Э. Кестрингом⁵⁷. Командование вермахта в свою очередь передавало советским генштабистам подробную информацию об обстановке на польско-германском фронте⁵⁸.

х) В этот же день советское посольство в Берлине обратилось с просьбой в германский МИД срочно подготовить самолет для военного атташе Пуркаева, которого срочно вызвали в Москву, хотя Пуркаев только 3 сентября приступил к исполнению своих обязанностей.

хх) В действительности 4-я танковая дивизия вермахта 8 сентября достигла окраин Варшавы, но натолкнулась на упорное сопротивление и была остановлена. Спустя два дня началась битва над Бзурой, продолжавшаяся 10 дней, в ходе которой польские силы изрядно потрепали вермахт, ненадолго, но все-таки приостановив его наступление на столицу Польского государства.

Однако уже на следующий день Молотов скорректировал свое предыдущее высказывание относительно сроков выступления Красной Армии. Хотя Шуленбург был весьма искушенным дипломатом, но я думаю, что на этот раз он был введен в заблуждение молотовской аргументацией: "...Молотов обещал больше, чем от Красной Армии можно ожидать"⁵⁹. Причины были, конечно прежде всего политические, причем не только внешние. Даже тоталитарный режим не может полностью пренебрегать необходимостью пропагандистско-идеологической подготовки населения своей страны к акциям, связанным с использованием крупных вооруженных сил против суверенного государства, с которым имелись договорные отношения на достаточно высоком уровне. Такая кампания в советской печати пока, по сути дела, не велась. Этот вопрос Молотов также поднял в беседе с Шуленбургом, что означало начало недельных консультаций между Москвой и Берлином по выработке мотивации действий советского руководства на международной арене.

10 сентября Шуленбург сообщал в Берлин: "советское правительство намеревалось воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша распадается на куски и вследствие этого Советский Союз вынужден прийти на помощь украинцам и белорусам, которые "угрожает" Германия. По мнению Молотова, телеграфировал Шуленбург, "этот предлог представит вмешательство Советского Союза благовидным в глазах масс и предоставит Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором"⁶⁰. Однако под давлением Риббентропа, заявившего, что подобная мотивировка "противоречит соглашениям, достигнутым в Москве"⁶¹, первоначальный вариант ноты был изменен, хотя и не сразу. Так, согласно сообщению Шуленбурга от 16 сентября, "Молотов согласился с тем, что планируемая советским правительством формулировка содержала в себе оттенок, обидный для чувств немцев, но просил, принимая во внимание сложную для советского правительства ситуацию, не позволять подобным пустякам вставать на нашем пути. Советское правительство, к сожалению, не видело какой-либо другой возможности для мотивации (своих действий - С.С.), поскольку до сих пор Советский Союз не проявлял озабоченно-

сти о положении своих меньшинств в Польше и должен так или иначе оправдать перед внешним миром свое теперешнее вмешательство"⁶².

Параллельно с этими закулисными маневрами, замысел которых, как мне представляется, в комментариях не нуждается, в советской печати разворачивалась антипольская кампания. Начиная с 11 сентября, в газетах почти ежедневно публиковались сообщения о "кочующем" из одного города в другой польском правительстве, бросившем столицу и армию на произвол судьбы. Отрежиссированность этой пропагандистской обработки населения отчетливо прослеживается с того же времени. Так, в опубликованном в "Правде" 11 сентября обзоре военных действий в Польше за первые 9 дней достаточно профессионально анализируются основные оперативные аспекты, поставившие Польшу на грань поражения⁶³. Но спустя 3 дня "Правда" публикует передовую под заголовком "О внутренних причинах поражения Польши"⁶⁴, в которой проводится мысль об определенном значении невоенных факторов, якобы обусловивших военный разгром Польского государства: "Трудно объяснить такое быстрое поражение Польши одним лишь превосходством военной организации Германии и отсутствием эффективной помощи Польше со стороны Англии и Франции".

Что же это за невоенные факторы? Оказывается "главная причина" – польское многонациональное государство, "не скрепленное узами дружбы и равенства населяющих народов, а, наоборот, основанное на угнетении и неравноправии национальных меньшинств, не может представлять крепкой военной силы. В этом корень слабости польского государства и внутренняя причина его военного поражения"; – резюмировала "Правда" совершенно в духе аргументации "обкатанной" Молотовым в беседах с Шуленбургом. Весьма симптоматично, что этот же мотив – притеснение наименьшинств – был уже "обигран" Гитлером, когда он 1 сентября 1939 г. выступал в рейхстаге с обоснованием необходимости положить конец издевательствам над немецким меньшинством, проживающим на территории Польши⁶⁵.

Одновременно была предпринята попытка, правда однора-

зованая, представить польские вооруженные силы в качестве провоцирующего нарушителя советско-польского договора о не-нападении. 14 сентября в центральных советских газетах на видных местах под крупным заголовком появилось сообщение о нарушениях границы СССР польскими военными самолетами, которые якобы "стремились проникнуть вглубь нашей территории"⁶⁶. Вполне допускаю, что в условиях польско-германской войны могли иметь место вынужденные нарушения советского воздушного пространства. Однако отнюдь не с целью "проникнуть вглубь нашей территории". Как говорится, не до того было.

Характерно в этой связи сообщение агентства Ассошиэйтед Пресс от 14 сентября без дипломатии, вскрывшего подоплеку этой пропагандистской акции: "Тень русской интервенции все отчетливее и угрожающе обозначается на горизонте Восточной Европы. ... Согласно распространяемым ТАСС сообщениям, необходимо было бы предположить, что польские ВВС прорываются эскадрильями, чтобы осуществить на советской границе целую серию инцидентов и омрачить мирное советское небо. После того как уже несколько дней тому назад из германских источников стало известно, что польские ВВС практически полностью уничтожены и, совершенно очевидно, что, если у поляков и остались самолеты, то потребность в них на поле боя столь велика, что заявления советского информационного ведомства представляют собой "неуклюжий маневр"⁶⁷.

По всей видимости, осознание явно возникшего противоречия в пропаганде (с одной стороны, нарастание публикаций о полном развале польской государственной и военной машины, а с другой, стремление той же самой машины спровоцировать конфликт с СССР) довольно быстро произошло в Кремле, чем собственно, по моему мнению, прежде всего объясняется единичный пропагандистский зыбл в этом направлении. Хотя, как продемонстрировали всего 2.5 месяца спустя события на советско-финской границе, чтобы начать войну сталинскому руководству потребовалось "организовать" всего несколько выстрелов по своей же территории...

Тем временем в Берлине, по-прежнему, не оставляли на-

дажд добиться как можно большей ангажированности Советского Союза в германо-польской войне. В этих целях, когда Шуленбург 14 сентября уже известил германский МИД об ожидаемом в ближайшее время выступлении Красной Армии, Риббентроп предложил "публикацию совместного коммюнике" "с целью политической поддержки выступления советской армии".⁶⁸ Молотов, принимая германского посла в 6 часов вечера 16 сентября, с одной стороны, еще не имел полномочий сообщить ему точную дату и час выступления, а с другой, сразу же отреагировал на предложение о совместном коммюнике, заявив, что в нем "уже нет более нужды".⁶⁹ Подобная реакция явно свидетельствовала о том, что в Кремле обсуждалась возможность подобного предложения.

Публикация предложенного германской стороной совместного коммюнике с использованием формулировок типа - оба правительства "сочли необходимым положить конец нетерпимому далее политическому и экономическому положению, существующему на польских территориях"⁷⁰, сопровождаемая одновременным извещением о вступлении Красной Армии на территорию Польши не только фактически, но и юридически поставило бы знак равенства между действиями Германии и СССР по отношению к Польше. Сталин не желал этого, казалось бы, отдавая отчет о всех возможных последствиях подобного шага. Поэтому 16 октября Молотов и отклонил предложение Риббентропа.

С.В.Волков и Ю.В.Емельянов в недавно вышедшей книге утверждают, что, отклонив "проект заявления, предложенный Риббентропом", в Москве "был выбран вариант, который был чреват обострением советско-германских отношений, но не вел к объявлению себя партнером Германии по военным действиям".⁷¹

Очень хотелось бы согласиться с этим выводом, но увы... Во-первых, о каком обострении советско-германских отношений может идти речь, когда Сталин явно сделал ставку на их развитие по восходящей линии, о чем свидетельствовали многие факты в ходе реализации очередного раздела Польши и после него. Во-вторых, спустя 2 дня после отклонения первоначального проекта Риббентропа, он вновь, уже после вторжения

советских войск на территорию Польши, возвращается к идее совместного коммюнике. Новый немецкий проект практически ничем не отличался от предшествовавшего ему варианта, если не считать несколько вводных слов, добавленных скорее из арсенала советской пропаганды – "ввиду внутренней несостоятельности польского государства"⁷² и далее по тексту документа от 16 сентября⁷³.

Однако Сталин не согласился и с этим вариантом, но не в принципе, а лишь в силу того, что предложенный текст представляет "положение дел со слишком большой откровенностью"⁷⁴. Затем он собственноручно набросал новый вариант, который был одобрен Риббентропом, и опубликован в советской и германской печати 19 сентября.

В опубликованном тексте совместного коммюнике говорилось не о решениях правительств двух государств в отношении Польши, а о задачах и целях "советских и германских войск, действующих в Польше", которые не противоречат "духу и букве факта о ненападении, заключенного между Германией и СССР". При этом, что принципиально важно, указывался и конкретный носитель "мира и спокойствия" на территории бывшего Польского государства – вермахт и Красная Армия, в задачу которых входило "восстановить в Польше порядок и спокойствие" и "помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования"⁷⁵.

По моему мнению, это коммюнике создавало совершенно однозначное впечатление о согласованном характере действий вермахта и советских войск на территории Польши в период после 17 сентября 1939 г., а также об очень большой схожести задач, поставленных перед этими войсками политическими руководителями обеих стран. Не случайно, один из генерал-квартирмейстеров 20 сентября дал поручение офицеру для особых поручений "срочно внести ясность, рассматривать ли Россию в качестве нейтральной или союзной военной мощи..."⁷⁶.

Однако вернемся на несколько дней назад, к последним часам, предшествовавшим выступлению Красной Армии, ибо они весьма колоритно высвечивали уровень отношений советского

руководства как с Германией, так и с Польшей.

Шуленбург следующим образом описывал заключительный этап согласования с советским руководством политических документов, исходящих от имени правительства СССР. "Сталин в присутствии Молотова и Ворошилова принял меня в 2 часа ночи (17 сентября - С.С.) и заявил, что Красная Армия пересечет советскую границу в 6 часов утра на всем протяжении от Полоцка до Каменец-Подольска... Сталин зачитал мне ноту, которая будет вручена уже этой ночью польскому послу... Зачитанный мне проект содержал три пункта, для нас неприемлемых. В ответ на мои возражения Сталин с предельной готовностью изменил текст так, что теперь нота вполне нас удовлетворяет"⁷⁷. В конечном счете, по настоянию Берлина из ноты "выпало" всякое упоминание о германской угрозе украинцам и белорусам, проживающим на территории Польши. Ее, в действительности, и не было, т.к. по Секретному дополнительному протоколу к договору от 23 августа 1939 г. эти территории отходили в "сферу интересов" Советского Союза.

Иное впечатление осталось от этой ночи у польского посла В. Гжибовского. В 2 часа 15 мин. ему сообщили, что через 45 минут его ждет в Кремле Молотов. Однако он был принят Потемкиным, зачитавшим ему только что согласованную с Шуленбургом ноту советского правительства. Выслушав текст, Гжибовский заявил решительный протест и отказался передавать своему правительству содержание ноты. "У меня все еще есть надежда, - заявил польский посол, - что Ваше правительство не отдаст приказа Красной Армии вступить на территорию Польши, и не ударит нам в спину в тот момент, когда мы сражаемся против немцев"⁷⁸. Гжибовский выразил согласие поставить свое правительство в известность только о самом факте нападения Советского Союза на Польшу, еще раз напомнив о грубом нарушении договора о ненападении (1932 г.) между двумя государствами. На это Потемкин довольно грубо возразил: "Если в Польше нет больше правительства, тогда нет больше и никакого пакта о ненападении"⁷⁹. Более того, замнамаркома весьма недвусмысленно дал понять, что поскольку в Польше

нет больше правительства, то и не существует больше никаких польских дипломатов, а есть лишь группа поляков, проживающих в СССР и относящихся к компетенции советских органов⁸⁰.

Должен заметить, что это была отнюдь не пустая угроза. Только немалые усилия графа фон Шуленбурга, являвшегося дуайеном дипломатического корпуса в Москве, вообще позволили сотрудникам польского посольства покинуть территорию Советского Союза⁸¹.

В тот же день послы Польши в Париже и Лондоне официально уведомили правительства Франции и Великобритании, что "17 сентября 1939 г. Союз Советских Социалистических Республик предпринял нападение на Польшу... Польское правительство заявило протест в Москве и дало указание своему послу потребовать паспортов"⁸².

В Берлине, естественно, было совсем иное настроение. Причем не только в высших политических сферах, которые в конце концов добились столь желанного им выступления Красной Армии, но и среди той части высших штабных офицеров, которые зачастую лучше, чем полевые командиры, представляли уровень возможностей вермахта. Показательна в этом отношении запись в дневнике генерала Э. Вагнера от 17 сентября, занимавшего в то время пост начальника одного из отделов в генштабе сухопутных войск: "Сегодня в 6 часов утра выступили русские. ... Наконец-то! Для нас большое облегчение: во-первых, за нас будет преодолено большое пространство, затем мы сэкономим массу оккупационных сил, и, наконец, Россия очутится в состоянии войны с Англией, если этого захотят англичане. Любимая связь будет полной..."⁸³.

Конечно, среди высшего германского генералитета далеко не все были посвящены в тайну сделки между Берлином и Москвой, зафиксированной в Секретном протоколе к договору от 23 августа. Поэтому, вполне естественно, были и недоумение, и даже резкие оценки деятельности высшего политического руководства, особенно, когда возникла необходимость отводить части вермахта с уже занятых с боями польских территорий в согласованную в Кремле Риббентропом "сферу интересов".

Так, например, начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Ф. Гальдер охарактеризовал отвод вермахта из занятого им уже Львова, как "день позора" немецкого политического руководства"⁸⁴.

На основании некоторых подобных фактов отдельные советские историки активно пытаются создать впечатление о чуть ли не антигерманском характере действий советских вооруженных сил, начиная с 17 сентября 1939 г. С.В. Волков и Ю.В. Емельянов, ссылаясь на книгу бывшего генерала вермахта Н. Формана "Польская кампания 1939 г."⁸⁵, утверждают, что утром 17 сентября состоялось совещание высших германских политических и военных деятелей. "Его участники выражали недовольство фактом вступления Красной Армии в Польшу, т.к. это препятствовало осуществлению их плана выхода к польско-советской границе. На совещании обсуждался вопрос о том, "не следует ли немедленно напасть на Советский Союз". Однако, - резюмируют авторы, - перед лицом мощных приготовлений СССР немецкие военные и политические руководители сочли более благоразумным в сложившейся обстановке согласиться на предложенное им разрешение возникшего конфликта"⁸⁶.

Столь пространное цитирование объясняется необходимостью предельно точно представить позицию вышеназванных историков, поскольку: во-первых, никакого конфликта между СССР и Германией в связи с вступлением Красной Армии на территорию Польши не было, что достаточно убедительно показано на страницах данной статьи. Поэтому, никакого благоразумия и не требовалось от германского военного и политического руководства, хотя бы по той причине, что со стороны СССР никаких предложений по поводу мирного разрешения якобы возникшего конфликта, естественно, не поступало. Во-вторых, ни о каком недовольстве фактом вступления Красной Армии в Польшу не могло быть и речи ни на каком совещании высшего военного руководства "третьего рейха", т.к. содействие СССР в разгроме Польши и оккупации значительной части ее территории Красной Армией представляло собой важный компонент в рамках долгосрочной стратегии Гитлера, далеко выходящей за рамки польской кампании. В-третьих, вопрос о не-

медленном нападении на Советский Союз не мог стоять и не стоял ни на одном совещании военных и политических руководителей Германии в сентябре 1939 г. Напротив, 20 сентября начальник штаба оперативного руководства ОКВ генерал А. Иодль, по свидетельству Гальдера, особо подчеркнул: "Действовать совместно с русскими"⁸⁷. И, наконец, последнее, 17 сентября 1939 г. вообще не было никакого совещания высшего германского политического и военного руководства, о чем свидетельствуют авторитетные документальные источники, а также труды известных западных исследователей.

В связи с вышеизложенным, естественно, возникает вопрос о мотивах подобной фальсификации в книге советских историков, изданной в 1990 году. Не трудно догадаться, что в обстановке, когда достоянием широкой общественности наконец-то стали тайные сделки между сталинским и гитлеровским руководством для определенной группы советских историков по-прежнему оказываются хороши все средства из накопленного в течение десятилетий обширного арсенала фальсификаций, лишь бы убедить читателя в отсутствии советско-нацистского сговора в августе – сентябре 1939 г., сговора, направленного против всей Европы.

Прежде чем дать оценку происшедшим событиям, необходимо кратко проиллюстрировать их официальную интерпретацию на страницах советской печати. Все публикации, так или иначе, естественно, отталкивались от выступления Молотова по радио 17 сентября 1939 г. Он, в частности, сказал: "События, вызванные польско-германской войной, показали внутреннюю несостоятельность и явную недееспособность польского государства. ...Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. В силу такого положения заключенные между Советским Союзом и Польшей договора прекратили свое действие. В Польше создано положение, требующее со стороны советского правительства особой заботы в отношении безопасности своего государства. Советское правительство до последнего времени оставалось нейтральным. Но оно в силу указанных обстоятельств не может больше нейтрально относиться

ся к создавшемуся положению. ... Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии"⁸⁸.

Это заявление советского правительства являлось очередным образчиком демагогии и откровенной лжи, на которую только способен тоталитарный режим. Много в нем было, что называется, шито белыми нитками. Тем не менее, на ряд моментов хотелось бы обратить особое внимание. Во-первых, "жизнь и имущество" населения Западной Украины и Западной Белоруссии меньше всего интересовало сталинское руководство, о чем достаточно красноречиво свидетельствовали выше упоминавшиеся беседы Молотова с Шуленбургом. Какие же всетаки истинные намерения скрывались за этим, явно рискованным, если не сказать больше, шагом на международной арене? Не хотелось бы заниматься домыслами, поэтому воспользуясь разъяснениями самого Молотова, сделанными в начале ноября 1939 г. в докладе на торжественном заседании, посвященном XXII годовщине Октябрьской революции. "Несмотря на все происки врагов, внутренних и внешних, - заявил Председатель Совнаркома, - ... Советский Союз остался непоколебим, еще больше окреп и, как вы видите, шагнул вперед, расширил советскую территорию... Это - один из самых замечательных успехов нашей внешней политики за последнее время"⁸⁹. Таким образом, речь идет о том же, о чем говорил Мехлис на ХУШ партсъезде, но в несколько иных, более соответствовавших обстановке выражениях, т.е. об экспансионистском курсе слегка прикрываемом рассуждениями о "судьбе единокровных украинцев и белорусов, проживающих в Польше и раньше находившихся на положении бесправных наций"⁹⁰.

Во-вторых, Молотов в обращении 17 сентября признает, что СССР до последнего времени был нейтральным, но отныне таковым более не является. Это очень важное признание, т.к. в нем впервые устами главы Советского правительства заявлено об отношении крупнейшей державы ко второй мировой войне,

продолжавшейся уже более двух недель. Правда, эта "ненейтральность" СССР, по словам Молотова, распространяется только на происходящее на территории Польши, которая как государство якобы уже и не существует. Пройдет полтора месяца и Председатель Совнаркома найдет более точные выражения, чтобы охарактеризовать роль СССР в ликвидации Польского государства, выдвинув знаменитую концепцию "двух ударов". "Правящие круги Польши немало "кичились" прочностью своего государства и "мощью" своей армии, — заявил Молотов на У сессии Верховного Совета СССР. — Однако, оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей"⁹¹. В этой оценке серьезно скорректирована позиция советского правительства от 17 сентября, ставшего, если не равноправным, то, несомненно, соучастником ликвидации Польского государства, а не только протягившим "руку помощи" народам Западной Украины и Западной Белоруссии^{x)}.

В-третьих, Молотов 17 сентября упомянул о том, что в связи с прекращением существования Польского государства прекратили свое действие и советско-польские договоры. Что здесь имеется ввиду? Рижский мирный договор 1920 г., договор о ненападении 1932 г., а также Конвенция об определении агрессии 1933 г. Однако в данном случае Молотов, разумеется, не договаривал, ибо, начиная с 23 августа 1939 г., т.е. с подписания договора о ненападении с Германией советское правительство неоднократно нарушало прежде всего договор о ненападении с Польшей от 25 июля 1932 г., а 17 сентября нарушило и все другие договоры. Достаточно назвать только такие действия советской стороны, как оказание политической и военной поддержки "третьему рейху" до 17 сентября 1939 г.,

^{x)} О различных формах реализации этой помощи см. подробно: Gross J.T. Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia, — Princeton (N.J.), 1988.

выразившейся в содействии развязывания германо-польской войны, сосредоточении крупных вооруженных сил на границе с Польшей, предоставлении возможности использования радиостанции г. Минска в качестве радиомаяка для самолетов люфтваффе, запрещении транзита военных грузов в Польшу через свою территорию, пропагандистском прикрытии нацистской агрессии на страницах советской печати. Все это было грубым нарушением заключенных в различные годы советско-польских договоров и соглашений.

Поэтому и агрессия 17 сентября 1939 г. была следствием, закономерным вытекавшим из поведения СССР на международной арене после 23 августа 1939 г. Руководствуясь имперскими амбициями, сталинское руководство пошло на беспрецедентную по своему цинизму сделку с нацистским рейхом, чем способствовало развязыванию второй мировой войны. Совершив 17 сентября 1939 г. агрессию против Польши, сталинский режим де-факто втянул Советский Союз во вторую мировую войну, на стороне нацистской Германии.

Примечания

1. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. В 2-х т. - М.: Наука, 1973. Т. I, док. 88. С.362.

2. Там же.

3. Там же.

4. Дашичев В.И. Указ.соч. Т. I, док. 33. С.133-134.

5. Akten zur deutschen Auswärtigen Politik 1918 - 1945. Ser. D (1937 - 1941). - Baden-Baden, 1956. - Bd. VI, Dok. A 382. - S. 410-411 (далее - ADAP); Sommer Th. Deutschland und Japan zwischen den Mächten 1935 - 1940: Von Antikominternpakt zum Dreimächtepakt - Tübingen, 1962. - S. 228.

6. ADAP, Ser. D, Bd. VI, Dok. 447. - S. 499. 1962. - S. 228.

7. Documents on British Foreign Policy, 1919-1939, 3 nd Ser. L. 1949-1961, vol. IX, Doc. 365. - P. 313. (= DBFP).

8. ADAP, Ser. D, Bd. VI, Dok. 713, 719.

9. DBFP, 3 nd Ser., vol. VI, App. 4. - P. 759-760.

10. ADAP, Ser. D, Bd. VI, Dok. 712, 784; Allianz Hitler=Mussolini: Dokumente zur ungarischen Außenpolitik (1933-1944) Bearb. von Adam M. u. a. - Budapest 1966, Dok. 56-61.

II. Известия, 1989, 25 декабря; К истории заключения со-

- ветско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. // Новая и новейшая история, 1989, № 6, С.14-16; 1939 год: Уроки истории / Ответ.ред. О.А.Ржешевский. - М.: Мысль, 1990. С.323-324.
12. ADAP, Ser. D, Bd. VI, Dok. 729. - S. 848.
 13. Ibid., Dok. 736. - S. 855.
 14. Ibid., Dok. 760. - S. 884.
 15. Ibid., Dok. 766. - S. 893.
 16. ADAP, Ser. D, Bd. VII, Dok. 18. - S. 15.
 17. Известия, 1989, 25 декабря.
 18. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М., 1939. С.13-15; Гибиянский Л.Я. Поворот в советско-германских отношениях в 1939 г. и восточноевропейские проблемы (некоторые аспекты) // Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы (отв.ред. И.И.Поп. М., 1989. С.75-77.
 19. Известия, 1939, 1 сентября.
 20. Известия ЦК КПСС. М., 1990, № 3. С.216-219.
 - 21-22. Там же.
 23. Известия, 1989, 25 декабря.
 24. ADAP, Ser. D, Bd. VII, Dok. 228, 229.
 25. Ibid., Dok. 229. - S. 207.
 26. К истории заключения советско-германского договора о ненападении (документальный обзор).
 27. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). С.280, 273.
 28. Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т.ХУ, док. 300. С.437-438.
 29. ADAP, Ser. D, Bd. VIII, Dok. 157-160.
 30. 1939 год: Уроки истории. С.451-453.
 31. Trial of Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 1947-1949, Doc. 798 - PS. vol. XXVI. - P. 343.
 - К сожалению, имеющаяся публикация этого документа в СССР содержит купюры: Дашинцев В.И. Указ.соч. Т.1, док.34.
 32. Below N. von. Als Hitlers Adjutant 1937-45. Mainz, 1980. - S. 183
 33. 1939 год: Уроки истории. С.348.
 34. ADAP, Ser. D, Bd. VII, Dok. 360. - S. 302.
 35. Ibid., Dok. 383. - S. 318.
 36. Ibid., Dok. 424. - S. 350.
 37. Известия, 1939, 30 августа.
 38. К истории заключения советско-германского договора.
 - С.12-13.
 39. Известия, 1939, 27 августа.
 40. Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 года // Международная жизнь. М., 1969, № 11. С.111.
 41. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сент.1938 - август 1939 гг.): Документы и материалы. М., 1971, док.445. С.640.
 42. Известия, 1939, 24 августа.
 43. Правда, 1939, 1 сентября.
 44. Правда, 1939, 2 сентября.

45. Stalin und Hitler: Pakt gegen Europa / Hrsg. u. eingel. von J.W. Brugel. - Wien, 1973. - Dok. 90. - S. 107.
46. Ibid., Dok. 91. - S. 108.
47. ADAP, Ser. D, Bd. VII, Dok. 534. - S. 424.
48. Piekalkiewicz J. Polenfeldzug: Hitler und Stalin zerschlagen die Polnische Republik. - Bergisch Gladbach, 1982. - S. 231.
49. ADAP, Ser. D, Bd., VIII, Dok. 567. - S. 450-451.
50. Ibid., Dok. 70. - S. 54.
51. Ibid., Dok. 5. - S. 4.
52. Ibid.
53. Коминтерн и советско-германский договор о ненападении // Известия ЦК КПСС. М., 1989, № 12. С. 207.
54. ADAP, Ser. D, Bd. VIII, Dok. 35. - S. 27.
55. Völkischer Beobachter, 1939, 9 Sept.; Правда, 1939, 9 сентября.
56. ADAP, Ser. D, Bd. VIII, Dok. 37 - S. 28.
57. Fabry Ph. Die Sowjetunion und das Dritte Reich: Eine dokumentierte Geschichte der Deutsch-sowjetischen Beziehungen von 1933 bis 1941. - Stuttgart, 1971. - S. 83.
58. Groscurth H. Tagebücher eines Abwehroffiziers 1938-1940 / Hrsg. von Krausnick H. u. Deutsch H. - Stuttgart, 1970. - S. 202.
59. ADAP, Ser. D, Bd. VIII, Dok. 46. - S. 35.
60. Ibid.
61. Ibid., Dok. 70. - S. 54.
62. Ibid., Dok. 78. - S. 60.
63. Правда, 1939, 11 сентября.
64. Правда, 1939, 14 сентября.
65. Известия, 1939, 2 сентября.
66. Известия, 1939, 14 сентября.
67. Цит. по: Piekalkiewicz J. Polenfeldzug. - S. 142.
68. ADAP, Ser. D, Bd. VIII, Dok. 70. - S. 54.
69. Ibid., Dok. 78. - S. 60.
70. Ibid., Dok. 70. - S. 54.
71. Волков С.В., Емельянов Ю.В. До и после секретных протоколов. - М., 1990. С. 156.
72. ADAP, Ser. D, Bd. VIII, Dok. 94. - S. 75, Anl. 1.
73. Ibid., Dok. 70. - S. 54.
74. Ibid., Dok. 94. - S. 74-75.
75. Правда, 1939, 19 сентября.
76. Groscurth H. Op. cit. - S. 273.
77. ADAP, Ser. D, Bd. VIII, Dok. 80. - S. 62.
78. Weissbuch der Polnischen Regierung über die polnisch-deutschen und die polnisch-sowjetischen Beziehungen im Zeitraum von 1933 bis 1939. - Basel, 1940, Dok. 184. - S. 273.
79. Ibid.
80. Ibid.
81. Piekalkiewicz J. Op. cit. - S. 265.
82. Weissbuch der Polnischen Regierung, Dok. 178. - S. 245.

83. Wagner E. Briefe und Tagebuchaufzeichnungen des Generalquartiermeisters des Heeres / Hrasg. von Wagner E. - München; Wien, 1963. - S. 132-133.
84. Гальдер Ф. Военный дневник (пер. с нем.), М., 1968, т. I. С. 125.
85. Vormann N. v. Der Feldzug 1939 in Polen: Die Operationen des Heeres. - Wesenburg, 1958.
86. Волков С. В., Емельянов Ю. В. Указ. соч. С. 159.
87. Гальдер Ф. Указ. соч., т. I. С. 125.
88. Правда, 1939, 18 сентября.
89. Известия, 1939, 7 ноября.
90. Правда, 1939, 18 сентября.
91. Внеочередная У сессия Верховного Совета СССР I-го созыва. М., 1939. С. 8.

ГРИГОРЬЯНЦ Т. Ю.

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ В СЕНТЯБРЕ 1939 Г. И СТАЛИНСКИЕ ПЛАНЫ В ОТНОШЕНИИ ПОЛЬШИ

Переговоры с СССР Гитлер рассматривал как важную составную часть германских приготовлений к войне. Договоренность со Сталиным подстраховывала "польское предприятие". В противном случае Германия оказывалась перед перспективой вести войну против Польши в состоянии полной изоляции.

Подписание пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом 23 августа 1939 г. и секретного протокола к нему стало первым актом польской трагедии. На практике оно означало политическую поддержку готовившегося полным ходом нападения фашистской Германии на Польшу, а последовавшие затем события подтвердили прямое соучастие Сталина в ее разделе. Возникает вопрос, что же руководило Сталиным? Только ли вопрос безопасности Советского Союза, стремление избежать в тот момент во что бы то ни стало войны? Или он руководствовался какими-то другими соображениями?

Подписав пакт о ненападении и секретный протокол к нему, разграничивавший сферы интересов двух диктаторов в Восточной Европе и определявший линию разграничения этих интересов (Польша, Прибалтика, Финляндия, Бессарабия - сфера советских интересов), Гитлер решил две важнейшие внешнепо-

литические задачи – обеспечил себе дружественный нейтралитет, экономическую и военную поддержку Советского Союза и одновременно изолировал его на международной арене с тем, чтобы позднее один на один расправиться с ним. В речи на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. Молотов с удовлетворением резюмировал: "Наши отношения с Германией улучшились коренным образом. Здесь дело развивалось по линии укрепления дружественных отношений, развития практического сотрудничества и политической поддержки Германии в ее стремлениях к миру"¹.

События августа – сентября 1939 г. укрепили самоуверенную решимость Гитлера и открыли ему путь для вторжения в СССР в июне 1941 г.

Советский Союз в результате договоренности с Гитлером оказался в изоляции. Более того, в глазах мировой общественности события августа – сентября 1939 г. (подписание договора о ненападении от 23 августа и секретного протокола к нему, а затем договора о дружбе и границе от 28 сентября) сделали Советский Союз пособником и соучастником гитлеровской агрессии. Но, как мы увидим, в данном случае, для Сталина и Молотова важнее были перспективы территориальных приобретений, нежели моральные соображения.

Выдвинутый Сталиным и Молотовым в качестве мотивировки вступления Красной Армии на чужую территорию тезис об "освобождении" народов Западной Украины и Западной Белоруссии на самом деле, как показали события, ничего общего не имел с истинной заботой о благе этих народов. Вопрос о западноукраинских и западнобелорусских землях был для Сталина в буквальном смысле дипломатической уловкой. Отношение к Советской Украине, с которой он собирался воссоединять западных украинцев, проявилось с достаточной ясностью в 30-е годы, когда на ее территории был сознательно организован голод, унесший жизни нескольких миллионов украинцев. Утвердившаяся в советской историографии и общественном мнении оценка действий сталинского руководства в тот период как действий, направленных с одной стороны, на защи-

ту интересов народов Западной Украины и Западной Белоруссии, как освободительный поход, а с другой — на защиту интересов и безопасности всего советского народа путем передвижения западных границ страны на Запад, не соответствует действительности и требует объективного рассмотрения и корректировки.

Парадоксально, но факт, что в своей политической игре оба диктатора пользовались одинаковыми пропагандистскими методами. Гитлер также использовал вопрос об украинцах и белорусах, проживавших в довоенной Польше в политических целях.

Обратимся к документам. Еще в июне 1939 г. в ведомстве Розенберга был разработан документ "Восточноевропейские вопросы"², в котором прямо говорилось о том, что нужно использовать недовольных украинцев и белорусов на этих территориях в политических и военных целях рейха. В документе обращалось особое внимание на значение западноукраинских и западнобелорусских земель, входивших в состав Польши, как на восточный плацдарм для осуществления стратегических планов Германии против СССР. В документе указывалось, что эти территории представляют собой те рубежи, с которых можно обеспечить интересы германского "жизненного пространства" глубоко на Востоке, осуществляя их "не немецкой, а их кровью", т.е. белорусов и украинцев. Более того, в нем давались рекомендации, как и каким образом использовать недовольство западноукраинского и западнобелорусского населения на территории Польши национальной политикой Варшавы в случае военного конфликта с Польшей. Документ этот был разработан еще до подписания советско-германского пакта, т.е. еще до достижения договоренности Гитлера и Сталина о разделе Польши.

Намерения германского политического руководства использовать в своих целях западных украинцев и западных белорусов сохранялись и после подписания пакта и секретного протокола к нему, и, более того, уже после вторжения немецких войск в Польшу и захвата польских территорий. Это

проявилось в появлении чисто спекулятивных идей о предоставлении независимости Западной Украине. Свидетельства этому мы находим в дневнике начальника штаба сухопутных войск генерал-полковника Ф. Гальдера, который записал 7 сентября 1939 г. (когда налицо были быстрые военные успехи гитлеровской армии и когда Риббентроп предложил Молотову во исполнение договоренности ввести части Красной Армии в Польшу) следующее: "Главкомандующий у фюрера. Три возможных варианта развития обстановки. 1) Поляки предлагают начать переговоры. Мы к ним готовы на следующих условиях: разрыв Польши с Англией и Францией; остаток Польши будет сохранен; районы от Нарева с Варшавой - Польше; промышленный район - нам; Краков - Польше; северная окраина Бескидов - нам; области Западной Украины - самостоятельны..."³.

10 сентября Гальдер записал в дневнике: "Успехи войск баснословны. Варлимонт (сообщает): а) получено обращение к Западной Украине, б) ожидается повышенная активность русских в ближайшие дни..."⁴.

Речь шла об обращении, в котором говорилось о создании под эгидой гитлеровской Германии "независимого" государства западных украинцев, проживавших на территории тогдашней Польши. Население этих территорий, которые по советско-германскому секретному протоколу отходили к сфере интересов Советского Союза, составляло 12 миллионов человек.

Обратимся опять к дневнику Гальдера. 12 сентября 1939 г. он записал: "Разговор главкома с фюрером: Русские, очевидно, не хотят выступать. Они хотят взять себе Украину..."⁵.

Из приведенных дневниковых записей Гальдера однозначно яствует, что и сталинское и нацистское руководство намеревались использовать вопрос о Западной Украине и Западной Белоруссии в своих политических расчетах. Осуществить свои намерения немцам помешало состоявшееся все-таки вступление советских войск на территорию Восточной Польши.

В беседе с Шуленбургом в ночь на 17 сентября Сталин сообщил ему о том, что в шесть часов утра Красная Армия пересечет советско-польскую границу и о том, что "советские

самолеты начнут уже сегодня бомбардировку восточнее Львова".

Все эти детали красноречиво говорят о том, что эти народы сами по себе, их национальные интересы не представляли никакой ценности ни для Гитлера, ни для Сталина. Их кровь готовы были пролить и тот, и другой. Речь шла о территориальных захватах, о разделе сфер влияния в восточно-европейском регионе, охватывавшем, в понимании Сталина, Польшу, Прибалтику, Финляндию и Бессарабию.

Знание деталей того, как Сталин пытался найти оправдательные мотивы раздела Польши с Гитлером и вступления частей Красной Армии на территорию Польши в середине сентября 1939 г., помогает укрепиться в этой точке зрения.

1 сентября 1939 г. гитлеровская Германия напала на Польшу. Сталинское руководство оказывало экономическую и военную помощь Германии с первого дня ее войны против Польши. Минская радиостанция служила в качестве радиомаяка немецкому Люфтваффе, передавая через определенные интервалы в своих передачах слово "Минск" в качестве позывного сигнала немецким самолетам⁶.

5 сентября Гальдер поспешил записать в дневнике: "противник разбит"⁷. В это время Польша еще отчаянно сопротивлялась.

За два дня до этого, 3 сентября Риббентроп официально призвал советскую сторону к занятию своей сферы интересов, т.е. к военному вторжению в Польшу с Востока. 5 сентября нарком иностранных дел Молотов письменно ответил Риббентропу, что эта акция будет осуществлена в подходящий момент, который, однако, еще "не назрел". По его мнению, "спешка" могла бы повредить "делу". Он, тем не менее, настаивал на "точном" соблюдении германо-советской демаркационной линии, определенной в секретном протоколе. Риббентроп продолжал настаивать на ускорении советского военного вторжения. 8 сентября 4-я танковая армия прорвалась к Варшаве⁸, но была остановлена отчаянным сопротивлением поляков. Молотов официально поздравил германского партнера со "вступлением немецких войск в Варшаву". Позднее выяснилось, что это бы-

ло ошибочное сообщение.

Риббентроп усилил давление на германское посольство в Москве. В срочной, строго секретной телеграмме Шуленбургу он пишет: "Военные действия сверх наших ожиданий развертываются чрезвычайно быстро". В этих обстоятельствах германское правительство желало знать военные намерения советского руководства.

В ответе Молотова 9 сентября говорилось, что "советская военная акция последует в эти дни". 10 сентября Шуленбург встретился с Молотовым, который заявил, что советское правительство захвачено врасплох столь быстрыми германскими военными успехами и что Советский Союз попал в связи с этим в "тяжелое положение". Германский посол сообщал в Берлин, что Москва озабочена лишь тем, чтобы найти оправдание вторжению. Молотов пояснил, — сообщал в своей телеграмме в Берлин с грифом "сifissimo" Шуленбург, — каким образом Кремль собирается объяснить свое военное вторжение в Польшу: "Польша разваливается и Советский Союз вследствие этого вынужден прийти на помощь украинцам и белорусам, которым угрожает Германия. Такое обоснование должно убедительно подействовать на массы и одновременно помочь избежать обвинений в агрессии". Молотов объяснил германскому послу, что "Красной Армии необходимо для похода на Польшу от двух до трех недель"⁹.

14 сентября в Кремле Шуленбургу было сказано, однако, что "готовность Красной Армии может быть достигнута быстрее, чем ожидалось" и в свою очередь поинтересовались, "когда будет взята Варшава", подчеркнув, что для обоснования вступления советских войск необходимо подождать, пока падет Варшава¹⁰.

15 сентября Риббентроп послал телеграмму Шуленбургу с просьбой сообщить Молотову, что "Варшава будет занята в ближайшие дни, что Германия приветствует намерения Советского Союза осуществить военное вторжение, но не хочет, чтобы в качестве обоснования советской военной акции выдвигалась германская угроза для украинского и белорусского

населения, поскольку подобная мотивировка противоречила бы "истинным германским намерениям" и обе стороны предстали бы перед всем миром "как противники". Гитлер просил сообщить день и час советского вступления в Польшу¹¹.

16 сентября Шуленбург телеграфировал из Москвы, что посетил Молотова, который заявил, что предстоит военное вмешательство Советского Союза. Возможно даже уже завтра или послезавтра. Сталин в настоящее время совещается с военными руководителями... Молотов добавил, - сообщал далее Шуленбург, - что советское правительство намерено обосновать свое вступление следующим образом: польское государство развалилось и больше не существует, а поэтому все заключенные с Польшей договоры несостоятельны - третьи державы могут попытаться извлечь выгоду из возникшего хаоса; Советский Союз чувствует себя обязанным выступить в защиту своих украинских и белорусских братьев и создать этому несчастному населению возможность спокойно работать.

Шуленбург выразил протест против такой формулировки, предположив, что под "третьей державой" можно подразумевать Германию. Как писал в своей телеграмме Шуленбург, "Молотов согласился, что предлагаемая советским правительством формулировка имеет для немецкого восприятия теневую сторону, но просил, учитывая тяжелое положение советского правительства, не спотыкаться об эту соломинку. Советское правительство, сказал Молотов, не видит к сожалению, возможности для другой мотивировки, поскольку Советский Союз до сих пор не заботился о положении этих меньшинств в Польше и для внешнего мира должен как-то обосновать свое теперешнее вмешательство"¹².

17 сентября Шуленбург послал еще одну телеграмму в Берлин, в которой говорилось: "Сталин принял меня в два часа ночи... и заявил, что Красная Армия сегодня, в шесть часов утра пересечет советскую границу на всем протяжении от Полоцка до Кamenец-Подольска и что советские самолеты начнут уже сегодня бомбардировки восточнее Львова. Сталин прочел мне ноту, которая должна быть еще сегодня ночью передана

польскому послу и затем опубликована... Прочитанный мне проект содержал три неприемлемые для нас места. В ответ на мои возражения Сталин с готовностью изменил текст так, что теперь нота вполне нас удовлетворяет"¹³.

Приведенные документы свидетельствуют еще и о том, что по сути дела Сталин и Молотов согласовывали с немцами формулировки советских дипломатических документов, демонстрируя согласованность и синхронность действий с Гитлером. Германскому послу было позволено редактировать мотивировку советского вторжения в Польшу в выгодную для немцев сторону. Теперь западных украинцев и белорусов "спасали" не от гитлеровцев, а от некоторых третьих стран, под которыми многие тогда в СССР могли понимать опять же Англию и Францию, если учесть патологическую враждебность советской пропаганды в отношении "западных демократий" и постоянное заискивание перед гитлеровской Германией.

В тот же день, 17 сентября, выступая по радио, Молотов, объясняя мотивы вступления советских войск на территорию Польши, привел аргументацию, согласованную с немецкой стороной: "События, вызванные польско-германской войной, показали внутреннюю несостоятельность и явную неспособность польского государства. Польское государство и его правительство практически перестали существовать. В силу такого положения, заключенные между Советским правительством и Польшей договоры прекратили свое действие. В Польше создано положение, требующее со стороны советского правительства особой заботы в отношении безопасности своего государства. Советское правительство до последнего времени оставалось нейтральным, но оно в силу указанных обстоятельств не может больше нейтрально относиться к создававшемуся положению. Советское правительство отдало распоряжение главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии"¹⁴.

Беседа Сталина с германским послом Шуленбургом не исчерпывалась событиями трагической ночи 17 сентября. После бе-

седи Сталина с Шуленбургом, исправленный при немецком содействии текст уже упоминавшейся ноты был вручен первым заместителем министра иностранных дел В.И.Потемкиным польскому послу Гжибовскому. В ноте, как известно, также говорилось, что польское государство перестало существовать де факто, вследствие чего договор о ненападении между Польшей и Советским Союзом потерял свою силу. "Красная Армия, — говорилось далее в ноте, — пересекла границу, чтобы взять под защиту жизнь и имущество своих братьев на Украине и в Белоруссии. Советское правительство будет делать все, чтобы освободить польский народ от несчастия войны, в которую его ввергли неразумные руководители".

И в заявлении Молотова по радио, и в ноте, переданной польской стороне, ни слова не говорилось о германской угрозе, от которой, надо полагать, должны были быть защищены народы Западной Украины и Западной Белоруссии. Ни слова не было сказано о германской агрессии против Польши. Наоборот, как мы видим, в обоих случаях речь шла о "неразумных руководителях" польского народа, ввергших его в войну с Гитлером. Таким образом, сталинское руководство фактически солидаризировалось с гитлеровской политикой в отношении Польши, практически предприняв против польского народа те же самые действия.

Польский посол Гжибовский отказался принять ноту, и заявил, что ни один из аргументов не выдерживает критики: глава государства и правительство находятся на территории Польши, армия продолжает бои. Польский посол подчеркнул, что введение советских войск нарушает все договорные советско-польские обязательства: Рижский договор от марта 1921 г., договор об отказе от применения силы от 1928 г., договор от 1932 г., срок действия которого был продлен в феврале 1934 г. на 10 лет. Гжибовский заявил, что суверенитет Польши продолжает существовать до тех пор, пока борется хотя бы один единственный польский солдат. Москва была в свое время занята Наполеоном, однако никто не оспаривал существования России, пока армия Кутузова продолжала борьбу, —

сказал он. "Где ваша славянская солидарность? - спросил польский посол и добавил - Нота, которую Вы мне прочли сейчас, означает, что Вы пошли по одному пути" (с Гитлером. - Т.Г.).

Сообщение Гжибовского было передано польскому правительству, находившемуся в небольшом местечке вблизи румынской границы (президент Мосцицкий, маршал Рыдз-Смиглы, министр иностранных дел Ю. Бек и другие министры). В ночь с 17 на 18 сентября, когда Варшава еще боролась, правительство и верховное командование Польши перешли границу и сдались румынским властям. Вскоре Румыния под мощным германским нажимом интернировала польское государственное руководство. Маршал Рыдз-Смиглы бежал из плена и вернулся в борющуюся Варшаву. Бек умер в румынском плену, президент Мосцицкий - в эмиграции в Швейцарии.

Что касается согласованной советско-германской демаркационной линии, на которой не остановились вопреки договоренности между Гитлером и Сталиным германские войска, практически оккупировавшие всю Польшу, то весьма примечательны детали переговоров между Гитлером и Сталиным, происходивших в сентябре 1939 г. Еще до подписания советско-германского пакта от 23 августа 1939 г. и секретного протокола к нему, Гитлер, выступая на совещании в Оберзальцберге 20 августа 1939 г., выдвинул требования к руководству вермахта. В своем дневнике Гальдер зафиксировал их следующим образом: "Цель: Уничтожение Польши, ликвидация ее живой силы. Речь идет не о выходе на какой-то рубеж или новую границу, а об уничтожении противника"... и далее: "Новые границы. Новая область рейха? Выдвинутый на восток "Протекторат". При проведении военных операций начертания будущих границ не учитывать"¹⁵.

События показали, что германское военное руководство выполнило указание Гитлера. Начертание будущих границ, оговоренное со Сталиным, не учли. Однако Сталин не хотел отказываться от территорий, отходивших к нему по договоренности с Германией. Во время беседы с Шуленбургом, накануне

вступления частей Красной Армии в Восточную Польшу, Сталин униженно спрашивал, будет ли германское верховное командование придерживаться московских соглашений и отведет ли войска назад к согласованной линии? Шуленбург передал по телеграфу Риббентропу просьбу рассеять сомнения Сталина. В ответной телеграмме Риббентроп просил передать Сталину, что соглашения, которые он заключил по поручению фюрера в Москве "будут выполняться и будут рассматриваться нами как фундамент новых дружественных отношений между Германией и Советским Союзом"¹⁶. Действительно, нацистское руководство, видимо, дало соответствующие указания военной верхушке, которая не желала расставаться с захваченными территориями. Об этом свидетельствуют записи в дневнике Гальдера от 17 и 20 сентября 1939 г. В записи от 17 сентября читаем: "20.00 - Сообщение, что русские двинули свои армии через границу Польши. 7.00 - Приказ нашим войскам остановиться на линии Сколе - Львов - Владимир Волынский - Белосток. В первой половине дня - обмен мнениями с ОКВ (Верховное командование вермахта. - Т.Г.) относительно будущей демаркационной линии"¹⁷. А в записи от 20 сентября следующие сведения: "Трения с Россией: Львов. Разговор с генерал-полковником Браухичем. Йодль: действовать совместно с русскими. Немедленное совместное урегулирование разногласий на месте о демаркационной линии. Если русские настаивают на территориальных требованиях, мы очистим территорию. Решено: Русские займут Львов. Немецкие войска очистят Львов. День позора немецкого политического руководства. Окончательное начертание демаркационной линии. Не должно произойти никакого обострения политической обстановки. Окончательная линия по реке Сан. Форман докладывает: Для удовлетворения настоячивых требований Ворошилова фюрер принял решение об окончательной демаркационной линии, с чем сегодня будет официально объявлено. Она проходит по р.Писа, р.Нарев, р.Висла, железная дорога вдоль Сана. Перемышль"¹⁸.

В этой же дневниковой записи отражен и финал советско-германских переговоров по конфликтной ситуации из-за де-

маркационной линии, вернее ее нарушения германскими войсками при дележе польских территорий. Гальдер отметил: "Вайцеккер отвечает на запрос: Урегулирование инцидента - через военные инстанции.

17.00 - Кребс^{х)} докладывает: Переговоры закончились в дружественной обстановке"¹⁹.

Как свидетельствуют дневниковые записи Гальдера, шел дележ военной территориальной добычи. Более того, ситуация с демаркационной линией вызвала конфликт между военным и политическим руководством нацистской Германии. Первое не желало отдавать захваченное. Решение Гитлера об оставлении уже занятых немецкими войсками польских территорий было воспринято руководством вермахта (ОКХ. - Т.Г.) как позорная капитуляция. Гитлер, однако, не посчитался с эмоциями своих генералов. Политические расчеты были в данной ситуации важнее военных соображений. Сталин становился реальным соучастником раздела Польши.

Переговоры не только закончились в дружественной обстановке, как информировал Кребс. Они завершились совместным германо-советским коммюнике от 22 сентября 1939 г., в котором говорилось следующее: "Германское правительство и правительство СССР установили демаркационную линию между германской и советской армиями, которая проходит по реке Писа до ее впадения в реку Нарев, далее по реке Нарев до ее впадения в реку Висла, далее по реке Висла до впадения в нее реки Сан и дальше по реке Сан до ее истоков". Вместе с коммюнике в советской прессе была опубликована соответствующая этой демаркационной линии карта. Обозначенная в опубликованном коммюнике и карте демаркационная линия между германской и советской армиями и оказалась той самой линией раздела сфер влияния, которая была определена в секретном протоколе к советско-германскому договору от 23 августа 1939 г. В этот же день, 22 сентября 1939 г. в Брест-Литовске состоялся совместный парад германских и советских войск.

^{х)} Ханс Кребс - заместитель германского военного атташе в Москве.

Дело шло теперь к осуществлению еще одного сговора между Германией и СССР – подписанию договора о советско-германской границе.

Путем переговоров по дипломатическим каналам Гитлер и Сталин занимались "окончательным урегулированием польского вопроса". Если Гитлер еще колебался, сохранить ли "остаточное" польское государство, то Сталин уже решил для себя этот вопрос. Как сообщал в Берлин Шуленбург 19 сентября 1939 г., Молотов дал ясно понять, что имевшее прежде место намерение советского правительства и "лично у Сталина" сохранить "остаток Польши" теперь сменилось тенденцией разделить Польшу вдоль линии Писса – Нарев – Висла – Сан. Советское правительство желает вступить по этому вопросу в скорейшие переговоры, – писал в Берлин Шуленбург²⁰. Уже после опубликования советско-германского коммюнике от 22 сентября 1939 г., 23 сентября Риббентроп, в ответной телеграмме писал Шуленбургу в Москву: "Русский ход мыслей установить границу вдоль известной линии по четырем рекам совпадает в общем с точкой зрения имперского правительства". Риббентроп выразил готовность вновь прилететь в Москву.

Сталин взял инициативу этих переговоров в свои руки. Вообще, как подчеркивают западные исследователи, после вступления советских войск в Польшу и практически осуществившегося ее раздела 17 сентября 1939 г., Сталин был главным автором всех совместных советско-германских документов, касающихся Польши²¹.

25 сентября Сталин пригласил Шуленбурга в Кремль и, после беседы со Сталиным, тот записал: "Сталин заявил, ... что ему кажется оставление самостоятельной "остаточной" Польши ошибочным. Он сделал следующее предложение: от области, лежащей восточнее демаркационной линии, к нашей части должны быть добавлены все воеводство Люблин и часть Варшавского воеводства до Буга. За это мы отказываемся от Литвы. Сталин добавил, что в случае нашего согласия Советский Союз приступил бы тотчас к решению проблемы балтийских государств в соответствии с секретным протоколом от 23 августа

и при этом он ожидает безусловной поддержки германского правительства. Сталин говорил исключительно об Эстонии, Латвии и Литве, не упоминая, однако, Финляндию" ²².

27 сентября в 18.00 в Москву во второй раз прибыл Риббентроп. В переговорах, которые начались вечером того же дня, Сталин поставил немцев перед альтернативой: либо установить границу вдоль рек Писса – Нарев – Висла – Сан, причем Германия получает Литву, либо уступить Литву Советскому Союзу, в обмен на польские территории, отходившие к СССР (воеводство Люблин и восточная часть Варшавского воеводства) с чисто польским населением. Сталин настаивал на втором варианте, и Гитлер, которому Риббентроп отправил в 4 часа утра большую телеграмму, согласился с предложением Сталина. В 5 часов утра 28 сентября был подписан советско-германский договор о дружбе и границе, в I-й статье которого была зафиксирована советско-германская граница, а во 2-й статье говорилось об "окончательном" характере границы "обоюдных государственных интересов" и о недопущении "вмешательства третьих держав" в это решение ²³.

В секретном протоколе к нему фиксировалось частичное изменение советско-германской границы: граница с реки Вислы из-под Варшавы переносилась намного восточнее – к Брест-Литовску, на реку Буг. Сталин уступал Германии в обмен на Литву воеводство Люблин и часть Варшавского воеводства, с чисто польским населением ²⁴.

Таким образом был окончательно завершён раздел Польши между Германией и СССР. Так Польша, как перед ней Австрия и Чехословакия, исчезла с европейской географической карты.

Совершенно очевидно, что советско-германская договорённость касалась всей Восточной Европы. Это подтверждалось и текстом официального заявления советского и германского правительств, приложенного к договору, в котором говорилось: "Германское правительство и Правительство СССР подписанным сегодня договором окончательно урегулировали вопросы, возникшие в результате распада Польского государства, и тем самым создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе" ²⁵.

Гибель Польши означала крушение всей системы государств Восточной Европы, созданной Версалем. Была predetermined судьба существовавших еще самостоятельных и независимых прибалтийских государств – Литвы, Латвии и Эстонии²⁶. 30 ноября 1939 г. началась советско-финская война...

Совершенно очевидно, что "прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе" был фикцией и что на стремление к миру руководило Сталиным. Доминантным был вопрос о захвате территорий, о разделе с Германией сфер влияния в Восточной Европе. Политика сговора с фашистской Германией принесла свои плоды... Но она не принесла Сталину главного – она не дала Советскому Союзу гарантий от угрозы нападения гитлеровской Германии.

Примечания

1. Правда, 1 ноября 1939 г.
2. Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs 1934-1935 und 1939-1940. DTV, München. 1956. S. 168-176
3. Гальдер Ф. Военный дневник. Т. I. М., 1968, С. 108.
4. Там же. С. III.
5. Там же. С. II 6.
6. Jan T. Gross. Revolution From Abroad The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. Princeton. New Jersey. 1988, P. 10; а также DGFP. VII, N 480
7. Гальдер Ф. Указ. соч. С. 102-103.
8. Там же. С. II 0.
9. Akten der Deutschen Auswärtigen Politik. Serie D. Baden-Baden, 1956, Bd., VIII, Dok. N 46 / далее ADAP/
10. Dokuments on German Foreign Policy, 1918-1945, Serie D /1937-1945/, VIII, N 63 / далее DGFP/
11. DGFP, Serie D, VIII, N 70
12. Ibid., N 78
13. ADAP, Serie D, Bd., VIII, S. 62; DGFP, Serie D, VIII, N 80
14. Внешняя политика СССР. Сборник документов. М., 1946.
- Т. IV, С. 448.
15. Гальдер Ф. Указ. соч. С. 57.
16. DGFP, Serie D, VIII, N 101
17. Гальдер Ф. Указ. соч. С. 123.
18. Там же. С. 125-126.
19. Там же. С. 126.
20. DGFP, Serie D, VIII, N 104
21. Jan T. Gross. Revolution From Abroad The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western ... P. 12
22. DGFP, Serie D, VIII, N 131
23. ADAP, Serie D, Bd., VIII, S. 129
24. Ibidem.

25. Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV. С. 453.

26. 1940 год в Эстонии. Документы и материалы. Таллинн.

ПАРСАДАНОВА В.С.

"ПОЛЬСКАЯ" ПОЛИТИКА СССР В СЕНТЯБРЕ 1939 -
ИЮНЕ 1940 ГГ.^{х)}

Санационное правительство Польши не желало никаких соглашений с СССР. Англо-франко-советские переговоры в августе 1939 г. прервались в том числе и потому, что польское правительство категорически отказалось пропустить на территорию страны советские войска для оказания помощи Польше в борьбе против гитлеровской агрессии. Польское правительство боялось "коммунизации" крестьян и того, что СССР хочет этим путем добиться тех же целей, что и в войне 1920 г. - установления советской власти в Речи Посполитой. Гитлеровцы достигли своей цели - перед 1 сентября 1939 г. Польша была изгнана. "План Вайс" уже без учета возможности советской помощи Польше предусматривал рассекающие и окружающие удары вермахта с трех сторон в общем направлении на Варшаву. Соотношение сил в сентябре было: по численности войск - 1.6 млн. у Германии, 1 млн. у Польши; дивизий танковых - 7 : 0, а моторизованных - 4 : 0; танков - 2800 : 870 (с танкетками); орудий и минометов - 6000 : 4300; самолетов - 2000 : 407. 1 - 6 сентября 1939 г. германские войска взломали главную линию обороны Войска Польского и вышли к Варшаве, но лишь на третий раз им удалось окружить и принудить к капитуляции польские войска только в Люблинском воеводстве (5 сентября 1939 г.). Отход и концентрация польских войск шли и к Львову. 6 сентября польское правительство покинуло Варшаву, с 9 сентября начались переговоры о переходе

^{х)} Источниковой базой статьи являются материалы НКВД, хранящиеся в ЦГАОР СССР и ЦГДА СССР, а также материалы АВП СССР, ЦНА ИМЛ при ЦК КПСС и публикации документов Армии Крайовой, изданные в 70-е годы в Лондоне.

его на территорию Румынии, 17 сентября переход совершился. Командование Войска Польского перешло границу 18 сентября.

3 сентября войну Германии объявили Великобритания и Франция. После безрезультатных переговоров о компромиссе с Германией 12 сентября в Аббвилле на совещании премьер-министров они сочли, что помощь Польше уже бесполезна, и союзники приняли тайное решение не приступать к активным действиям против Германии. Наступала "странная война".

Из германских источников известно, что Берлин настаивал на вступлении СССР в военные действия против Польши (ночи от 3, 5, 8, 12 сентября). Даже польские эмигрантские издания признавали, что до 15 сентября 1939 г. СССР отказывался это сделать, заявляя, что если и вступит, то не как военная сила, а как политическая, в целях помощи украинцам и белорусам. Когда война с Польшей по сути была проиграна, а в командовании вермахта обсуждались планы выхода непосредственно к границам СССР, 15 сентября войска западных округов были приведены в боевую готовность. 16 сентября вечером германскому послу было заявлено о решении Советского правительства и выражено мнение, что наступление вермахта на восток будет приостановлено.

17 сентября 1939 г. польскому послу была вручена советская нота. В ней говорилось, что Советское правительство не может больше нейтрально относиться к тому, что Польша превратилась в поле случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу СССР, а украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошены на произвол и остались беззащитными. Содержавшееся в ноте заявление, что польское государство перестало существовать, противоречило нормам международного права. Красная Армия перешла границу Польши под лозунгами защиты жизни и имущества населения Западной Украины и Западной Белоруссии, защиты его от жандармов и осадников. Целью политики в отношении поляков объявлялось стремление "вызволить польский народ из злоподучной войны" и содействовать созданию истинно справедливой и демократической Польши, которая будет находить-

ся в тесных, дружественных отношениях и в союзе с СССР. Особо войскам приказывалось избегать столкновений с немцами, не спровоцировать войны с Германией. Отдельные стычки все же произошли в районе Львова и на Люблинщине. Это не помешало организовать совместный парад в Бресте.

Советским войскам предписывалось дойти лишь до линии Керзона, хотя опубликованная 28 сентября в советской прессе схема все еще указывала разграничительную линию по Нареву, Висле и Сану. Действовал приказ не применять оружия против польских формирований, не ведущих военных действий, не обстреливать и не бомбить населенные пункты. В листовках к населению писалось о стремлении вызволить украинцев и белорусов из национального и социального порабощения.

На основании советской ноты от 17 сентября и действий советских войск правительство Польши признало, что состояния войны с СССР нет. 17 сентября маршал Рыдз-Смиглы отдал приказ: "С Советами не воевать, только в случае натиска с их стороны или попыток разоружения наших частей". Хотя советско-германский договор от 23 августа 1939 г. и секретный протокол к нему были подписаны, однако полной уверенности в его выполнении у советского правительства не было. Это чувствовалось и в докладе Молотова о ратификации пакта, и в фактической борьбе за его выполнение: за захват нефтеносных районов, за подступы к Прибалтике, за принадлежность Львова. Например, Львов осадили германские войска и пытались вынудить его защитников к капитуляции, а польское командование предпочло пойти на переговоры с представителями маршала С.К.Тимошенко (ссылаясь на приказ Рыдз-Смиглы) и подписало с ними соглашение о передаче города Красной Армии. Передавая Львов, генерал Лянгер, командовавший его обороной, сказал советским представителям: "Мы ведем войну с Германией... Они, германцы, враги всего славянского мира. Вы — славяне". Генералу Н.Д.Яковлеву, впоследствии маршалу артиллерии, долго пришлось отстаивать это решение в спорах с представителями вермахта. Об этом рассказывает и в мемуарах Н.С.Хрущева. В материалах Управления по

делам военнопленных и интернированных НКВД СССР содержатся свидетельства того, что часть интернированных военнослужащих польской армии была недовольна тем, что советские войска не дошли до Нового Сонча, где там тоже живут украинцы (русины).

В целом на территориях, куда вступили советские войска в сентябре 1939 г., часть польских войск сдала оружие Красной Армии, часть — незначительная и в основном до приказа Рядз-Смигли — предприняла боевые действия. По польским источникам было 40 случаев сопротивления пограничных патрулей, отдельные бои под Кобрином, Шацком, Гродно, Вильно, Белостоком и Самбором (здесь — с бригадой генерала В.Андерса).

28 сентября 1939 г. был подписан договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Этнические польские земли оставались под оккупацией Германии, украинские и белорусские отходили к СССР. Вильно через несколько дней СССР передал Литве. К договору имелись три протокола, в том числе касавшиеся репатриации немецкого населения, проживавшего в советской сфере интересов, и недопущения обеими сторонами на своей территории польской агитации, направленной на территорию другой стороны. Это последнее предусматривало принятие мер с целью прекращения подобной агитации и взаимную информацию о принятых мерах. Сразу надо сказать, что данный протокол не выполнялся обеими сторонами изначально.

Польское правительство, созданное во Франции, не признало территориальных изменений, проведенных Германией и Советским Союзом в Польше.

Руководители польского подполья отмечали доброжелательное отношение бойцов и командиров Красной Армии к населению и чинам польской армии. Но меднее в тылах советских войск заранее созданные подразделения и органы НКВД начали аресты крупных чиновников, капиталистов и земельной аристократии. Так, 19 сентября был арестован в своем имении Мир князь Святополк-Мирский (одно время он, оказавшийся румынским подданным, содержался в лагере Козельск, проходя по статистике: "князь—I"). Провозглашавшийся лозунг национального и соци-

ального освобождения вылился в экзорт революции, в развертывание догматически, примитивно понимаемой классовой борьбы. В ходе ликвидации государственных и экономических структур буржуазно-помещичьей Польши, подавления вооруженных выступлений подполья, в обстановке террора и беззаконий органами НКВД было репрессировано в 1939-1940 гг.

10 % населения региона, состоявшего из разных национальностей (1.17 млн. человек). Раздел помещичьей земли и национализация крупной промышленности изменили настроения трудящихся и получили одобрение достаточно широких масс украинского и белорусского населения. В результате включение этих земель в СССР и установление там советской власти вызвало различную, часто противоположную реакцию разных общественных классов и национальностей, вплоть до создания трех видов вооруженного подполья – украинского, польского и белорусского.

Исторический для украинского и белорусского народов акт национального воссоединения прошел в условиях внутри- и внешнеполитических осложнений. В процессе принятия и реализации своих решений в сентябре – октябре 1939 г. сталинское руководство допустило серьезные нарушения международно-правовых норм, использовало вызывающую, противоречащую принципам международного права политическую фразеологию. СССР удалось отсрочить войну и в определенных пределах ограничить в тот момент территорию гитлеровской агрессии на востоке. В политической же области осложнились отношения с государствами будущей антигитлеровской коалиции. Что же касалось советско-польских отношений, то командно-административные методы управления, в частности массовые выселения, оставили неискорененное до сих пор недоверие части польского общества к восточному соседу. Ликвидация системы управления польского государства носила не национальный, а классово-политический характер, сопровождавшие их репрессии проводились по идеологическим, политическим, а не национальным или расовым признакам. Разрушение старой системы управления и предшествовавшая целенаправленная колонизаторская поли-

тика польского правительства определили, что среди депортированных был высокий процент интеллигенции и служащих польской национальности (поляки в целом составили треть депортированных). Руководство КП(б) Украины считало, что 25 % кадров в кооперативах, экономике, учительском составе — "чуждые для нас люди, не думают перестраиваться". Чужды тогдашней практике была многопартийность. В результате репрессиям, арестам подверглись социалисты, левовцы, не говоря уже о представителях партии Стронництво народов. Репрессировались служители культа всех вероисповеданий. Противоречия наблюдались и в области культуры. Западная Украина и Западная Белоруссия оказались центрами, где в 1933–1941 гг. сохранялась польская культура, но репрессиям подвергались даже левые ее деятели. Любопытные данные есть в "Репорте по вопросу о поляках, выселенных в СССР". Составлен он был для командования Союза вооруженной борьбы в 1941 г. Сведения его близки к реальным. "Репорт" считает, что выселенные действовали следующим образом по "общественным классам": трудовая интеллигенция — 700 тыс., крестьяне — 350 тыс., рабочие — 150 тыс., кушцов, промышленников, помещиков, лиц свободных профессий — 200 тыс. (депортации охватывали членов семей).

И несмотря на это, происходило изменение политических настроений трудящихся, что признал даже командующий Союзом вооруженной борьбы (СВБ) генерал Грот-Ровецкий: "Советы имеют большую помощь местного элемента (украинцев, белорусов, еврейской бедноты, много сторонников среди молодежи, которая получала работу)". Ровецкий отметил, что большевики не отделяются от поляков, а, "перенеся борьбу на социальную почву, они смогли завоевать некоторую часть польского общества, в основном пролетарской молодежи и некоторой части морально сломленной интеллигенции". Ровецкий признал "полное безразличие" белорусов и украинцев к польской государственности, но указал на враждебность части их к большевикам на экономической почве. В итоге он пришел к выводу, что "широкая работа против большевиков невозможна". Правда, вывод

этот совпал по времени с ликвидацией в основном польского подполья к весне - лету 1940 г.

Деятельность в западных областях враждовавших друг с другом польского и украинского националистического подполья, выпестованного гитлеровцами, а также белорусского, подкамливаемого тоже из Берлина, привела к обострению межнациональных отношений. Использовали это гитлеровцы, в годы своей оккупации разжигавшие польско-украинскую резню.

Украинское националистическое подполье особенно активизировалось по заданиям гитлеровских спецслужб в конце 1940-1941 г., в период непосредственной подготовки фашистской Германией нападения на СССР. Террористические выступления украинских националистов против польского населения, по признанию польского руководства СББ, неизменно пресекались органами НКВД.

Польское вооруженное подполье в лице СББ было активным до лета 1940 г. Округа № 2 и 3, т.е. Львовский и Белостокский, были сформированы к декабрю 1939 г. При военном командовании СББ функционировали политические консультативные комитеты польских буржуазных и мелкобуржуазных партий в составе представителей Стронництва народного, Стронництва людowego и ППС. Последняя, как выражавшая интересы определенных слоев трудящихся, вскоре отошла от деятельности в СББ, хотя отдельные ее члены продолжали лично оставаться в отрядах.

Польские власти в эмиграции признавали "трудные условия" работы Львовского и Белостокского округов СББ, тем не менее из Франции требовали совершать акты террора и диверсий, особенно на транспорте, связи, вести работу по подрыву авторитета прибывшего советского персонала, дезорганизации административных органов и достигать "этим путем ослабления советского режима". Запад требовал рапортов о дислокации частей Красной Армии, ее передвижениях. СББ было разрешено сотрудничать с иностранными дипломатами. Действительно, английские дипломаты за возможность использовать собранные сведения соглашались пересылать их за границу. Имелись кон-

такти и с японскими представителями. Для подполья были присланы радиопередатчики и деньги: до мая 1940 г. 2.5 млн. злотых и 15.6 тыс. долларов, 500 тыс. рублей, 4 кг золота, 700 золотых долларов. В руки советских органов госбезопасности попали инструкции и другие предписания Союзу (они не расходятся по тексту с опубликованными в лондонском издании "Армия Крайова"), курьеры, денежные посылки.

Процессы политических и социально-экономических преобразований, задевавшие многие слои населения, вызывавшие значительные классовые и политические перестановки, происходили в трудных международных, внутрисоюзных и региональных условиях. Положение в самой Западной Украине характеризовалось на Львовской партийной конференции в 1940 г. как "обстановка приграничья, которую нельзя назвать нормальной, назвать периодом мирного сосуществования с этим нашим соседом" (речь шла о Германии), как обстановка постоянных провокаций, обстрелов пограничных нарядов и мирных жителей.

При внешнем соблюдении политеса и выполнения советско-германских соглашений, экономических в частности, можно проследить "неофициальную" линию. Идиллии тут не было. Уже в октябре – ноябре 1939 г. от генерала Н.Ф. Ватутина из района Перемишля, по данным документов, хранящихся в ЦГДА, поступали сведения о трудностях в отношениях с вермахтом. Трудности были и в обмене интернированными и населением. Германия не принимала беженцев. Вопрос об указанных трудностях, очевидно, явился одной из тем советско-германских переговоров в марте 1940 г., о которых еще пойдет речь ниже. В американской историографии есть сведения, что в ноября 1939 г. через представителей ТАСС были установлены контакты СССР с премьер-министром польского правительства В. Сикорским. В архивах СССР имеются материалы о том, что в ноябре 1939 г. через Литву на оккупированную немцами польскую территорию – генерал-губернаторство – забрасывались лица для антигерманской работы.

Особый вопрос рассматриваемой нами темы – судьба интер-

нированных в СССР военнопленных польской армии. Найденные в советских архивах материалы не поднимаются выше документов, исходящих от наркома внутренних дел СССР. Если в документах, подписанных Берией 3 октября 1939 г., есть упоминания о предшествовавших решениях ЦК ВКП(б) и СНК СССР относительно репатриации интернированных, осуществленной в октябре – ноябре 1939 г., то в последующих доступных материалах таких отсылок нет. Но известно, что все делалось по приказу или с согласия Сталина. За последующие месяцы сохранились документы статистического характера, они касались офицеров, сконцентрированных в двух лагерях – Козельском и Старобельском, и чинов полиции и жандармерии, находившихся в Осташковском лагере. Зная ныне о бесследном в итоге исчезновении 15.131 чел. (осталось от лагерей только 395 чел.; 4404 человека вывезли в Катынь, где трупы 4.2 тыс. из них обнаружены при эксгумации), мы все действия и документы по поводу интернированных, относящиеся к периоду до их исчезновения, рассматриваем с точки зрения подготовки к расстрелу офицеров, почти половина которых по законам СССР стала числиться советскими гражданами (они проживали до войны на территориях, включенных в СССР). Строго говоря, изначальная целенаправленность действий НКВД с октября 1939 г. применительно к Катыни еще нуждается в документальном подтверждении. Пока их можно с формальной точки зрения толковать и как выполнение параграфов Гаагской конвенции об отдельном содержании офицеров, и как упорядочение учета после репатриации и роспуска по домам 84 с лишним тысяч интернированных из 130242 лиц, оказавшихся в лагерях НКВД (что, впрочем, тоже соответствовало тогдашней практике и в Западной Европе, где лагеря военнопленных были в ведении министерств внутренних дел). Можно рассматривать эту цепочку и в качестве подготовки к советско-германским переговорам, как утверждают, высочайших чинов НКВД и гестапо в Кракове и Закопане в марте 1940 г. Но в марте уже начинается выполнение задания, переданного Берией начальнику управления, задания, приведшего к Катыни. По мнению автора, знание хо-

да и исхода переговоров, как и всей картины советско-германских отношений в марте 1940 г., могло бы дать ответы на многие вопросы.

Пока о переговорах в Кракове имеются прямо противоположные версии, не известна даже их точная дата. Поэтому нельзя сопоставить приказ Берлин и переговоры. Если они были вначале месяца, то приказ последовал после них. Ясно одно — в этот период были решены среди других и вопросы о продолжении репатриации и об обмене населением на период до июня 1940 г. В ЦГДА СССР есть документы, в которых сообщается, что в марте 1940 г. в верхах (каких: НКВД, СНК, ЦК?) обсуждается вопрос о ликвидации лагерей для интернированных немецких чинов, которые были созданы на шахтах, рудниках и заводах Запорожья и Донбасса. Лагеря ликвидировали, но людей (10 тыс. чел.) послали на строительство укреплений на западной границе, аэродромов там же и на Кольском полуострове, на строительство стратегически важной железной дороги в Архангельской области. Еще ранее 14 тыс. интернированных были посланы на строительство речной шоссейной дороги от Новоград-Волынского на Львов. На партийных конференциях в западных областях УССР и БССР отчитывались о ходе военной подготовки руководящего советского и партийного аппарата, о том, как проводят облеты территории авиаторы, готовясь к войне с Германией (1).

В июне (22-го?) 1940 г. Управление по делам интернированных предлагало руководству перевести подопечные им команды подальше от границ (положение Гаагской и Женевской конвенций — отвозить военнопленных и интернированных дальше от театра военных действий), а "немцев", т.е. военнопленных, происходивших с польских территорий, включенных в состав Германии, направить в "лагеря", где режим был иным, чем в лагерях для интернированных.

Еще один нюанс тогдашнего осложнения советско-германских отношений. В Катыни (и других местностях?) были расстреляны и немцы, и указанные выше категории жителей Западной Польши. Летом 1940 г. между МИД Германии и НКВД СССР

началась связанная с этой проблемой напряженная и острая перепалка о судьбе этих интернированных "германских подданных". В ходе переписки НКВД отработал тот тип ответов, которые впоследствии, в 1941-1942 гг., давались польскому посольству в СССР на его вопросы, где 8 тысяч офицеров Войска Польского.

Весна 1940 г. и, конкретно март, был вехой в ходе второй мировой войны. С 9 апреля по 20 мая 1940 г. пали Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия и Франция.

Изменение в Европе вело к фактическому потеплению отношений СССР с Великобританией и ее союзником - польским правительством. В мае 1940 г. ушел в отставку Н. Чемберлен, премьер-министром стал У. Черчилль. В июне в Москву прибыл посол С. Криппс, сторонник англо-советского сближения и создания блока демократических стран в борьбе против фашизма. В составе его посольства особый чиновник представлял интересы польского эмигрантского правительства. В первые дни июня 1940 г. Е. Сикорский передал в Форин офис меморандум, в котором заявлял о желании в обмен на изменение отношения советского правительства к польскому населению в СССР отказаться от принципов санационной политики в отношении Советского Союза. Сикорский соглашался на определенные территориальные изменения, на проход советских войск через территорию Польши, оккупированную Германией, взамен на создание в СССР польской армии для борьбы с Германией как общим врагом. Быть данные, что инициатива меморандума принадлежала представителю ТАСС в Лондоне. А такие тексты сразу не рождаются. Правые силы вынудили Сикорского отозвать меморандум, правительственный кризис был преодолен. Но идея создания на территории СССР польской армии не заглохла.

И вот в такой переломный момент гибнут офицеры Войска Польского (4 апреля - 20 мая 1940 г.). Акт явно направленный на подрыв отношений СССР с Польшей и ее союзником Великобританией. Гибнут они в момент, когда, возможно, решался вопрос: с кем СССР? Или в Советском Союзе были силы, которые провозглашали самой возможности перехода СССР к откры-

тому союзу с Великобританией? Гипотеза, высказанная автором в его статьях о Катыни, о том, что "Катынь" уже в 1940 г. отражала политическую борьбу в СССР и на международной арене о направлении союзов в войне, состояние советско-германских и советско-английских отношений. В пользу ее находятся новые крупинки. С.Миколайчик утверждал, что в вопросе уничтожения польских офицеров как-то замешана Германия. Стоит подумать и над такой деталью. В 1940 г., в 1947-1948 и 1956-1957 гг. были уничтожены тысячи документов, личные дела интернированных. За период апрель - май 1940 г. в ЦТОА нет оперативных документов НКВД, а те крохи сведений о перевозке офицеров к месту расстрела (о полицейских там вообще не найдено документов) даются через отчеты политкомиссаров (!) лагерей. Но эти же документы говорят, что именно члены партии сказали узникам Козельского лагеря, куда их везут. Почему сохранены именно эти документы?

До открытого изменения "польской политики" СССР оставались один-два месяца. Символом ее явилась начавшаяся летом подготовка к проведению в общегосударственном масштабе торжеств в связи с 25-й годовщиной со дня смерти Адама Мицкевича. Во всяком случае, изменилось отношение к населению, прекратились выселения (в отличие от Прибалтики, где они вскоре только начались), умерили притя жаждавших 100 % коллективизации в деревне. Раскулачивание стало фактически расцениваться как самоуправство, как "незаконные действия". По квалификации Политбюро ЦК КП(б)У - как действия, "которые могут быть использованы враждебными советской власти элементами с провокационной целью". Были обозначены дифференцированные границы получаемых крестьянами наделов: от 5 до 15 га в зависимости от региона. Резолюция Пленума ЦК КП(б)У "О работе Львовского и Ровенского обкомов компартии Украины" в ноябре 1940 г. констатировала, что недостаток вовлечения местного актива привел к тому, что в ряде городов и районов были допущены грубые нарушения советских законов в области налоговой политики, хлебозаготовок, колхоз-

ного строительства, что неудовлетворительным было руководство райисполкомов и РК партии, сельских советов и т.д. и т.п. Изменилось и отношение к польским коммунистам: их стали принимать в ВКП(б), индивидуально и с проверкой.

Так и шли эти противоречивые месяцы: то решение польского правительства о подготовке бригады на помощь финским войскам, то меморандум Сикорского, то директивы, разосланные санационным деятелем А.Залесским, министром иностранных дел (о двух врагах Польши), то любопытная со многих точек зрения директива генерала Соснковского в июле 1940 г. Но до разговора о ней откроем издание документов АК на других страницах. Донесения АК не приводят даты, или не знают ее, но сообщают, что советские органы вели переговоры с некоторыми лодовцами и представителями даловых кругов, очевидно, близких АК, о предварительной подготовке к созданию антигитлеровского подполья в западных областях УССР, БССР и Литвы в предстоящей войне с Германией. Подобные сведения поступали к эмигрантскому правительству, очевидно, неоднократно. И отразились они в директиве санационного деятеля Соснковского Союзу вооруженной борьбы. После поражения Франции в связи с новым военным и политическим положением в Европе польское эмигрантское правительство приказывало подполью в этнических польских землях сократить свою численность (в генерал-губернаторстве оно сократилось, по данным книги "Польское движение Сопротивления", со 100 тыс. до 70 тыс.членов), но сохранить кадровые законспирированные организации, прекратить диверсии и вооруженные выступления. Дозволялись моральный и физический террор в отношении коллаборантов, разведка и экономический саботаж. В СССР же активность СВЕ должна была сохраняться. Далее следовало: "Всякие попытки создания красных польских правительств или красных польских отрядов должны натолкнуться на безусловное противодействие". Соснковский признавал, что не исключено, что Россия будет рядом с Англией в качестве ее союзника в борьбе с Германией; тогда, возможно, и произойдет пересмотр польской позиции в отношении СССР,

"сведение счетов с оккупантами будет отодвинуто на задний план". Отношения с СССР возможны лишь на условиях статус-кво до 17 сентября 1939 г. "В случае продвижения Красной Армии на запад необходимо быть готовым к борьбе с ней в форме партизанских действий и массового саботажа".

Но идея Сикорского о создании на территории СССР польской армии пробивала себе дорогу. В октябре 1940 г. группа польских офицеров во главе с З. Герлингом приступили к подготовительным работам по созданию в СССР польской регулярной воинской части (для начала дивизии). Позиции Соснковского, Залесского и им подобных вступали в противоречие с объективным ходом событий и позицией более реалистической части политиков в польском правительстве, с изменениями советской "польской" политики.

ПУШКАШ А.И.

О ТРАКТОВКЕ ПОНЯТИЯ "НЕЙТРАЛИТЕТ" ВЕНГЕРСКИМИ ПРАВЯЩИМИ КРУГАМИ

Одна из существенных проблем рассматриваемого нами региона в начальный период войны — это вопрос о характере нейтралитета стран Юго-Восточной Европы. В Венгрии этот вопрос трактовался двояко. С одной стороны, в 1939 г., когда готовилось нападение на Польшу, во всех документах речь велась о нейтралитете Венгрии. А после начала войны речь уже шла о новой стороне.

Вопрос о позиции Венгрии начал активно обсуждаться дипломатами еще с весны 1939 г. Польша была заинтересована в том, чтобы Венгрия сохранила нейтралитет. Из МИДа Польши начальник канцелярии министра иностранных дел граф М. Любинский писал в миссию в Будапешт 26 мая 1939 г., что венгерский посланник в Варшаве, по поручению министра иностранных дел спросил его, как понимать заявление польского посланника в Будапеште, сделанное в МИДе Венгрии, что если Венгрия вступит в военный союз со странами оси, то Польша

признает границы Румынии. Ответ со стороны Польши такой. На Польшу давит ряд факторов, в том числе Румыния, Советский Союз и другие, пытающиеся склонить ее к признанию западных границ Румынии. Мы отказались, аргументируя это нейтралитетом Венгрии, — продолжал он. — И если бы Венгрия отказалась от нейтралитета, то польская аргументация была бы затруднена¹.

Такова была позиция, хотя еще 8 мая 1939 г. министр иностранных дел Венгрии И. Чаки в беседе с польским посланником Л. Орловским заявил, что Венгрия, ее представители в Берлине заявили, что ни в коем случае не удастся втянуть Венгрию в какую бы то ни было акцию против Польши. Чаки сказал ему, что Берлин согласен с нейтралитетом Венгрии, Югославии и Румынии. Причем в качестве гарантии, в случае конфликта, потребует от Югославии и Румынии принять германские военные миссии в этих странах². 26 мая 1939 г. Орловский в телеграмме в Варшаву из Будапешта сообщал, что Чаки в беседе с ним заявил, что между Берлином и Римом установлены "зоны влияния", и Венгрия полностью подпадает под влияние Германии. И он рассказал о беседе с Риббентропом, о том, что Риббентроп полагает, что конфликт вокруг Данцига будет локализован, нет нужды в военной поддержке ни одной страны: Германия способна расправиться с Польшей одна, ей для того, чтобы взять Варшаву, нужно всего 24 часа. Чаки подчеркнул, что "добрые отношения с Польшей являются делом чести Венгрии"³. 10 и 26 мая 1939 г. Л. Орловский был принят регентом М. Хорти. Между прочим, имеется целый ряд интересных документов связанных с регентом и Польшей, потому что венгерский диктатор М. Хорти, как правило, не принимал иностранных дипломатов, кроме Л. Орловского. Он был с ним в личных дружеских отношениях. Орловский часто у него бывал, беседовал на интересные темы и информировал о них свой МИД. М. Хорти тогда заверил польскую сторону, что Венгрия не пропустит немецкие войска через венгерскую территорию в случае возникновения польско-германского конфликта⁴.

Из документов, опубликованных на Западе, известно, что 8 августа на переговорах с германской стороной в Зальцбурге И. Чаки предлагал следующий вариант: Венгрия отказывается пропускать немецкие войска через венгерскую территорию, но она дает согласие провозить в направлении Польши военные материалы, только в закрытых вагонах. О том, что говорилось на встрече в Зальцбурге, известно до сих пор только по записи Эдмандсдорфа, которая опубликована в сборниках "Германский внешней политики"⁵. В венгерском архиве записей об этих встречах не обнаружено. Есть только эта одна. Записал ее присутствовавший там немецкий посланник в Будапеште. Но в венгерском архиве нам удалось наткнуться на интересные косвенные данные. Вернувшись из Зальцбурга, Чаки рассказывал своим приближенным в Будапеште, о чем он говорил с Риббентропом и к чему это привело. И в донесении своему посланнику в Будапеште 25 августа 1939 г. польский консул из Ужгорода сообщил о том, что он записал со слов венгерского деятеля Марина, который присутствовал при рассказе Чаки. Чаки от имени Хорти должен был в Зальцбурге оповестить Риббентропа, что, во-первых, Венгрия ни в коем случае не будет участвовать в войне против Польши. Второе: в случае польско-германской войны Венгрия сохраняет полный нейтралитет. Немцы могут закупать у Венгрии продукты питания, но за это Венгрия просит немецкой помощи для удовлетворения требований в Румынии. Третье: Венгрия не пропустит немецкие войска через территорию Венгрии и просит Третий Райх не осуществлять на нее в этом отношении давления. По поводу пунктов 1 и 2 Риббентроп ответил, что согласен с политикой Венгрии, а что касается Трансильвании, то Германия может оказать Венгрии только моральную помощь. В отношении же прохода немецких войск через Венгрию Риббентроп имел договоренность с Гитлером и в связи с этим он не может дать сейчас никаких заверений. Риббентроп отметил, что проход немецких войск через Венгрию может быть неизбежен⁶. И дальше сообщается, что в связи с этим напуганный И. Чаки отправился в Рим.

Он действительно был в Риме 18 августа и тоже не оставил никаких записей бесед по этому поводу с Муссолини. Есть сведения, что он всего там задержался на один день и возвратился в Будапешт. В вышеупомянутом документе записано, что он просил Муссолини о заступничестве перед Гитлером. А Муссолини его принял очень холодно и ответил, что венгры слишком далеко зашли в своей прогерманской политике и что теперь сами должны выбираться из этой западни. Посоветовал, однако, быть ко всему готовыми и провести к 1 сентября самую широкую мобилизацию⁷. Приводя эти сведения хотелось бы подчеркнуть, что с польской стороны тоже заверили, что будут всячески поддерживать сохранение нейтралитета Венгрии в случае европейского конфликта. Регент был очень доволен заявлением Л. Орловского, что Польша не заключит соглашения с Советским Союзом — чего боялись венгры — и что она не расторгнет соглашения с Румынией.

В этот период Венгрия проводила такую политику нейтралитета, министр иностранных дел И. Чаки на завтраке у польского посланника в Будапеште Л. Орловского (а это было 16 июня), информировал последнего о своей беседе с французским посланником, которому говорил, что в случае локального германо-польского конфликта венгры останутся нейтральными по отношению к обеим воюющим сторонам. А в случае европейской войны Венгрии будет трудно, но Франция и Англия, со своей стороны, сделают все возможное, чтобы не толкнуть Венгрию в объятия Гитлера. На вопрос Л. Орловского, нужно ли это понимать так, что на случай европейской войны Венгрия будет на стороне Германии, он откровенно ответил, что еще не знает, все будет зависеть от тех обстоятельств, в которых окажется Венгрия к этому времени⁸.

По этому вопросу беседовали многие дипломаты и каждый раз повторялось одно и то же. 19 июля заместитель министра иностранных дел Польши граф Я. Шембек беседовал с венгерским посланником А. Хори и, обсуждая то, о чем говорили И. Чаки с Л. Орловским, подчеркнул, что в случае польско-германского конфликта Венгрия сохранит к обеим сторонам доброжелатель-

ный нейтралитет⁹. Так что здесь нейтралитетов было много: и доброжелательный, и полный, и каждый раз речь шла о нейтралитете. В случае всеобщего конфликта по утверждению А.Хори, Венгрия сохранит свободу руки и в дальнейшем поступит в зависимости от обстоятельств в Венгрии. И.Чаки не скрывал, что связь Венгрии с "осью" Рим - Берлин непостоянна. А.Хори заявил, что ни один солдат не перейдет венгро-германской границы. Имеются и другие материалы, которые убедительно свидетельствуют о том, что венгерская дипломатия излагала свою позицию во всех странах, с которыми поддерживала дипломатические отношения. И венгерские посланники доводили ее до сведения представителей этих государств, а те, в свою очередь, информировали польских дипломатов, а те отправляли в Министерство иностранных дел донесения об этом. Так что по этому вопросу материалов сохранилось достаточно много.

Есть еще очень интересный материал от 28 августа 1939 г., когда Я.Шембејк информировал своих представителей в других странах, в том числе Л.Орловского в Будапешт, что венгерский посланник в Лондоне доверительно сообщил польскому посланнику Э.Рачиньскому, что получил следующую установку своего высшего начальства: в случае, если конфликт разразится, венгерское правительство заявит о нейтралитете, а если со стороны Германии будет предпринята попытка насильственно пройти через территорию Венгрии в сторону Польши, то Венгрия окажет сопротивление, будет вести активную оборону¹⁰. Так себе представляли в Лондоне позицию Венгрии. Интересно, что вечером 30 августа, т.е. еще за сутки до нападения на Польшу, регент М.Хорти принял поздно вечером - в 10 часов - своего друга Л.Орловского, предупредив, что знает, в том числе и правительство. Регент изложил ему, как доносил Орловский, следующее. Хорти выразил свое возмущение германской политикой, "заверил, что Венгрия всем сердцем с нами" и рассказал, что послал лично письмо Гитлеру (по-видимому, речь идет об известных двух письмах Телеки от 24 июня - А.П.), в одном из которых венгерский премьер министр П.Те-

леки предлагает заключить с Германией и Италией тесный военный союз, а в другом — сообщал, что ни в коем случае не сможет, по причине чести венгерской нации, принять участие в нападении на Польшу. Эти два документа сохранились и свидетельствуют о том, что это действительно было решением венгерского правительства, одобренным регентом. Но регент никогда сам такого письма не писал. Это были письма Телеки. И в своих воспоминаниях М.Хорти тоже забыл, что это не он писал, и утверждал, что якобы он направил такое письмо Гитлеру. Но такого письма не было. Хорти в воспоминаниях отметил, что в связи с этим письмом в Зальцбург был вызван Чаки и получил горькие упреки (речь идет об этой Зальцбургской встрече, косвенная запись беседы которой в изложении приведена выше). Беседа с Гитлером и Риббентроном оказала такое влияние на И.Чаки, что тот не доехав домой, направил из Рима, куда он заезжал, венгерскому посланнику в Берлине указание, чтобы тот в письменном виде оставил для германского МИДа записку: считать эти два письма несуществующими, т.е. Венгрия отказывалась от официальной просьбы к Германии. Но вечером 30 августа и Хорти в беседе с Орловским сказал, что в создавшейся ситуации немцы в ближайшее время могут начать войну против Польши. У него есть повод допускать, что немцы намерены столкнуть венгров с румынами. Но он сообщает Польше, учитывая, что она союзник Румынии, что Венгрия не предпримет никаких неприятных для Румынии шагов. Через Варшаву это было доведено до сведения румынского правительства^{II}.

Румыны и сами прекрасно знали, что та мобилизация, которую венгры проводили, связана со Словакией, поскольку Словакия, которая участвовала одновременно с Германией в нападении на Польшу, тоже потребовала пропуск своих войск через территорию Венгрии, через Кошице. Там венгры отмобилизовали несколько дивизий, в том числе корпуса из Ужгорода, Мукачева и направили на словацкую границу.

Последняя запись беседы из Будапешта, которую шифрованной телеграммой отправил Л.Орловский в Варшаву, датирована

3 сентября, т.е. уже на третий день войны. Он посетил И. Чаки и уже совершенно в ином тоне, чем писались им документы раньше, сообщал, что нападение на Польшу означает конец и потерю независимости Венгрии. И в интересах Венгрии было бы оказать Польше самую большую помощь, но так, чтобы одновременно не дразнить гитлеровцев. Чаки ответил, что он это понимает, ибо в случае проигрыша Германии, положение Венгрии будет тоже тяжелым, поскольку это угрожает восстановлением Чехословакии. Орловский сказал, что тем более Венгрия должна считаться с Польшей, ибо если Германия проиграет, то не Бенеш будет править Юго-Восточной Европой, а Польша, которая выберет себе союзника на юг от Карпат¹².

Эти конкретные фактические данные вносят некоторые уточнения в понятие "нейтралитета" в венгерском смысле. Позднее понятие "нейтралитета" со всеми его нюансами пересматривалось в итоге вплоть до того, что со стороны Венгрии речь идет не о нейтралитете как таковом, а о том, что она — не воюющая сторона, являющаяся как членом "оси".

Примечания:

1. AAN, MSZ, P. III., 1939, 49 W, 6598, S. 67
2. Ibid., S. 44
3. Ibid., S. 70
4. Ibid., S. 88-89
5. ADAP - D. VI. 784
6. AAN, MSZ, 1939, 49 W, 6598, S. 160
7. Ibid., S. 161
8. AAN, MSZ, P. III, 1939, 1.W, 6572, S. 122
9. Ibid., 49.W, 6598, S. 110
10. Ibid., 1.W, 1939, 6572, S. 131
11. Ibid., S. 136-137
12. Ibid., 49.W, 6598, S. 94

ВТЯГИВАНИЕ ВЕНГРИИ В ОРБИТУ ГЕРМАНСКОЙ ПОЛИТИКИ И ПОЗИЦИИ ВЕНГЕРСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ (1939 - 1940 гг.)

Для понимания позиций Венгрии по ряду ключевых проблем европейской политики 1939-1940 гг., логики поступков высшего руководства страны в условиях готовящейся и начавшейся второй мировой войны следует, на наш взгляд, учитывать следующие факторы и обстоятельства, которые так или иначе детерминировали основные политические шаги как самого руководства, так и различных венгерских политических сил. Это, во-первых, геополитический фактор. Дело в том, что Венгрия, будучи малой страной, стремящейся выжить в разгоревшемся мировом пожаре, выйти из него с как можно меньшими потерями, пыталась (впрочем, как и другие малые государства Центральной и Юго-Восточной Европы) сохранить свой нейтралитет и по мере возможности сопротивлялась германскому воздействию и давлению. Отсюда политика "качелей" и лавирования, которая стала характерной для венгерского политического курса как в канун, так и на начальном этапе войны, да и позже, когда страна оказалась между двумя "жерновками" в условиях столкновения двух мировых держав - германского рейха и Советского Союза (в тех условиях венгерские господствующие классы в равной мере опасались как гитлеровского фашизма, так и сталинского "социализма"). Во-вторых, важным фактором было неуклонное стремление к возвращению хотя бы той части утраченных в результате империалистического Трианонского мирного договора территорий, которые были заселены компактным венгерским населением¹. Высшее политическое руководство Венгрии сделало в этом направлении несколько конкретных шагов, что в свою очередь в данных исторических условиях не могло не иметь соответствующих последствий и не оказывать влияние на ориентацию внешней политики страны. Последствия империалистического диктата Версаля объективно толкали, таким образом, венгерское руководство в определенном направлении. Наконец, действенным фактором была также

реальная расстановка основных политических сил страны, позиции и стремления их отдельных групп и представителей, что оказывало определяющее влияние на ход и возможное развитие событий, на формирование линии государственного руководства. Разумеется, в политической иерархии, на различных ее ступенях, были представлены самые различные течения и интересы, давали о себе знать самые различные стремления, имело место противоборство отдельных группировок или личностей в вопросах внешнеполитической ориентации страны, но в ключевых вопросах, названных выше, их цели и задачи в основном совпадали.

Особую остроту приобретал вопрос о том, в какой степени, до каких пределов следует пойти на уступки усиливающимся германским требованиям, растущему фашистскому влиянию, как обеспечить или сохранить в тех сложных условиях относительную самостоятельность и нейтралитет Венгрии. Характерно, что именно по этим вопросам определялся водораздел между сторонниками и противниками германской ориентации. Различные политические силы, группы и отдельные деятели придерживались в этих вопросах той или другой позиции в зависимости от того, какое место они занимали на политической палитре страны.

На левом фланге стояли профсоюзы и социал-демократическая партия, а также коммунисты подполья, позиции которых характеризовались ярко выраженной антифашистской направленностью. Эти силы были, однако, достаточно слабы для того, чтобы оказать сколько-нибудь решающее воздействие на официальный политический курс страны, на формирование ее внешней политики.

Основные правительственные силы, определявшие главное направление политической ориентации, а также занимающие политический центр либерально-буржуазные и религиозные партии, церковь и часть высшей знати были настроены в целом также антифашистски, они побаивались и сторонились фашизма, но в равной мере пугались и коммунистической идеологии (о ней получали в свое время, в 1919 г., достаточно

полное представление), по мере возможности ограждали путь ее проникновения в страну и тормозили ее распространение. Все эти политические силы центра фактически представляли либерально-центристские позиции и придерживались проитальянской и проанглийской внешнеполитической ориентации, доби-вались сохранения нейтралитета страны. Отдельные представи-тели этих кругов неоднократно выражали свой яркий протест фашизму (так, например, граф Иштван Бетлен, член парламен-та Эндре Байчи-Жилински и др., а на некотором этапе примы-кающий к ним граф Пал Телеки).

Крайне правые группировки и политические организации профашистского толка, которых долго держали на задворках политической сцены, не пользовались в стране популярностью и фактически даже в годы войны оставались незначительной и малочисленной политической силой на венгерской политичес-кой сцене. Правда, дипломатические и военно-политические успехи германского рейха после аншлюса подбадривали эти си-лы и давали толчок развитию их движения. Венгерская нацио-нал-социалистическая партия, возглавляемая Долой Салаши в этих условиях уже в феврале 1939 г. была запрещена прави-тельством П. Телеки, а сам ее лидер посажен в тюрьму. Вскоре она, однако, вновь появилась под названием Партия скрещен-ные стрелы (нилашисты) и эта партия на парламентских выбо-рах 1939 г., несмотря на то, что не имела массовой социаль-ной базы, благодаря получаемым из Германии средствам и шум-ной пропаганде, сумела провести в парламент своих депутатов (из 260 мест в парламенте им стало принадлежать 31 место, тогда как число депутатских мандатов от социал-демократов и коммунистов — Партия мира — сократилось до 28 мест)². Как ни странно число членов нилашистской партии с началом войны стало сокращаться (в 1939-1940 гг. — 200 тыс. членов), а в дальнейшем эта тенденция сохранилась (напр., в 1943 г. — уже менее 100 тыс.), что свидетельствует о падении прести-жа этой партии.

Говоря о расстановке политических сил, нельзя пройти мимо роли самого правителя Венгрии, регента Миклоша Хорти,

который выполнял и функции верховного главнокомандующего армией. По мере появления дипломатических и военных успехов Германии в конце 30-х годов на регента усиливалось давление прогермански настроенных высших офицеров генерального штаба и верховного главнокомандования венгерской армии, которые пытались толкать его в объятия Гитлера, на усиление политики "твердой руки", на всяческое усиление армии. Главным аргументом высших военных чинов не редко являлась апелляция к тому, что в складывающихся новых международных условиях венгерская армия (в отличие от быстрокрепнущей и оснащаемой румынской) не имеет необходимого вооружения и пользуется ограниченными бюджетными средствами и поэтому может отстать в своем развитии от потребностей и "несоответствовать задачам ревизии". К весьма ощутимому давлению военных прибавлялся и усиливавшийся нажим Гитлера, который постоянно стремился по самым различным каналам убедить Хорти в результативности германской политики, заставляя пойти на уступки военным (под их влиянием была кстати принята правительством страны и дёрская программа вооружения), на все большее сближение с Германией. Фюрер в этом направлении действовал самыми различными мерами: как известно, он еще в Бледе предложил Хорти принять совместное участие в военной акции против Чехословакии, а затем ввиду отказа последнего участвовать в такой кампании, а также из-за отстранения прогермански настроенного начальника генштаба венгерской армии генерала Е.Раца со своего поста, Гитлер постоянно давал ему знать о своем недовольстве его поведением и политикой; в дальнейшем же Фюрер соглашался участвовать в работе I Венского международного арбитража, решением которого значительные районы Южной Словакии (хотя далеко не все, на что претендовали венгры), населенные преимущественно венграми (около 12 тыс. кв. м с населением 870 тыс. человек — из них 86.5 % венгры, 9.8 % — словаки), были возвращены Венгрии; через германского посла в Будапеште О.Эрдманнсдорфа он еще упрекал Хорти за то, что тот без его личного разрешения начал готовить военную акцию по возвращению Венгрии (принадле-

жавшего с 1919 г. Чехословакии) Подкарпатья (ныне Закарпатье), но спустя несколько месяцев, по следам чехословацкой трагедии, в 1939 г. от него уже поступило предложение на немедленное введение венгерских войск на эту территорию, что правда, уже выглядело как высочайшее разрешение фюрера, рассчитанное на то, чтобы привязать к себе правителя Венгрии. Перечень направлений германского воздействия на венгерских руководителей можно бы продолжить, но суть и цель их ясны и без этого. Естественно, политическое воздействие Гитлера на Хорти не могло пройти бесследно – Венгрия, как известно, в 1939 г. примкнула к антикоминтерновскому пакту.

Определенным антиподом, сдерживающим процесс нарастания прогерманской ориентации и сползание политического руководства Венгрии на такие позиции, являлись отдельные влиятельные круги и видные либерально-демократически настроенные политические деятели, стремящиеся сдерживать или противостоять амбициям военных. Среди них особенно выделялся бывший премьер-министр Венгрии 20-х годов граф И. Бетлен, с мнением которого Хорти всегда считался, и новый премьер-министр страны Пал Телеки, занявший этот пост в феврале 1939 г. Оба они не скрывали свои опасения перед нависшей над страной фашистской угрозой и стояли на позициях сохранения Венгрии в годы войны статуса вооруженного нейтралитета. Эти наиболее трезво мыслящие политические деятели и группировавшиеся вокруг них силы раньше других осознали растущую опасность германского влияния (за что не без основания и заслужили особое "внимание" фюрера). Так, в частности, И. Бетлен осознал, что политика страны под влиянием различных факторов опасно втягивается в орбиту германского влияния, и обращал внимание на грозящую стране опасность. На страницах газеты "Пешти Напло" (Пештский дневник) он предупреждал: "...если близирующие венгерские руководители под германским давлением или с немецкой помощью попытаются ввести у нас такие же методы и формы государственного управления, которые кажутся приемлемыми для немецкого народа, то она может вызвать у нас катастрофическую реакцию"³. Выступая в венгерской и зарубеж-

ной печати, он предостерегал от попадания венгерской политики под влияние рейха, подчеркивая, что "после оккупации фашистской Германией Австрии, реальная фашистская угроза нависла и над самой Венгрией"⁴. Обращаясь к внешнеполитическим аспектам проблемы в одной из своих статей 1939 г. он писал: "Одно я вижу четко — если в нашей политической жизни наступит соглашательская унификация под знаком крайне правых идей, то мы станем не другом, а слугой Германии, и это будет концом независимой венгерской внешней политики"⁵.

Вместе со своими единомышленниками (также известными и влиятельными политическими деятелями) Бетлен обратился к Хорти со специальным меморандумом, в котором остерег его от привязанности к фашистской Германии. "Несомненно, — говорится в частности в этом документе, — что, находясь в Центральной Европе, в преобладающей германской среде, мы должны обеспечить дружественное сотрудничество с Германской империей. Однако, дружба не должна быть односторонней, односторонней. Она не может означать подчиненности или отказ от независимой венгерской внешней политики"⁶.

Предостережения Бетлена и его коллег безусловно сыграли свою роль, оказали определенное влияние на регента, хотя тот полностью так и не смог избавиться от воздействия прогермански настроенных офицеров генштаба и вынужден был поэтому часто лавировать, ощущая на себе давление как слева, так и справа. При этом Хорти, конечно, не мог не считаться также и с позициями Англии, политические деятели которой заранее предупреждали его, что будут судить о Венгрии по ее позициям в случае войны. При том отмечалось, что одним из важных критериев, по которому будут судить о стране, как это вытекает из сведений, полученных венгерским послом Д. Барца в Лондоне, будет вопрос о том, пропустит ли Венгрия германские войска через свою территорию в случае войны Германии против третьего государства или же будет протестовать (хотя даже безнадежно), а может быть сама присоединится к ее акции^х.

^х) Кстати, Мид Великобритании благосклонно отнеслось к восстановлению польско-венгерской границы накануне второй мировой войны, полагая, что оно может способствовать возникновению политической оси Варшава — Будапешт — Белград — Рим, которая может помешать военной экспансии Германии.

Премьер-министр Телеки, говоря о политической линии своего правительства по отношению к рейху, в беседе с английским историком А.Макартни-выразил ее суть словами: "Все обещать диктатору, но не делать ничего". Разумеется, это было лишь кредо премьера, однако, соблюсти такие требования было не легко, хотя он и старался придерживаться такой линии. Неудивительно поэтому, что гитлеровцы оказались недовольны его политикой ни до, ни после начала второй мировой войны. Здесь уместно сказать и о том какой видели сами немцы Венгрию и венгерскую внешнюю политику в 1939 г. Гестаповские доклады, базирующиеся на аналитических материалах Парижского центра служб информации, по этому поводу отмечали, что венгерская внешняя политика находится под значительным влиянием английского правительства, которое "направляет ее против Германского рейха". Что касается Хорти как правителя страны, то о нем мнение было такое, что он также "находится под влиянием Англии, израильтянского альянса, папства и легитимистских магнатов, крупных фабрикантов"⁷. Характерно, что непосредственно перед военной экспансией фашистских войск против Польши германские спецслужбы считали, что "общеполитические интересы Венгрии нацелены на союз с Польшей, и поэтому направлены тем самым против Рейха"⁸.

Политический курс правительства Телеки был направлен на то, чтобы страна не позволила Германии втянуть себя в войну на стороне рейха. Вместе с тем, находясь на позициях провозглашенного им политики вооруженного нейтралитета, Телеки считал не только возможным, но и необходимым добиваться путем переговоров, т.е. политическими средствами возвращения Венгрии районов, населенных венграми и расположенных южнее ее государственных границ, оказавшихся в результате Трианона в составе Румынии и Югославии. Этой политической линии Телеки продолжал придерживаться и после начала войны. Он с согласия Хорти еще в августе пообещал Лондону, что Венгрия ни в коем случае не подчинится германскому давлению и не откажется от провозглашенного им нейтралитета, а в случае "вторжения германских войск на территорию страны, венгерское пра-

вительство окажет им сопротивление"⁹.

Несколько иных, пожалуй, противоположных позиций придерживался новый начальник генштаба венгерской армии А.Верт, который вместе с генералом Барта участвовал в ликвидации позиций прогермански настроенных генералов и сменил на этом посту Е.Раца. Позже, вдохновленный введением венгерских войск на возвращенные северные территории, а также достижениями германской политики в Европе, после неоднократных поездок в Германию, Верт стал убежденным сторонником необходимости политического и военного союза с этой страной, видя в ней надежного гаранта, обеспечивающего дальнейшую ревизию границ. Верт и высшие военные чины из его окружения начали проповедовать отказ от самостоятельной внешней политики Венгрии и от несогласованных с немцами действий. Его ведомство все настойчивее толкало политическое руководство страны в объятия фашистов, на сближение и союз с ними, на поддержку их политики.

Правительству Телеки все же удавалось сохранить нейтралитет страны и избежать даже видимость поддержки немцев во время их вторжения в Польшу, несмотря на то, что известное давление в этом направлении со стороны Германии имело место. В интересах обеспечения курса на нейтралитет венгерская дипломатия, как известно, сделала необходимые шаги еще задолго до начала оккупации Польши фашистами¹⁰. Накануне их вторжения в Польшу Телеки отправил Гитлеру письменное извещение о том, что Венгрия не может принять участия в войне против этой страны. Как известно, оно вызвало резкое недовольство и возмущение фюрера, который считал, что "неблагодарные венгры" уклоняются от верноподданнических обязательств, несмотря на то, что Германия содействовала им в возвращении части утерянных территорий¹¹. Претензии фюрера были высказаны венгерскому министру иностранных дел И.Чаки, когда тот побывал в Берхесгадине у Гитлера. Тем не менее, хотя Гитлер и говорил, что немцы и не рассчитывали на участие венгров в нападении на Польшу, он все же не смог скрыть свою обиду и заявил, что Германия в дальнейшем не может поддерживать венгер-

ские претензии, в частности, на возвращение населенных венграм районов Румынии. Правда, на следующий день венграм уже был сделан намек на то, что если Венгрия все же согласится пропустить германские военные части в Польшу эрез свою территорию (кстати, возвращенную при немалом содействии), то немцы, возможно, еще подумают о поддержке венгерских претензий к Румынии. Все это было похоже на политику "кнута и пряника", и нельзя отрицать, что она не имела определенного успеха, т.к. Чаки попросил в итоге считать письмо Телеки, вызвавшее гнев фюрера, ненаписанным. Намек фюрера, вместе с тем, вызвал в Венгрии и соответствующие опасения, т.к. правительство не намеревалось нарушить свое обещание и пропустить через свою территорию германские войска для участия в антипольской кампании.

Советско-германский пакт 1939 г. о ненападении и его секретные приложения, а также военная мощь гарантировали для рейха успех в деле захвата Польши, и поэтому когда, сразу же после начала вторжения, Риббентроп через посла Германии в Будапеште Эрдманнсдорфа известил венгерское руководство, что Гитлер не ожидает от Венгрии никакой военной помощи, эта весть была встречена в венгерском руководстве с большим облегчением. Посол, однако, выразил надежду на то, что Венгрия все же не сделает заявление о своем нейтралитете (т.е. официально не заявит об отказе вступить в войну в будущем), не закроет за собой пути свободного использования возможностей в соответствии с ее интересами. Венгры согласились на предложенные условия, которые, видимо, на том этапе удовлетворили обе стороны.

Военное ведомство Верта в заявлении германского посла узрело, однако, подсказку на возможное решение военным путем территориального спора с Румынией и предлсжило правительству начать немедленную мобилизацию в интересах подтсговки кампании для вторжения в Трансильванию¹². Будучи сторонником политического решения проблемы, Телеки не согласился с предложением Верта, ибо не пожелал связать решение территориальной проблемы с развязанным военным конфликтом против

Польшу, разросшемся впоследствии в мировой пожар. 4 сентября Риббентроп (видимо узнав о разногласиях в венгерском руководстве по этому вопросу) обратился со специальным посланием к Чаки, в котором просил гарантии о том, что Венгрия без ведома немцев не начнет военных действий против Румынии. Для подробного обсуждения вопроса Чаки был приглашен в Берлин на 7 сентября, где в беседе с Риббентропом ему дали знать, что Германия не заинтересована в возникновении румыно-венгерского конфликта на юге и предпримет все меры в интересах обеспечения спокойствия в этом районе. Вместе с тем, Риббентроп попытался вновь склонить Венгрию к участию в военных действиях против Польши, обещая за это "часть польских земель"¹³.

9 сентября в 16 часов Риббентроп неожиданно позвонил по телефону Чаки и попросил дать срочно разрешения на использование железнодорожной линии Кашша - Надьсаланц - Велеште для переброски германских военных формирований в Польшу. Он потребовал дать ответ до 19 - 20 часов, мотивируя тем, что военные части должны проследовать через венгерскую территорию около 12 часов следующего дня. Это был открытый вызов, который мог сделать Венгрию причастной к антипольской кампании и поставить ее нейтралитет под вопросом. Чаки ответил уклончиво, заметив, что он сам по этому вопросу не может принять решения, а правитель страны Хорти находится на охоте. С учетом данного обстоятельства ответ поэтому может быть дан не ранее чем в полдень в воскресенье.

На экстренном заседании высшего государственного руководства Венгрии 10 сентября было обсуждено требование Германии, которое после консультации с итальянскими политическими деятелями было отклонено. В протоколе заседания по этому вопросу была подтверждена позиция, содержащаяся в ноте итальянскому правительству еще весной 1939 г. В официальной мотивировке венгерского правительства вновь было подчеркнуто, что как сам регент, так и венгерское правительство "еще в самом начале германско-польской войны самым решительным образом заявили, что Венгрия считает делом

честь не участвовать ни в каких военных акциях против Польши и поэтому данная просьба ни при каких обстоятельствах не может быть удовлетворена; следовательно, не можем допустить пропуск или перевозку германских частей по железной дороге в Польшу..." через венгерскую территорию. "Удовлетворение этой просьбы означало бы нарушение нейтралитета и вызвало бы объявление нам войны со стороны трех держав - Англии, Франции и Польши. Не можем удовлетворить просьбу и по той причине, что в немецких частях находятся гвардейцы Глинки и отряды словацкой армии. Мы вообще не желаем вмешиваться вопреки своей воли или дать втянуть себя в мировую войну"¹⁴.

Это была, несомненно, смелая и принципиальная позиция, характерный моральный поступок правительства Телеки в ответ на явно провокационное требование фашистов, рассчитанное на то, чтобы втянуть страну в войну на стороне Германии. Реагируя на этот ответ венгров, министр иностранных дел Италии Г. Чиано в тот же день записал в своем дневнике: "Думаю, что этот отказ немцы не простят. Пройдет время и венграм придется за это поплатиться". Вслед за германским требованием о пропуске войск и боевой техники, с идентичной просьбой обратились к Венгрии и словаки, однако, она также решительно была отклонена. Что касается германского правительства, то оно приняло к сведению ответ венгров, однако через своего посла в Будапеште не забывало напомнить о том, что "немецкое пожелание, впрочем, не являлось несправедливым, а Венгрия не должна бы забывать, что Германия позаботилась о том, чтобы упомянутый участок железной дороги был возвращен Венгрии"¹⁵.

Венгерская политика вызывала раздраженность и протест германских фашистов и в дальнейшем, т.к. Венгрия, несмотря на продолжающееся давление, оставалась нейтральной и проявляла благосклонность к Польше, принимая у себя значительное число польских беженцев и сохранив деятельность польского посольства в Будапеште вплоть до конца 1940 г.

Согласно архивным сведениям официальная Венгрия с первых

дней войны и в период оккупации фашистами Польши спасала жизнь десяткам и сотням тысяч поляков, бежавших от фашизма, содействовала переправке в Англию, Францию и другие страны Западной Европы солдат и офицеров польской армии. Характерно, что в период всей войны в Венгрии действовали целые поселения польских беженцев, работали польские школы и гимназии. Делалось все это вопреки тому, что германская разведка знала и информировала свое руководство об акциях спасения поляков венграми и об их поселениях в Венгрии. "Польские военные летчики находят убежище в Венгрии, откуда затем переправляются в свои легисны на территории Франции", — говорилось в одном из донесений в гестапо в начале войны¹⁶. "Беженцы проживают в Венгрии в районе Шарвара, они носят гражданскую одежду, снабжены фальшивыми паспортами, обеспечиваются визой для выезда во Францию через территорию Югославии"¹⁷, подчеркивалось в другом документе того же ведомства.

В октябре 1939 г. на территории Венгрии согласно заявлению военного министра страны, насчитывалось уже около 33 тыс. поляков из числа гражданского населения и 5 тыс. офицеров польской армии. Согласно же данным германской разведки, общая численность польских беженцев в Венгрии на деле составляла 75 тыс. человек, которые были размещены в 120 населенных пунктах; особенно много было их в районе г.Вишеграда и у границы с Бургеландом (здесь расквартировался даже целый польский легион)¹⁸. Точные сведения о польских беженцах по понятным причинам не давались. Характерно, что по конспиративным соображениям под одной фамилией поляка в официальных списках, как правило, скрывалось от трех до шести человек. Следует учесть также, что многие поляки после кратковременного пребывания в Венгрии через открытую югославскую границу переправлялись на Запад (по оценочным данным таких лиц было не менее 50 тыс.).

Разумеется, такое отношение Венгрии к польскому вопросу вызывало известную обеспокоенность у гитлеровцев, которые неоднократно давали знать о своем недовольстве поведением

правительства Телеки и через своих агентов наблюдали за событиями в стране, регулярно докладывали о поведении и настроениях представителей господствующих классов своему ведомству. Так, в частности, в одном из донесений в гестапо из Будапешта от 15 ноября 1939 г. отмечалось, что "имущественные слои Венгрии напуганы таким положением дел, когда они оказались, с одной стороны, между национал-социалистической Германией и коммунистической Россией, с другой". Автор донесения вполне уверенно добавлял к этой информации еще одно свое наблюдение, отмечая, что венгры вряд ли "смогут в данных условиях долго удержаться" и в итоге безусловно "рассчитывают на победу Англии"¹⁹.

21 сентября 1939 г., как известно, советские воздушные части дошли до Карпат. Между Венгрией и СССР установилась общая граница по горному хребту Карпат. По этому случаю военный атташе венгерского посольства в Берлине, информируя свое руководство, сообщал, что с великим новым соседом необходимо стремиться к установлению хороших взаимоотношений, избегая всякие возможные инциденты²⁰. Советское правительство заверило тогда Венгрию об уважении установившихся между двумя странами границ. В.М.Молотов сообщил венгерскому послу в Москве И.Криштоффи: "СССР к Венгрии не имеет никаких претензий и стремится к установлению с ней добрососедских отношений; считает обоснованными венгерские территориальные претензии в отношении к Румынии, относится к ним доброжелательно и будет поддерживать их на мирной конференции; в случае возникновения румыно-венгерского конфликта СССР не желает вмешиваться в него"²¹.

Новая ситуация, соседство с СССР на Востоке (у восточных границ современной Закарпатской области УССР) наталкивали высшие круги венгерских военных на мысль о возможной реализации идеи возвращения населенных венграми районов в Трансильвании с помощью оружия. Такую акцию они предполагали осуществить тогда, когда новый сосед заявит о своих претензиях к Румынии на Бессарабию. Военные не без основания видели возможность "сотрудничества с русскими" в данном воп-

росе²². Правда, сам Верт, офицеры генштаба которого все чаще стали посещать Германию, не разделяли идею такого сотрудничества, они больше склонялись на всестороннее сближение с рейхом, с его политикой. Не исключено, что это объясняется информированностью начальника генштаба, который не мог не знать о высказываниях германского военного атташе в Будапеште о том, что "война против России также неизбежна, как и ямийн в церкви"²³. Под влиянием военных успехов Германии, силы и мощи рейха, как настоящий военный, Верт все больше склонялся к союзу с гитлеровцами. Он упорно убеждал Хорти в том, что войну выиграют немцы, пытался склонить его на отказ от политики вооруженного нейтралитета.

Политическая линия Телеки была совершенно иной. Он, несмотря на все усиливающееся давление на него с осени 1939 г. со стороны немцев и прогермански настроенных кругов в Венгрии, особенно военных и ультраправых группировок, не желал отказываться от провозглашенного им курса на сохранение "независимости" страны, пытался укреплять свои связи с западными державами, которые выражали свое удовлетворение поведением венгерского правительства в период германско-польской войны. Он укреплял контакты также с Италией, которая, хотя и была союзницей Германии, в свою очередь все же опасалась роста и преобладающего влияния последней. Венгерскому премьеру казалось, что все эти страны с пониманием относятся к венгерским стремлениям в вопросах ревизии границ. Поэтому, как политик, стремящийся к возвращению всех земель, населенных венграми, после заключения германо-румынского экономического соглашения 1939 г., увеличивающихся военных поставок германского оружия для румынской армии, а также с учетом изменившихся внешнеполитических условий, пришел к выводу, что Венгрия вряд ли может рассчитывать на поддержку Германии в вопросе о Трансильвании, и склонялся на самостоятельное разрешение этой проблемы независимо от держав "оси". Согласно венгерским проектам, разработанным штабом Верта, акция по возвращению Трансильвании должна была быть согласована с действиями СССР в Бессарабии. Разработанный

вариант возвращения этой территории с помощью военной силы, однако по ряду причин так и не состоялся. Дело в том, что после того как 26 июня 1940 г. В.М.Молотов передал ультиматум румынскому послу в Москве о Бессарабии и Северной Буковине, 29 июня было начато перемещение венгерских военных частей к венгеро-румынской границе. Перемещение войск было рассчитано на то, чтобы придать силу открыто поставленным в мае - июне правительством Телеки требованиям ревизии границ с Румынией в Трансильвании. Под давлением военных Телеки склонился на сей раз даже на то, что если не удастся решить эту проблему мирными средствами, то допустимо вмешательство и военных в эту акцию, однако, без участия немцев.

Возможный венгерско-румынский конфликт не вписывался, однако, и на сей раз в планы Германии. Поэтому уже 10 июля 1940 г. Гитлер в присутствии Риббентрона и Чиано принял премьера и министра иностранных дел Венгрии и попытался отговорить их от вторжения в Румынию. Правда, при этом Гитлер уже осознавал важность не только снятия напряженности между двумя странами, но и неотложность разрешения территориальной проблемы между Венгрией и Румынией. Его, безусловно, меньше интересовала глубинная первопричина конфликта, но он был заинтересован в сохранении спокойствия в этом районе, не хотел возникновения нового очага борьбы, развивающихся не по его собственному сценарию событий. Он остановил возможное введение венгерских частей в Трансильванию, несмотря на то, что Чаки на названной встрече за согласие ввода войск на эту территорию пообещал взамен увеличить поставки Германии венгерских продовольственных товаров и сырья, в чем она остро нуждалась. Фюрер просил подождать и провести специальные венгеро-румынские переговоры по территориальному вопросу между конфликтующими сторонами.

Надежда военных на демонстрацию своих сил провалилась. Однако, войсковые формирования I-й венгерской армии, с 1 июля 1940 г. подтянутые к г.Ниредьхазы и дислоцированные на юго-востоке Венгрии вдоль границы с Трансильванией, оставались на своих позициях. По словам бывшего командующего

этой армией генерала В.Надьбацони-Надь "это означало, что если переговоры не дадут нужных результатов, то трансильванскую проблему будем решать вооруженным путем"²⁴. В своих воспоминаниях генерал в этой связи далее отмечал: "Немцы остановили нас и выразили мнение, что не поддерживают Венгрию против румын. Они нуждались в румынской нефти и уже заведомо рассчитывали на войну против Советского Союза. В этом деле Румынию они считали более ценной помощницей, чем нас"²⁵.

Х.Верт и его генштаб в этих условиях довольно ревностно смотрели на крепнущий военный потенциал Румынии, на растущие поставки ей оружия и боеприпасов из Германии. В армии своего южного соседа они не без основания видели соперницу, к которой было более благосклонное отношение фюрера. Генералы пришли к выводу, что причина сдержанного отношения Гитлера к венграм скрывается прежде всего в политике Телеки. Верт, который оставался недовольным поведением премьера уже на этапе германо-польской войны, опираясь на генералитет, пытался оказывать все более сильное давление на него, чтобы тот отказался от политики нейтралитета и быстрее сближался с Германией. Телеки, однако, продолжал стоять на своем и выжидал. Военные не простили ему и его "осторожничание", с которым он отнесся к вопросу о введении венгерских войск в Трансильванию, тем более, что Румыния после удовлетворения требования СССР относительно Бессарабии и Буковины, значительную часть своих войск перебросила в Трансильванию, укрепив тем самым румынский плацдарм в этом регионе.

Противостояние Верта премьеру Телеки особенно усилилось после венгеро-германских торгово-экономических переговоров в январе 1940 г., когда немцы попытались связать военные поставки для Венгрии с требованием непомерного увеличения продовольственных товаров для Германии. В случае неудовлетворения их требований немцы угрожали полной остановкой в поставках боеприпасов для венгерской армии. Здесь военные пришли на явную выручку немцам: в частности, Верт упрекнул Телеки в том, что тот ставит под угрозу оснащение армии,

мешает ее боеготовности, а на заседании Высшего совета обороны возложил на него ответственность за отставание развития военной промышленности и за пренебрежение подготовкой страны к войне²⁶. В одном из своих донесений в Берлин посол Эрлманисдорф, анализируя ситуацию в "верхах" Венгрии недаром выделял следующее: "Без всякого сомнения отношение армии к Германии является более позитивным, чем премьер-министры и других членов правительства. Старшее поколение генералов... и особенно влиятельный начальник генштаба генерал пехоты Верт понимают безусловную потребность идти вместе с Германией"²⁷. И в самом деле, Верт становился все более убежденным сторонником союзнической верности Германии, он толкал и правительство в этом направлении, внушая необходимость отказа от прежнего курса.

Конфликт между Вертом и Телеки продолжал обостряться. Весной 1940 г. причиной тому служили политические мотивы, в ответ на которые глава правительства вынужден был обратиться к Хорти и просить его распорядиться, чтобы военные не занимались политикой²⁸. Влияние генералитета, однако, продолжало расти особенно после того, как Верт наряду с постом начальника генштаба взял в свои руки и функции командующего армией. Недаром премьер Телеки в сентябре 1940 г. записал в своем дневнике: "В Венгрии сегодня налицо два правительства...: одно - законное, второе - военное, которое охватывает все отрасли и оказывает воздействие на все, даже там, где это не в силах охватить или проконтролировать само правительство"²⁹. Слова Телеки свидетельствуют о растущем влиянии военных на весь государственный аппарат, но вместе с тем говорят и о том, что попытка военных оказывать воздействие на политику правительства также не прошла бесследно.

Переговоры между Венгрией и Румынией о разрешении территориальных споров были начаты 16 августа 1940 г. в Турну Северине. Делегации обеих стран на переговорах возглавили уроженцы Трансильвании - А.Хори и румын В.Поп. Стороны, однако, не могли договориться даже по самым основополагающим принципам. Венгерская делегация просила возвращения 69 кв. км

территории, включая районы, населенные венграми-секейями, румынская же согласилась отдать лишь 50-ти километровую полосу вдоль границы, но затем предложила осуществить обмен населением и лишь в зависимости от этого была готова пойти на территориальные уступки. 24 августа переговоры зашли в тупик.

Учитывая, что встреча сторон не дала результатов, в Будапеште на следующий день было решено начать на рассвете 28 августа самостоятельные военные действия против Румынии в интересах возвращения указанных территорий. Небезынтересно здесь обратить внимание на одно из утверждений А.Хори, который в своей книге, опубликованной в 1967 г. в Вене отмечает, что в первые дни июля 1940 г. с советской стороны было предложено венграм активное содействие в случае вступления Венгрии в войну против Румынии³⁰. Венгерское правительство параллельно с принятием решения о военных действиях начало действовать и по дипломатическим каналам, чтобы выяснить отношение к ним Германии, а 27 августа официально известило ее о том, что ввиду невозможности продолжения переговоров, Венгрия взвешивает вопрос о разрешении проблемы военными средствами, и при этом она оставляет за собой право самостоятельного определения начала военной акции. До боевых действий, однако, дело не дошло. Видимо, Гитлер и сам не надеялся на успешный исход переговоров и для него их результаты не оказались неожиданными. 26 августа он уже обсудил с военными положение и фактически подготовился к принятию неожиданных мер на тот случай, если развяжется военный конфликт между двумя странами: было дано указание формировать группы быстрого реагирования, в задачу которых входило проучить конфликтующие стороны, удержать от активных поступков непослушные правительства, обеспечить условия для бесперебойного поступления в Германию румынской нефти и венгерских продовольственных товаров.

27 августа румынский посол в Берлине во избежание развязывания военного конфликта передал в МИД Германии ноту, в которой Румыния заявила о своей готовности вынести обсужде-

ние проблемы на международный арбитраж под председательством держав "оси".

На 29 августа 1940 г. главы правительств и министры иностранных дел Венгрии и Румынии были приглашены в Вену, где удостоились со стороны Риббентропа соответствующих поощрений. Им было указано на опасность и возможные последствия военного конфликта. При этом глава МИД Германии разговаривал с ними тоном, нетерпящим возражений. Он не забыл акцентировать на том обстоятельстве, что конфликт устраняется благодаря усердию Германии, и поэтому обе стороны должны благодарить великую Германию за это. Конфликтующие стороны были также предупреждены о необходимости дать срочное согласие (в течение дня) на безоговорочное признание решений предстоящего арбитража. Было заявлено, что в противном случае рейх не потерпит, чтобы его интересы пострадали хоть малейшим образом. После таких предпосылок делегации, посоветовавшись по телефону со своими парламентами (министрами, коронным советом), дали согласие на безоговорочное признание решений предстоящего международного арбитража³¹.

30 августа 1940 г. во дворце Белведер II-й Венский арбитраж объявил свое решение: Венгрии была возвращена часть Трансильвании (точнее ее северные районы, включая венгерское секейское население, а также города Коложвар, Бестерце, Марошвашархей, Секейудвархей и др.) общей территорией размером в 43,5 тыс. кв. км с населением 2.5 млн. человек. Протокол международного арбитража со стороны председательствующих подписали Риббентроп и Чиано, а со стороны Венгрии и Румынии министры иностранных дел Чаки и Маноилеску.

Решение арбитража, естественно, не могло удовлетворить ни ту, ни другую из конфликтующих сторон, т.к. оно фактически не учитывало ни экономические, ни этнические факторы в Трансильвании. В частности, на возвращенной Венгрии территории оставалось около 1 млн. румынского населения, в то время как крупные города с венгерским населением, такие как Арад, Темешвар и др. оставались на румынской стороне. Коложвар и Надьварад, возвращенные Венгрии, фактически

оказались пограничными городами, отрезанными от венгерских этнических районов на юге.

Характерно, что решение Венского арбитража, хотя и было встречено в Венгрии как возвратившее исторически принадлежавшие ей ранее территории, не могло удовлетворить господствующие классы страны, которые претендовали на 2/3 всей Трансильвании. Оно фактически не устранило зерно раздора между двумя странами, ибо сохранило возможность конфликтов и причину противоречий. Сложившееся положение больше устраивало саму Германию, давало ей возможность манипулировать интересами двух стран, а в случае необходимости даже использовать их друг против друга. Создалось положение, когда Венгрия и Румыния в равной мере попали в одинаковую зависимость от Германии, ибо именно от нее зависела дальнейшая судьба разрешения трансильванской проблемы — венгры с ее помощью пытались удержать воссоединенные районы и надеялись на дальнейшее их наращивание, а румыны, со своей стороны, также с ее помощью пытались вернуть их себе и искали благосклонности немцев. Налицо был классический пример политики "разделяй и властвуй".

Сама же Германия оказалась довольной. Она утихомирила и Венгрию, и Румынию, еще больше привязала их к себе, обеспечив тем самым возможность и в дальнейшем воспользоваться их ресурсами (нефть, бокситы, продовольствие). Ее содействие в "разрешении" конфликта в Венгрии придавало силу правам группировкам и организациям, еще больше склонило ее руководство к дальнейшему сближению с Германией. Недаром один из сотрудников германского СД, совершивший поездку по странам Центральной и Юго-Восточной Европы, в докладе своему начальству отмечал в этой связи, что "настроение в Венгрии очень изменилось в пользу Германии"³².

Пагубность и опасность произошедших в Вене событий раньше других осознал Телеки, которого не только возмутил но и насторожили методы, которыми были достигнуты там решения, но (в отличие от большинства видных представителей господствующих классов страны, находившихся в состоянии опреде-

ленной эйфории), которого пугали и ожидаемые последствия этих решений. Он отчетливо понимал, что немцы за эти решения в скором времени предъявят соответствующий счет Венгрии. Телеки, осознавая свою ответственность, чувствуя приближающуюся опасность по дальнейшему вовлечению страны в орбиту германской политики, видя растущее влияние на Хорти военных во главе с Вертом и их вмешательство в процесс формирования политики, взялся за перо, чтобы предупредить регента о грозящей стране опасности. Заодно он предложил регенту и свою отставку с поста главы правительства, которую тот, однако, не принял.

Так завершился один из сложных, противоречивых, но в целом характеризующихся умелым лавированием и политикой вооруженного нейтралитета периодов в истории Венгрии начального этапа второй мировой войны. К концу этого периода, несмотря на оказываемое сопротивление правительства страны, эта политическая линия все же привела к сближению с фашистской Германией, которая умело плела свои сети, притягивая в орбиту своей политики неоккупированные страны Центральной и Юго-Восточной Европы.

Примечания

1. Одна треть всего венгерского населения оказалась за пределами национально-государственного образования, в результате чего венгры стали самым многочисленным национальным меньшинством на территории сопредельных государств: в Румынии — 1 млн. 664 тыс. или же 17 % всех венгров, в Чехословакии — 1 млн. 72 тыс. (11 %), в Югославии — 460 тыс. (около 5 %).

2. A kormányzat szélsőjobbldali ellenzéke az ellenforradalmi Magyarorazágon. — Társadalmi Szemle, 1986, 9.sz., 78. old.

3. Pesti Napló, 1938. március 7

4. ЦГДА СССР. Собрание германских материалов. П. 148, л. 69.

5. Döntések, — Magyarország, 1989., sz., 26. old.

6. Pintér István. Ki volt Northy Miklós ?

Bp., 1968, x 145. old.

7. ЦГДА СССР. Собрание германских материалов. П. 148, л. 137.

8. Там же.

9. Társadalmi Szemle, 1984., 6. sz., 101. old.

10. Приведем лишь некоторые основные из них. 27 апреля 1939-г. МИД Венгрии за подписью Чаки направил ноту прави-

тельству Италии, где говорилось: "В вооруженных акциях против Польши ни прямо, ни косвенно мы не можем участвовать. Под косвенным участием я подразумеваю следующее: любые требования относительно передвижения германских войск через нашу территорию с целью нападения на Польшу, будь они пешие, транспортные или железнодорожные, нами будут отклонены. Если немцы будут угрожать применением силы, то мы ответим оружием. Если кто-нибудь без позволения вступит на территорию Венгрии, мы будем считать его своим врагом" (Цит. по: Csoranyi Endre. Eg a ház. Bp., 1988, 10. old.).

В мае, после поездки венгерской правительственной делегации в Берлин, у поляков возникло подозрение в связи с концентрацией венгерских войск на востоке страны. Руководители Венгрии успокоили поляков, заверяя в своей доброй воле и дав им знать, что "не пропустят через свою территорию немецкие войска к Польше" (ЦГОА СССР. Подборки польских материалов. П. 146, л. 16-17). В конце июля Телеки в письмах, адресованных Гитлеру и Муссолини, отметил, что Венгрия не может себе позволить начать военные действия против Польши. Венгрия довела и до сведения Великобритании, что она ни в коем случае не будет воевать против этой соседней страны. (Dombrády Lóránd, Tóth Sándor. A magyar királyi honvédség. 1919-1945. Bp., 1987, 138. old.)

II. Dombrády Lóránd, Tóth Sándor. Op.cit., 138. old.

12. Ibidem., 140. old.

13. Пушкин А.И. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966, с. 100.

14. Magyarok a Kárpát-medencében. Bp., 1988, 282. old.

15. A Wilhelmstrasse és Magyarország, 1933-1944.

Bp., 1968, 438. old.

16. ЦГОА СССР. Собрание германских материалов. П. 499, л. 266.

17. Там же, л. 266.

18. Там же, п. 272, л. 345, 350.

19. Там же, п. 147, л. 2-3.

20. Diplomáciai iratok Magyarország külpolitikájához, 1936-1945. Bp., 1962, 281-282. old.

21. Dombrády Lóránd, Tóth Sándor. Op.cit., 154. old.

22. Nagybaczonyi=Nagy Vilmos. Végzetes esztendőök.

Bp., 1986, 47. old.

23. ЦГОА СССР. Собрание германских материалов, п. 147, л. 1, 5.

24. Nagybaczonyi=Nagy Vilmos. Op.cit., 49. old.

25. Ibidem., 48. old.

26. Dombrády Lóránd, Tóth Sándor. Op.cit., 143-144.

27. A Wilhelmstrasse ..., 453. old. old.

28. Az Imrédy-per. Bp., 1945, 27. old.

29. Társadalmi Szemle, 1984., 6.sz., 103. old.

30. Hory András. Még egy barázdát sem... Becs, 1967

31. Dombrády Lóránd, Tóth Sándor. Op.cit., 162-163. o

32. ЦГОА СССР. Собрание германских материалов, п. 271, л. 147.

СССР И ЧЕХОСЛОВАЦКИИ ВОПРОС. 1939 ГОД.

14 марта 1939 г. словацкий сейм проголосовал за создание Словацкой республики^{х)}, государства возникшего при поддержке фашистской Германии и ставшего его сателлитом. Ранним утром 15 марта немецкие войска начали оккупацию чешских земель. Президент Чехо-Словацкой республики^{хх)} Гаха, "приглашенный" вместе с министром иностранных дел Хвалковским в Берлин, вынужден был под угрозой кровавой расправы с чешским народом и уничтожения Праги подписать заявление о том, что, "желая спокойствия, мира и порядка в данной части Центральной Европы", он вручает "судьбу чешского народа и страны в руки вождя Германской империи"². Прибывший в оккупированную Прагу 16 марта Гитлер объявил о том, что Германская империя берет под защиту чешский народ и гарантирует ему автономное развитие национальной жизни в Протекторате Чехия и Моравия. Так фактически было ликвидировано просуществовавшее двадцать лет Чехословацкое государство.

Мировая общественность, шокированная очередным вероломным актом фашистской Германии, не выполнившей мюнхенские договоренности, получила убедительное доказательство того, что политика попустительства агрессору ведет не к миру в Европе, а к развязыванию новой мировой войны. Психология

х) В книге И. Роучека и ряда других американских ученых "Центрально-Восточная Европа — очаг мировой войны" (изданной в Нью-Йорке в 1946 г.) говорится, что словацкий сейм три раза голосовал "против отделения от чехов" и только под угрозой обстрела Братиславы германской артиллерией, расположенной на другой стороне Дуная, сейм проголосовал за независимость Словакии¹. (Если это так, то не ставит ли это под сомнение утверждение историографии о поддержке словацким народом тогда идеи отторжения от Чехословакии и создания самостоятельной Словакии? Ведь мнением народа по сути никто не интересовался. — В.М.).

хх) Так она стала называться после Мюнхена.

"умиротворения", свойственная западным демократам, была сильно поколеблена, но пока еще не преодолена^{х)}.

Реакция СССР, Англии, Франции и США на случившееся по сути была однозначно негативной, осуждающей агрессию, но по форме — разной.

СССР по существу уже 15 марта выступил с решительным протестом против ликвидации Чехословакии: в газете "Правда" за подписью Обозревателя была опубликована статья "Новый акт агрессии в Центральной Европе". В ней подчеркивалось: "Цель этого очередного агрессивного акта — окончательно ликвидировать чехословацкое государство, раздробить его, превратить в придаток "Третьей империи"... Новый акт агрессии германского фашизма сразу опрокинул послемихенское "равновесие" в Центральной и Юго-Восточной Европе, которым так восхищались лондонские и парижские "миротворцы"... Новый акт агрессии делает и без того напряженное положение в Центральной Европе еще менее устойчивым, еще более чреватым новыми конфликтами и столкновениями"⁴.

18 марта была подготовлена, а 19 марта 1939 г. вручена наркомом иностранных дел СССР (и за его подписью) германскому послу в СССР Ф. Шуленбургу нота (в ответ на германские ноты от 16 и 17 марта 1939 г.), в которой говорилось, что "Советское правительство не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу са-

^{х)} 19 марта нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов писал послу СССР в Англии И.М. Майскому, что хотя чехословацкие события и "встряхнули общественное мнение" как в Англии, так и во Франции, но Чемберлен и Даладье "отнюдь еще не сдались" и "начнут вновь выступать в защиту михенской линии", поскольку упомянутые события "полностью укладываются в рамки любезной им концепции движения Германии на Восток". Э. Бенеш в одной из лекций, прочитанных им в Чикагском университете в феврале — мае 1939 г., говорил: "Следует с большою констатировать, что западно-европейские демократии вообще не понимали о чем идет речь не только во время михенского кризиса, но и весь следующий год до начала войны" — За.

моопределения народов". Отвергая утверждение Германии, что Чехословакия является очагом "постоянных беспокойств и угрозы европейскому миру", что она была нежизнеспособным государством^{х)}, советское руководство заявляло, что Чехословакия после первой мировой войны "была одним из немногих государств, где были действительно обеспечены внутреннее спокойствие и внешняя миролюбивая политика". "При отсутствии какого-либо волеизъявления чешского народа, — говорилось в ноте, — оккупация Чехии германскими войсками и последующие действия германского правительства не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными"⁵.

20 марта газеты "Правда" и "Известия" поместили пространные комментарии к этой ноте, в которых еще раз подчеркивалось, что "берлинский акт", который "не может считаться имеющим законную силу", "свидетельствует о дальнейшем разворачивании второй мировой войны", ведущейся агрессорами "против интересов так называемых демократических государств"⁶.

Советский протест против ликвидации Чехословакии был настолько решителен, что Шуленбург счел необходимым поинтересоваться, какие последствия это может иметь для Германии. Однако ответ на его запрос получен не был, и, по воспоминаниям германского посла, он счел это благоприятным признаком.

Как свидетельствуют современники^{хх)}, и потом не раз подчеркивалось в историографии, советский протест по резкости и решительности формулировок отличался от всех дру-

х) Об этом же говорил и Чемберлен в своем выступлении по радио 15 марта 1939 г.

хх) Так, Б. Эчер, представитель чехословацкой социал-демократии в западной эмиграции, писал: "Этот протест произвел огромное впечатление на народ моей родины, потому что он являлся самым энергичным" — 7. З. Фирлингер, посол ЧСР в СССР, сообщил М. М. Литвинову 23 марта: "...сообщение точки зрения Вашего правительства к происшедшим в Чехословакии событиям найдет самое существенное и восторженное согласие чехословацкого народа" — 8 (сохранена лексика перевода документа. — В. М.).

гих, в частности, и от нот Великобритании и Франции от 18 марта, в которых они также отказывались признать законность действий Германии против Чехословакии. Госсекретарь США С. Уэллс 17 марта заявил, что его страна не намерена признавать акт насилия, совершенный Германией. Нота американского правительства от 20 марта была составлена в том же духе⁹.

Полковник В. Гурбан, чехословацкий посол в Вашингтоне, который после Мюнхена находился здесь на положении частного лица (как и Бенеш в это время), еще днем 15 марта сообщил правительству США, что он остается на посту посла республики и отказывается сдать дипломатические полномочия германским представителям. Вашингтон продолжал признавать Гурбана послом Чехословакии в США. Полномочные представители Чехо-словацкой республики в Париже (Ш. Осуски) и Лондоне (Лисицкий) отказались повиноваться приказам правительства протектората и сохранили свои посты.

Посол Чехо-Словакии в СССР левый социал-демократ З. Фирлингер, будучи принят М. М. Литвиновым 15 марта, в знак протеста против германской агрессии и незаконности действий правительства Гитлера, заявил о том, что он слагает с себя полномочия посла^{х)}. Однако после консультаций с Бенешем, который находился в это время в США, где читал курс лекций в Чикагском университете, Фирлингер отказался от первоначальных намерений и в ноте от 23 марта известил советское правительство о том, что он "счел своим долгом вступить опять в свои обязанности"¹¹.

Поскольку 24 марта Шуленбург разослал всему дипломатическому корпусу в Москве сообщение о прекращении по приказу рейхсканцлера деятельности всех чехословацких представительных учреждений, Фирлингер в тот же день направил главам всех дипломатических миссий свое письмо, в котором включение чешских земель в состав Германской империи и подчине-

^{х)} В ноте на имя М. М. Литвинова З. Фирлингер сообщал: "...я счел нужным ввиду трагических событий в Чехословакии сложить свои полномочия. Согласно моего убеждения занятие германской армией чехословацкой территории осуществлено было путем грубого обмана и шантажа против существующего конституционного порядка и против истинной воли всего чехословацкого народа" - 10.

ние ей Словакии квалифицировались, как насильственный и противоконституционный акт и заявлялось о продолжении функционирования чехословацкого посольства¹².

Москва, несмотря на настояния Шуленбурга передать германской дипломатической миссии функции чехословацкого посольства, не возражала против сохранения последнего, а Фирлингеру продолжали оказываться почести как полномочному представителю дружественного государства. Состав чехословацкого посольства правда резко сократился, что было связано как с материальной стороной его содержания в новых условиях, так и с тем, что многие из служащих не захотели выполнять свои прежние функции и уехали на родину или на Запад¹³.

Советский Союз в ту пору рассматривал Бенеша, и по-праву, как виднейшего политического представителя Чехословакии за границей, хотя его авторитет в стране после Мюнхена резко упал, и он пребывал за границей в качестве частного лица. Положение изменилось после 15 марта, когда Бенеш решил возглавить борьбу за независимость Чехословакии за границей. 16 марта на большом публичном собрании в Чикаго Я. Масарик, ставший впоследствии министром иностранных дел в чехословацком эмигрантском правительстве, зачитал торжественную прокламацию Бенеша, первый публичный манифест политического содержания после его отъезда за границу, в котором декларировалась борьба за реставрацию Чехословацкой республики. Цель борьбы была сформулирована так: "Свободная Чехословакия в свободной Европе". Основным принципом освободительной программы было признание непрерывности (континуитета) правового существования Чехословакии и ликвидация Мюнхенского соглашения¹⁴.

20 апреля 1939 г. Бенеш выступил перед делегацией чехословацкого Национального совета в Чикаго, где изложил главные принципы организации освободительного движения: объединение действий всех, независимо от партийной и социальной принадлежности, а также от вероисповедания, чехословаков (он, как известно, придерживался теории единого чехо-

словацкого народа), направленное на восстановление республики; создание единственного и внутренне единого руководства для этого за границей; решение вопросов будущего устройства свободной республики самим чехословацким народом¹⁵.

В решении этих задач Бенеш рассчитывал как на содействие Запада (США, Великобритании, Франции), хотя его надежды на "мюнхенцев" были невелики, так и на Советский Союз. "Мойм желанием, — сообщал он Фирлингеру в телеграмме в марте 1939 г., — является действовать в полном согласии с Советским Союзом"¹⁶.

Говоря о намерениях и планах Бенеша в ноте от 18 мая 1939 г. на имя заместителя нового народного комиссара иностранных дел СССР (им стал В.М.Молотов) В.П.Потемкина Фирлингер писал, что политика Национального комитета, который намеревался создать Бенеш, "будет основываться на тесном сотрудничестве с Соединенными Штатами, Англией и Францией, и особенно на тесном сотрудничестве с СССР, преобладающее и можно сказать решающее влияние во всех вопросах международного характера, касающихся Чехословакии, всеобщее признание. Д-р Бенеш хочет по всем вопросам консультироваться с правительством СССР и руководствоваться его советами и рекомендациями. (Думается, что тут Фирлингер весьма преувеличивал готовность Бенеша следовать московским "инструкциям", но делал это искренне, в надежде рассеять возможные подозрения советского руководства в отношении исключительно про-зависимой ориентации Бенеша. Последний же, намеревался проводить самостоятельную политику и понимая всю сложность и малую реальность этого в создавшихся условиях, в лучшем случае готов был прислушиваться к рекомендациям Москвы, учитывать позиции Советского Союза, балансируя на схожести интересов и противоречиях Запада и СССР. — В.М.). Поскольку протекторат не признан СССР, д-р Бенеш полагает, что следует придерживаться концепции, что союзнический договор между Чехословакией и Францией и договор между Чехословакией и СССР^{х)} сохраняются в силе. Чехословацкое государство

^{х)} Речь шла о договоре 1935 г.

продолжает считать себя союзником СССР¹⁷. Эта последняя констатация была очень интересна, поскольку свидетельствует, что Бенеш после расчленения Чехословакии, отстаивая принцип ее государственной преемственности, под этим углом зрения рассматривал и вопрос о союзнических отношениях с СССР. Он не хотел "сжигать" с таким трудом "ранее наведенные мосты". От этой позиции Бенеш не отказался и позже, в период, когда СССР, исходя из своих национально-государственных интересов, практически не поддерживал идею самостоятельной Чехословакии (по крайней мере официально). А ведь континуитет союзнических договоров СССР и Чехословакии в годы войны (1941 и 1943 гг.) и в предвоенный период (1935 г.) очевиден, хотя это обстоятельство в "нашей" (советской и чехословацкой) историографии до сих пор обходилось молчанием.

В июне 1939 г., по воспоминаниям Бенеша, он установил контакты с советским послом в Вашингтоне К.А. Уманским, который единственный из полномочных представителей великих держав в США поддерживал с ним связь и информировал о советской политике¹⁸. В установлении этих контактов видимо определенную роль сыграли и соображения Фирлингера, изложенные им в послании Бенешу от 7 мая: "Сегодня для СССР очень много значит сотрудничество с США... Ваша деятельность в США и информация, которую Вы можете дать американцам, весьма ценна и полезна и будет конечно же оценена в Москве по достоинству. Поэтому было бы хорошо, если бы Вы в этом плане могли действовать и если бы в Москве об этом было известно"¹⁹.

Программа Бенеша отвечала тогдашней позиции СССР в чехословацком вопросе, и поэтому, когда в апреле 1939 г. Фирлингер сообщил Народному комиссариату иностранных дел СССР о своем намерении использовать свой отпуск для поездки на Запад^{х)}, он был принят Литвиновым, который просил "передать президенту Бенешу сердечный привет и выразил надежду, что

^{х)} Поездка Фирлингера продолжалась с 16 апреля по 22 июня 1939 г.

еще будет иметь возможность сотрудничать с ним"²⁰. Москва ожидала, вспоминал Фирлингер, что "наше сопротивление будет организовано как можно скорее и будет развиваться одновременно с борьбой против пораженческой мюнхенской политики"²¹. В письме Бенешу от 7 мая 1939 г. Фирлингер писал, что, уезжая из Москвы, он получил "де-факто признание нового нашего сопротивления во главе с Вами"²².

Перед отъездом Фирлингера Всесоюзное общество культурных связей с заграницей устроило прием в его честь, на котором помимо представителей ИКИД СССР присутствовали видные деятели советской культуры (А.Толстой, А.Фадеев, А.Корнейчук и др.), а из чехословацких граждан, находившихся в СССР, проф.З.Неедли и депутат Б.Шмераль, работавший тогда в Исполкоме Коминтерна. Выступавшие на приеме говорили о тесной дружбе Советского Союза и Чехословакии и задачах совместной борьбы против нацистского насилия. "Важное заявление сделал депутат Шмераль, — вспоминал Фирлингер, — который подчеркнул солидарность чехословацкого сопротивления за границей и просил меня сообщить президенту Бенешу о решимости наших соотечественников, живущих в Москве, вести совместную борьбу за освобождение Чехословакии^{х)}". Тогдашнее выступление Шмерала означало весьма ясное желание

^{х)} 7 мая 1939 г. Фирлингер сообщал Бенешу, что проф. Не-едли "присоединяется к акции, руководимой Вами. Одновременно это сделали находящиеся в Москве чешские коммунисты. Шмераль от имени своих товарищей просил меня, чтобы я Вам сообщил, что они все без исключения присоединяются к акции ... Констатирую, что заявление было совершенно искренним и полностью в духе новой политики, проводимой в последнее время СССР. (Вспомним, что в это время активизировались переговоры между СССР, Англией и Францией, а отставка Литвинова еще не всеми воспринималась как начало поворота во внешней политике СССР в сторону сближения с Германией. — В.М.)... Я полностью согласен с Вами, что мы можем рассчитывать на помощь СССР, возможно даже весьма значительную" — 23.

сотрудничать со всеми патристическими элементами нашего народа в борьбе против Гитлера и открывало перспективу совместного национального фронта...»²⁴.

Это заявление представителя КПЧ и ИККИ шло в русле тогдашней политики коммунистов, нацеленной на создание самого широкого национального фронта, включавшего и антифашистскую буржуазию, в борьбе против нацизма. Документы КПЧ того времени не оставляют сомнения в том, что она поддерживала лозунг восстановления независимой, демократической Чехословацкой республики и готова была сотрудничать со всеми, кто ставил перед собой эту цель. В аналогичном духе было составлено и Воззвание КПГ, КПЧ и КПА в июне 1939 г.²⁵.

Советский Союз готов был поддержать деятельность чехословацкой эмиграции, выдвигавшей программу борьбы против фашизма и за освобождение Чехословакии, и на международной арене. Об этом свидетельствует позиция Я.З.Сурица^{х)} в Совете Лиги Наций, председателем которого он в то время являлся. Хотя советские документы на этот счет пока отсутствуют, невозможно представить, что тут Суриц действовал на собственный страх и риск, без согласования своих действий с советским руководством. Открывая заседание Совета в Женеве, Суриц предложил его вниманию протест Бенеша в связи с нацистской агрессией в отношении Чехословакии. Представитель Великобритании Иден возражал против включения этого вопроса в повестку дня, ссылаясь на Устав Лиги Наций и на то, что протест исходит от частного лица и не может обсуждаться. Тогда Суриц заявил о том, что вносит протест от имени СССР, но и тут не получил поддержки участников заседания²⁶.

Советский Союз в ту пору искал связей и с движением сопротивления в оккупированных чешских землях. Сразу после расчленения Чехословакии посольство СССР в ЧСР было преобразовано в Генеральное консульство СССР в Праге^{хх)}. В мае

х) Я.З.Суриц тогда был послом СССР во Франции и по прибытии туда Фирлингера встречался с ним, обещав свою помощь.

хх) Интересно отметить, что немецкая газета "Der Angriff" (16. III. 1939, № 64) сообщила о ликвидации советского посольства в Праге за день до вступления в нее германской армии. — 27. Если это так, то можно предположить, что советское руководство знало о предстоящем акте насилия фашистской Германии над Чехословакией.

1939 г. оно насчитывало 16 сотрудников во главе с В.Яковлевым. Из двух чехословацких подданных, работавших в Генконсульстве СССР, один, К.Беер, видный деятель КПЧ, выполнял обязанности референта печати и переводчика, второй, Ф.Кашпаровский – дворника²⁸. К.Беер, связанный со многими подпольными, и не только коммунистическими, организациями, располагал большой информацией, которая передавалась с диппочтой в Советский Союз. Одновременно через него шли советские информационные материалы нелегальному руководству КПЧ и, что следует из нацистских источников, финансовые средства на подпольную работу партии²⁹.

В Праге работало также Торгпредство СССР (13 человек) во главе с Я.Гендиным³⁰. Экономические связи Советского Союза с протекторатом не прерывались и были довольно активны^{х)}. Так, в июле в Москве были представители заводов Шкода, и Фирлингер вспоминал: "Сотрудничество нашей промышленности с Советским Союзом развивалось обещающе"³². Через представителей деловых кругов устанавливалась связь и с некоммунистическими организациями сопротивления в стране.

Советский Союз тогда поддерживал идею активного сопротивления чехов и словаков нацистскому агрессору^{xx)}, хотя в публичных выступлениях советских государственных и политических деятелей это не находило отражения. Видимо в тот период, когда все яснее обозначалась возможность поворота в отношениях СССР и Германии, советское руководство предпочитало здесь сдержанную позицию. Об этом свидетельствовала и прак-

х) Тема эта может стать предметом самостоятельного исследования. Автор не располагает достаточными материалами, чтобы судить о направлениях и масштабах экономического сотрудничества СССР и протектората, но заслуживает внимания оценка этого сотрудничества генконсулом СССР в Праге, сделанная в декабре 1940 г.: "Торговля чехов с СССР строится на заинтересованности советского хозяйства в получении продукции высокоразвитой чешской индустрии, в частности военной. Со своей стороны СССР продает хлеб, лен и нефтепродукты... После оккупации Чехословакии Германией объем торговли чешской промышленности с СССР сохранился" – 31.

xx) Фирлингер сообщал Бенешу 7 мая 1939 г.: "...наше заграничное сопротивление должно стать бескомпромиссной и решительной борьбой против нынешней Германии... Или мы выйдем на теперешнюю борьбу, или перестанем существовать как народ. Так, но крайней мере видит Москва возможности нашего заграничного сопротивления, и я убежден, что в этом духе найдем мы всегда помощь и поддержку" – 33.

тика НКВД СССР того времени. Так, например, по распоряжению М.М. Литвинова после советской ноты от 18 марта 1939 г. НКВД оставлял без ответа и не выполнял соответствующие просьбы германского посольства по делам граждан протектората, но вместе с тем "не знал" отвечать ли и в какой конкретно форме на ноты чехословацкой миссии в Москве"³⁴.

В этой связи интересна реакция зам.наркома иностранных дел В.П. Потемкина на докладную записку на его имя, составленную 13 июня 1939 г. и.о. 2-м западным отделом НКВД Гайнштейном. "Если с Вашей стороны не будет иного распоряжения, - говорилось в записке, - мы и впредь будем воздерживаться от ответов на ноты, исходящие от германского посольства и касающиеся чехословацких граждан". Резолюция Потемкина, написанная красным карандашом по всему тексту записки, гласила: "Мы сообщили немцам о нашем принципиальном отношении к захвату Чехо-Словакии. Нужно выдерживать эту позицию пока возможно без серьезных затруднений" (подчеркнуто мною. - В.М.)³⁵.

Последняя часть фразы свидетельствовала об эвентуальных изменениях в практике НКВД в связи с изменением обстановки и о двойственности положения чехословацкого посольства в Москве, что к концу лета 1939 г. начал ощущать и Фирлингер. Так, в письме от 27 июня, отправленном своим единомышленникам в Париж, он сообщал, что отношение Советского Союза "к нам продолжает оставаться безусловно положительным", что "освобождение чехословацкого народа остается раз и навсегда одной из целей советской внешней политики", но вместе с тем отмечал, что "непосредственные интересы Советского Союза не допускают открытого выступления за Чехословакию", что это в нынешних условиях не могло бы иметь положительных результатов" и что слухи о намерении Советского Союза в ближайшее время публично выступить за восстановление Чехословакии преждевременны"³⁶.

Позиция СССР по чехословацкому вопросу летом 1939 г. может быть понята только в контексте советской внешнеполитической деятельности той поры, нацеленной, с одной сторо-

ны, на соглашение с западными державами, а с другой (как запасной вариант) – на соглашение с Германией. Неуспех англо-франко-советских переговоров приводил к осторожности СССР в чехословацком вопросе, его надежды на возможность договориться с Западом создавали условия для более решительных высказываний в пользу Чехословакии. Вспоминая о встрече с В.П.Потемкиным 10 августа 1939 г., т.е. накануне переговоров военных делегаций Англии, Франции и Советского Союза, Фирлингер отмечал, что Потемкин "считал оборонительный пакт практически заключенным" и что "поэтому и по отношению к нам исчезла определенная внешняя сдержанность, которую я ощущал незадолго до того". И далее: "Потемкин нам обещал, с одной стороны, определенную и действенную помощь во время всех предстоящих переговоров с западными державами, с другой стороны, обещал также помнить в рамках будущего военного соглашения о военных мероприятиях, касающихся прямо Чехословакии"³⁷.

Однако надежды на успех переговоров не оправдались. Резкое изменение советского внешнеполитического курса, явно обозначившееся к концу второй декады августа 1939 г., повлекло за собой и корректировку позиции СССР в чехословацком вопросе. 18 августа Фирлингер в ответ на вопрос Бенеша об отношении СССР к Словакии уже отвечал: "...трудно на этот вопрос сегодня ответить ясно и определенно. Ситуация меняется каждую секунду"³⁸.

После заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г.^{х)} чехословацкий вопрос для СССР стал частью его новой внешнеполитической стратегии. Подписание пакта произвело шоковое впечатление на чехословацкие эмигрантские круги на Западе и на движение Сопротивления в чешских землях, хотя реакция не была однозначной: удивление и возмущение большинства простых политически неангажированных или маловангажированных людей, взрыв антисоветизма в соответствующем духе настроенных кругах, сдержанное отношение политиков типа Бенеша и поддержка большей части рухо-

^{х)} Интересно отметить, что на немецкой карте Европы, озаглавленной "Один год войны, 1 сентября 1939 г. – 31 августа 1940 г.", над знаком "Москва" подпись: 23.8.1939 г. – подписание советско-немецких пактов о ненападении и консултациях (подчеркнуто – В.М.) – 39.

водства КПЧ (как в стране, так и за рубежом), религиозно верящих в правильность всего, что делается Советским Союзом.

Не касаясь во всем объеме вопроса о реагировании чехословацкой общественностью на заключение пакта⁴⁰, сошлемся лишь на некоторые материалы, которые неизвестны советскому читателю. 21 августа незадолго до полуночи германское радио, прервав свои передачи, сообщило о договоренности между правительствами Германии и СССР заключить пакт о ненападении. 22 августа сообщение об этом было напечатано всей официальной прессой протектората. Цитировалась оценка пакта "Правдой" и "Известиями". "В Праге вокруг киосков, продающих газеты, толпы народа. На улицах собираются группы людей, обсуждающих сообщения газет. Большинство уверяет друг друга, что сообщения газет не отвечают действительности; принимаются чехами с неодобрением" - говорилось в сообщении Генконсульства СССР из Праги⁴¹.

Следует отметить, что немецкие оккупационные власти были заинтересованы в том, чтобы немедленно довести до сведения чешского населения факт заключения советско-германского пакта. Приказ цензуры от 24 августа, учитывая "значение сообщения для международной ситуации, Рейха и Протектората", подчеркивал не только возможность, но и желательность "как можно более скорого опубликования специального выпуска газет о этом сообщении"⁴². И действительно, печать протектората в последнюю декаду августа уделяла этому событию большое внимание, оценивая его в основном как серьезный успех германской внешней политики⁴³. Одобрили заключение пакта и руководители Словацкой республики⁴⁴.

Подпольная газета "Информационная служба национального освобождения", констатируя смутение и переполох, вызванные заключением советско-германского пакта "не только у нас, но и во всем мире", вместе с тем признавала не поддаваться панике и подождать пока будущее покажет, "что этим СССР соб-

⁴¹ Газета прогрессивного направления Сопротивления, в которой печатались и коммунисты.

ственно хотел достичь". Газета призывала не верить нацистской печати, изображающей пакт, как почти союзнический договор, а верить "себе, своему дорого оплаченному опыту", не терять головы и видеть в немецком нацизме "открытого врага Европы номер один"⁴⁵. В специальном приложении к выпуску от 23 августа, посвященном заключению пакта и озаглавленном "Выстрел против Чемберлена", говорилось о необходимости противопоставить фантазиям и дезориентации "холодный анализ фактов в их взаимозависимости" и выражалось убеждение, что дипломатические советско-немецкие переговоры "не дают чехам никакого повода для беспокойства"⁴⁶.

В информации, направленной неизвестным корреспондентом чешской редакции Московского радио 18 сентября 1939 г. из Праги и анализирующей настроение широких народных масс после заключения советско-германского пакта, говорилось: "Заключение этого пакта было бесспорно тяжелым шоком для широких слоев, особенно непролетарских. Среди рабочих уже несколько дней спустя пакт оценивался совершенно разумно, хотя многие и из числа рабочих подпали под влияние геббельсовской пропаганды, которая непрестанно представляла этот пакт как союзнический и постоянно твердила о совместных действиях Берлин - Рим - Москва". Особенно дезориентированы были мелкобуржуазные слои. Следует обратить внимание, отмечал корреспондент, на одно суждение, которое имеет широкое распространение: СССР до сих пор проводил моральную политику, чистую и ясную, а сегодня он этого уже не делает⁴⁷.

В своей книге "Современная война как социальный кризис", вышедшей в Лондоне в 1940 г., Э.Фирлингер^{х)} оценил позицию СССР в августе 1939 г. следующим образом: "Советский Союз счел за правильное перейти к собственной, самостоятельной политике"⁴⁸. Сдержанно, хотя и с оттенком недоумения, оцени-

^{х)} Следует отметить, что судя по главам, посвященным Советскому Союзу, автору свойственна была идеализация советской действительности, искренняя вера в правильность советского внутриполитического курса и оправдание, в частности, политических процессов, как меры, необходимой в интересах безопасности СССР.

вал Фирлингер пакт сразу после его заключения. В своем сообщении Бенешу 26 августа он писал, что "не ожидал столь радикального ответа Москвы на непрестанные проволочки и закулисные переговоры западных держав", что именно поэтому "переговоры зашли в тупик"; и что "обвинять сегодня Москву в предательстве по меньшей мере чрезмерно". В то же время он предполагал, что пакт "вызовет среди наших людей панику", что официальные комментарии советской печати "будут непонятны нашей общественности", поскольку "пакт выглядит внешне как договор о действительной дружбе и политическом сотрудничестве". "Тем не менее, — считал Фирлингер, — мы должны подождать прежде чем сможем судить о его действительном значении и содержании". "Надеюсь, — заканчивалось письмо, — что Вы смотрите на события, как и я, и что не следует оценивать их как трагические. Наоборот, я полагаю, что они могут существенно ускорить европейское развитие"⁴⁹.

Тогда же Фирлингер обратился с запросом в НКВД СССР о возможном влиянии заключения пакта на позиции Советского Союза в чехословацком вопросе, но получил "от сотрудников Наркоминдела уклончивый ответ", хотя внешне отношение к нему как послу ЧСР оставалось пока прежним, и он был официально приглашен на заседание Верховного Совета СССР, ратифицировавшего пакт с Германией⁵⁰.

Нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. несколько приглушило страсти и эмоции, вызванные советско-немецким пактом. В чешских землях и чехословацких эмигрантских кругах ждали дальнейшего развития событий. Объявление Англией и Францией войны Германии, несмотря на всю трагичность международной ситуации, было встречено восторженно чешской общественностью^{х)}, рассчитывавшей, что новая расстановка сил на европейском континенте поможет в решении чехословацкого во-

х) В сообщении Генконсульства СССР о ситуации в Праге от 2 сентября 1939 г. говорилось: "Настроение пока очень хорошее... Можно сказать, что начало войны, принятое с радостью, отодвинуло на второй план шок от советско-немецкого договора" — 51.

проса и в освобождении страны от оккупантов. Бенеш направил 3 сентября 1939 г. телеграммы Чемберлену, Даладье и премьеру Польши Складковскому, где говорилось: "Мы, чехословацкие граждане, считаем, что наша страна находится в состоянии войны с немецкими военными силами. Мы пойдем вместе с Вашим народом до полной победы и освобождения своей родины"⁵² х).

В то же время Словакия выступила в войне на стороне Германии^{хх}): словацкая армия участвовала в военных операциях против Польши и получила благодарность немецкого командования. Следует сказать, что эта война не была популярна среди словацкого народа и не прибавила авторитета (скорее наоборот) клеро-фашистскому руководству Словацкого государства.

Именно в то время, когда разыгралась трагедия Польши, а Советский Союз готовился, согласно секретному протоколу к советско-германскому пакту от 23 августа 1939 г., касающемуся разграничения сфер влияния в Восточной Европе, ввести свои войска на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, в печать просочились сообщения об установлении дипломатических отношений между СССР и Словацкой республикой. Вот как писала об этом словацкая официальная газета "Словенска политика" 17 сентября 1939 г.: "Согласно сообщению официальных учреждений^{ххх}) сегодня, 16 сентября советский посол в Берлине Шкварцев сообщил словацкому послу в Берлине Черняку решение Совнаркома СССР и наркома иностранных дел Молотова о том, что СССР признает Словацкую рес-

х) Чемберлен (от Даладье и Складковского ответа на последовало), поблагодарив Бенеша за выражение симпатий и поддержки, писал в телеграмме 9 сентября, что "мучения чешского народа не были забыты" и что он верит, что "победа принципов, во имя которых мы встали за оружие, высвободит чешский народ из-под чужеземного ярма" - 53.

хх) Свое вступление в войну против Польши словацкое правительство объясняло необходимостью защитить словацкого населения на ее территории и занять своей территории от нападения польских войск, в также необходимостью возврата словацкой территории, захваченной после Мюнхена Польшей - 54.

ххх) Имелось в виду Германское агентство печати.

публику де-юре и де-факто и хочет вступить с ней в дипломатические отношения. Это сообщение имеет для нас большое значение, поскольку до сих пор мы не имели с Россией почти никаких связей"⁵⁵. Приводим эту довольно пространную выдержку из газеты потому, что до сих пор не известны советские документы, касающиеся признания Словакии и установления с ней дипломатических отношений. Не известны и мотивы этого шага, хотя, если рассматривать его в контексте новой внешнеполитической ориентации СССР, эти мотивы достаточно очевидны.

В существующей довольно немногочисленной литературе по этому вопросу в качестве основного аргумента, объясняющего действия СССР, приводилось то, что он не хотел допустить укрепления влияния фашистской Германии в этом марионеточном славянском государстве. Да, это, видимо, было так, и действительно установление дипломатических отношений с Словакией способствовало усилению там влияния СССР и чувства славянской солидарности. Но это было уже вторичным, вытекающим из главного, основного: сближение с Германией, подтверждением чего был и Договор о дружбе и границах от 28 сентября 1939 г., диктовало СССР и новый (по крайней мере внешне) подход к чехословацкому вопросу, который не должен был стать "камнем преткновения" в реализации взятого Советским Союзом курса^{х)}. Руководствуясь своими национально-государственными интересами, как они понимались тогда, СССР отказался де-факто от тех позиций, которые были изложены им в ноте от 18 марта 1939 г., что, конечно, было на руку гитлеровцам.

Не исключено, что здесь имел место и нажим со стороны Германии, но возможно этот шаг был предпринят советским руководством по собственной инициативе в качестве, так

х) "Без всякого сомнения этот шаг СССР был логическим следствием советско-немецкого пакта", — справедливо отмечали чехословацкие историки еще в середине 60-х годов — 56.

сказать, "подарка" вновь приобретенному "другу", чтобы доказать ему свои добрые намерения. Пока это, к сожалению, лишь гипотезы и может быть прояснено лишь на основе изучения соответствующих документов, которые сегодня отсутствуют.

В словацкой официальной печати факт установления дипломатических отношений с СССР был оценен весьма положительно. Большие надежды возлагались на экономическое сотрудничество, поскольку здесь "мы определенно имеем много совместных интересов" и поскольку тем самым можно будет возместить недостаток экономических связей с Англией и Францией⁵⁷. "Наше положение теперь будет еще более прочным, ибо к немецкой защите^{х)} добавились и хорошие отношения с Советской Россией, а немецко-русский пакт будет способствовать улучшению нашего международного положения"⁵⁸, — писала "Словенская политика". С радостью была встречена весть о признании Словакии Советским Союзом и словацкими коммунистами, действовавшими в подполье.

Москва и Братислава готовились обменяться послами^{хх)}. Положение чехословацкого посольства в СССР становилось все более двусмысленным и не отвечающим интересам советской стороны. Однако оно продолжало пока функционировать. Фирлингер надеялся на сохранение status quo^{xxx} хотя его попытки узнать в Наркоминделе что-либо об отношениях Совет-

^{х)} Словакия еще в марте 1939 г. была взята под охрану фашистской Германией.

^{хх)} В одном из документов президиума полицейского управления Братиславы от 19 октября 1939 г. говорилось, что "на этой неделе в Братиславу должен прибыть дипломатический представитель СССР, и местные коммунисты хотят устроить по этому поводу торжественную встречу" — 59.

^{ххх)} 12 октября он писал в Прагу: "Не представляется, что Советский Союз сделает какие-либо уступки Германии в нашем вопросе, хотя немецкие учреждения и немецкая печать стремятся уверить наших в стране, что Москва признала новый политический статут в средней Европе... Я хотел бы во что бы то ни стало сохранить сотрудничество с Советским Союзом, насколько это вообще в нынешних условиях возможно... Я убежден, что чехословацкий вопрос останется в повестке дня советской внешней политики... Германия же постоянно делает попытки, чтобы незаинтересованность советов в нашем

ского Союза со Словакией наталкивались по-прежнему на уклончивые ответы, и явно обозначилась сдержанность НКВД к чехословацкому посольству⁶². Фирлингер все же полагал, что "необходимо выждать, прежде чем мы сможем окончательно судить о советской точке зрения по нашему вопросу" и что следует избегать какой-либо открытой критики и осуждения советской политики и Советского Союза⁶³. Вместе с тем Фирлингер сообщал в Лондон 12 ноября, что не представляет себе, "чтобы это неопределенное положение могло долго сохраняться" х). "... Кампания, которую здешняя печать систематически проводит и которая направлена главным образом против Англии и против каждого, кто - за войну, - писал он тогда же, - создает впечатление, что Советы полны решимости идти по этому пути весьма далеко. Это означает, что и отношение Советского Союза к нашей заграничной акции, основанной на предположении поражения Германии, должно быть тем самым изменено. Кроме того, психологически понятно, что новая политика Советского Союза многими нашими людьми будет пониматься как предательство нашего дела, что может вероятно обострить наши взаимоотношения"⁶⁵.

Фирлингер был прав. Действительно новый внешнеполитический курс Советского Союза, как уже говорилось, принимался далеко не однозначно и в кругах западной чехословацкой эмиграции, и в оккупированных чешских землях. Участились анти-советские выпады, особенно в связи со вступлением Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белорусии,

вопросе была каким-либо образом открыто продемонстрирована⁶⁰. Германия действительно настаивала на ликвидации чехословацкого посольства в Москве, считая, по словам Фирлингера, что общественное мнение расценивает его существование "как доказательство неискренности немецко-советских взаимоотношений" - 61.

х) Следует отметить, что Англия признала Словакию де-факто летом 1939 г., и положение чехословацкого посольства в Лондоне было чрезвычайно неопределенным вплоть до войны, которая решила этот вопрос автоматически - 64.

а также в связи со слухами о признании Словакии со стороны СССР. Однако, думается, не они определяли лицо чехословацкой внешней политики, а точнее политики тех кругов, которые выступали за восстановление Чехословацкой республики и поддерживали Бенеша. К этому времени, несмотря на чрезвычайную пестроту и разномастность чехословацкой западной эмиграции и продолжавшуюся в ее среде борьбу за лидерство, явственно выдвинулась на передний план фигура Бенеша, как политического деятеля, приемлемого для большей части оторванных от идеи единой Чехословакии и способного возглавить движение за реализацию этой идеи.

Главное и принципиально важное положение, из которого он исходил, определяя и в новых условиях свое отношение к Советскому Союзу, состояло в том, что Чехословакия, малое государство в центре Европы, должно иметь хорошие отношения как с Западом, так и с Востоком. Позиция Бенеша была основана на реалистическом и адекватном понимании им жизненно важных государственных и национальных интересов Чехословакии. Он и теперь "не хотел сжигать те мосты", которые были наведены в отношениях с Советским Союзом еще до войны, хотя и понимал, что в сложившихся условиях это будет сделать нелегко.

Эта принципиальная позиция Бенеша зафиксирована и его современниками, знавшими его достаточно хорошо. Так, Б. Локкарт, назначенный английским представителем при Временном чехословацком правительстве в Лондоне летом 1940 г., писал о Бенеше в своих воспоминаниях: "Он был всегда западником и западником остался... Вся политика Бенеша была основана на согласии между англо-американцами и русскими"⁶⁶.

Советский посол в Лондоне И. М. Майский, поддерживавший с Бенешем довольно тесные контакты в течение всей войны, по существу подтверждает эту характеристику: "Бенеш не испытывал большой радости от ориентации на восток. Его душа срослась с западом, но как патриот он не видел для своей страны иного выхода кроме сотрудничества с Востоком. Чтобы обеспечить в будущем самостоятельность Чехословакии, он готов был проглотить и горькую пилюлю советско-чехословацкого сближения"⁶⁷.

Наконец, наиболее ярким свидетельством позиции Бенеша той поры являются послания, направляемые им своим сторонникам в оккупированной стране и в Париж, где находился чехословацкий Временный национальный комитет (сам Бенеш, вернувшись в июле 1939 г. из США, обосновался в Лондоне).

Свое отношение к Советскому Союзу Бенеш, по его словам, всегда рассматривал "под углом зрения общеевропейской политики"⁶⁸. Восстановление Чехословакии — а это было главной и основной целью его деятельности в то время — он связывал с изменением расстановки сил на европейском континенте в результате войны и поражения в ней Германии. Эта мысль особенно четко была сформулирована им в декабре 1940 г.: "Нам война была необходима, и я в этом смысле делал все, чтобы она началась. Я не был подстрекателем войны, но видел, что только путем войны можно уничтожить этих гангстеров и избавиться от всех ужасов, которые они натворили"⁶⁹.

Новый внешнеполитический курс на сближение с Германией, ведущий к ослаблению возможного антигитлеровского фронта, естественно не мог вызвать симпатий Бенеша, поскольку ставил под угрозу успех дела восстановления Чехословакии. Но Бенеш, как прозорливый политик, никогда не верил в искренность советско-германской "дружбы", видя в действиях советского руководства лишь тактический шаг и полагая, что в конечном счете Гитлер не откажется от своей идеи похода на Восток, а Советский Союз окажется в едином с западными державами фронте борьбы против немецкого фашизма^{х)}. Еще в январе 1939 г. Бенеш полагал, что в войне, которую он считал неизбежной, Германия, хотя сначала и будет "сильно выигрывать", но решающую роль сыграют "в конце концов Соединенные Штаты и Россия", а в послании на родину 1 сентября 1939 г. писал: "На слова Гитлера о том, что между Германией

^{х)} Бенеш верил, вспоминая близко знавший его Л. Файерабенд, что "Советский Союз перейдет на сторону союзников и будет воевать вместе с ними. Сталинский договор с Гитлером и другие акции советской политики считал тактическими шагами, чтобы Советы втянули в войну Америку раньше, чем сами вынуждены были бы в нее вступить" — 70.

и Россией вечный мир, не обращайтесь внимания!"⁷¹.

Еще четче мысль о будущем союзе Советской России с западными державами в войне с гитлеризмом выражена в инструкции Бенеша чехословацким посольствам в Москве, Лондоне, Вашингтоне 30 сентября 1939 г.: "Я не думаю, чтобы она (Россия. — В.М.) могла идти действительно вместе с Германией и в конце концов пойдет против нее. Ее соседство с нами, думаю, будет безусловным"⁷².

Последняя фраза была связана с действиями Красной Армии в Западной Украине и Западной Белоруссии. Следует учитывать, что на Западе в это время поднялась огромная волна антисоветских настроений в связи с "разделом Польши", которая не могла не коснуться и Бенеша как человека (его высказываний в узком кругу), но как политик он оценивал эти события аналогично Черчиллю^{х)}, заявившему в речи по радио 1 октября 1939 г.: "Россия проводила холодную политику собственного интереса... То, что русские армии стоят на этой линии, было явно необходимым с точки зрения безопасности России от нацистской угрозы"⁷⁴.

Кроме того, в наступлении Красной Армии на Запад, в том, что новые западные границы СССР оказались в нескольких десятках километров от Словакии, Бенеш усматривал возможность благотворного влияния на решение чехословацкого вопроса. Во время встречи с И.М.Майским 19 сентября 1939 г. он выражал пожелание, "чтобы советские войска дошли до наших границ", подчеркивая, что "мы после этой войны должны быть с Советским Союзом непосредственными и постоянными соседями. Это для нас — поучение Мюнхена"⁷⁵. Позднее И.М.Майский подтвердил эту позицию Бенеша⁷⁶.

Следует сказать, что вступление Красной Армии на территорию сражающейся Польши и установление новой границы СССР, хотя и не вызвало всеобщего одобрения, но приветствовалось достаточно широкими слоями чешского населения, которое свя-

^{х)} Бенеш, помня уроки Мюнхена, по-прежнему не доверял Чемберлену и среди английских политиков ему наиболее близок был именно Черчилль.

зывало с этим надежды на освобождение от немецкой оккупации. "Настроение в Праге, особенно после того, как стала известна демаркационная линия, превосходное, — сообщалось Генконсульством СССР из Праги. — Говорят о первой зоне (наступления на Запад. — В.М.) Сталина, за которой последуют и другие, в том числе и Протекторат"⁷⁷.

Эти настроения были особенно распространены среди чешских рабочих, что явствует, в частности, из приветствий и писем, полученных Генконсульством СССР по случаю 22 годовщины Октябрьской революции. Всего их было 165, в том числе 109 — из Моравской Остравы и 34 — из Праги; остальные — из других чешских городов. Их авторы выражали свои симпатии к СССР, веру в справедливость его политики, надежду на помощь в освобождении от немецкого ярма. В некоторых письмах содержалась просьба "оккупировать Чехословакию Вашими войсками", "присоединить Чехословакию к СССР", оказать помощь "для обеспечения нашей пролетарской революции, которую мы готовим всеми силами", выражалась готовность бороться "за новую советскую Чехословацкую республику"⁷⁸.

Коммунистические листовки той поры составлены примерно в таком же духе. Так, в одной из них, одобряющей "поход Красной Армии в Европу", говорилось, что СССР не мог допустить захвата Гитлером всей Польши и его укрепления на советских границах, что "приближение границ СССР к нам это — сигнал Москвы чехам: мы приближаемся". Вступление Красной Армии в Европу, писали составители листовки, "это лишь начало", "следующие действия будут подобны землетрясению, после которого не останется ни Гитлера, ни Чемберлена, ни Даладье — восстание миллионных масс до сих пор угнетенных европейских народов"⁷⁹.

Ожидание близящейся советской помощи было характерно, видимо, не только для определенных слоев трудящихся в силу их классовой солидарности с первой страной Советов, но и для представителей других слоев населения, в частности, прогрессивно настроенной интеллигенции, офицеров^{79а}.

Оккупанты, уловив это радостно-приподнятое настроение части чешского населения, отдали распоряжение находившейся под

их полным контролем официальной чешской печати, не писать о "русском вопросе" на первых полосах и обойтись без собственных комментариев событий. Были конфискованы некоторые выпуски пражских газет за произвольное освещение этих событий. Оценочные статьи, одобренные немецкой цензурой, писали о том, что "Россия и Германия, отодвинув на второй план идеологические разногласия, вступили на путь сотрудничества в интересах мира", отмечали, что новый советско-германский договор (от 28 сентября 1939 г. - В.М.) "является дальнейшим логическим шагом после пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом"^х).

В то время, как часть чешской общественности одобрительно отнеслась к факту установления новых советских западных границ, палило была и негативная оценка произошедшего. Так, например, некоторые функционеры бывшей социал-демократической партии расценивали это как угрожающее "наступление большевизма в Европе"⁸¹, говорили о том, что "СССР предал борьбу против фашизма", что "диктатуры везде одинаковые" и т.д.⁸². В уже упомянутом письме из Праги на московское радио говорилось о нарастании депрессии в связи с быстрым разгромом гитлеровцами Польши и "удивлении действиями Красной Армии". Сегодня можно грубо разделить население на два лагеря, констатировал корреспондент, представители одного утверждают, что Сталин надул Гитлера, что в конце концов СССР и Германия схлестнутся, что продвижение Красной Армии направлено прежде всего против Гитлера. Этот лагерь, считал неизвестный К.К., составляют рабочие и симпатизирующие^{хх}). Другой лагерь осуждает действия СССР, придерживаясь тезиса об оборонительном характере войны со стороны Англии, Франции и Польши (это мнение, по словам автора, разделяет большинство чешского народа). Главная особенность сегодняшних настроений -

^х) См., например, установочную статью "немецкий и русский народы" в газете "Народный политикан" и передовую "Историческая неха" в газете "Наше зправь" - 80.

^{хх}) Кого тут имел в виду автор, не ясно, то ли симпатизировавших рабочим, то ли Советскому Союзу.

или настроений с момента заключения пакта о ненападении, это — смятение и потеря ясной ориентации, констатирует автор корреспонденции. И хотя он отмечает, что "многое тут исправила небывалая активность компартии", но в то же время подчеркивает наличие большого замешательства в ее рядах и среди рабочих⁸³.

Трудно сказать, какие настроения в чешском обществе тогда преобладали: прозападные или прорусские. Во время массовых демонстраций 28 октября 1939 г. провозглашались лозунги: "Долой Гитлера!", "Да здравствует Бенеш!", "Хотим Сталина!". Наряду с национальным гимном "Где моя родина?" и песней "Гей, славяне" пели "Интернационал" и гимн Советского Союза.

Ясно одно, что симпатии к СССР, подорванные его новым внешнеполитическим курсом, начали снова восстанавливаться, о чем свидетельствовали не только чешские и советские, но и немецкие документы. В одном из них, сообщавшем о подготовке в чешских землях к 21 годовщине создания Чехословакии, говорилось: "Массе чешского народа... свойственна надежда на освобождение к 28 октября, переход протектората к Советскому Союзу, возвращение президента Бенеша"⁸⁴.

"Кредит доверия" к СССР со стороны некоторых слоев населения по классовым мотивам, других — благодаря традиционному чувству славянской взаимности, третьих — в силу полученного в последний год опыта, когда Советский Союз единственный из всех государств выразил готовность оказать помощь Чехословакии в период Мюнхена и выступил с решительным протестом против ее оккупации в марте 1939 г., оказался так велик, что ни советско-германский пакт о ненападении, ни дальнейшее сближение СССР с Германией не могли погасить веру в помощь с Востока.

В Словакии прорусские настроения осенью 1939 г. были весьма сильны и охватывали довольно широкие слои прежде всего трудящегося населения⁸⁵.

Бенеш, который поддерживал постоянную связь с родиной, был хорошо осведомлен о настроениях в стране, но и сам влия-

ял на формирование общественного мнения, излагая в многочисленных посланиях своим сторонникам собственную точку зрения, анализируя ситуацию и давая рекомендации. В своих посланиях осенью 1939 г. Бенеш неизменно подчеркивал необходимость осторожной и взвешенной оценки политики Советского Союза. Так, в секретной политической инструкции, направленной Г. Рипке 10 октября, он писал: "Находясь в войне на стороне Франции, Англии и Польши, мы не можем иметь иные официальные отношения к Советам, чем наши союзники; но мы не связываем себя ни с кем односторонне... Наша позиция остается на линии чехословацкой внешней политики последних лет: лояльность, взаимные симпатии и дружба в надежде, что СССР не сделает ничего, чем мог бы в своей теперешней политике нанести нам вред. Своей внешнеполитической деятельностью мы не хотим ничего такого, что когда-либо и как-либо осложнило бы наше дружественное сотрудничество с СССР. Видимо мы станем его непосредственными соседями. Для сотрудничества мы оставляем дверь открытой"⁸⁶.

Считая, что при проведении политики в отношении Германии "СССР исходит и будет исходить из своих собственных интересов", Бенеш заявил в октябре в беседе с Б. Эчером: "придет момент, когда СССР объявит свою благожелательную позицию в вопросе восстановления нашей республики"⁸⁷.

По словам И. М. Майского, Бенеш, Масарик и некоторые другие руководители тогдашней чехословацкой эмиграции "в своем понимании необходимости союза с СССР были совершенно искренни"⁸⁸. Однако это не мешало им проявлять в данном вопросе и определенную осторожность, сдержанность. Связано это было с тем, что прежде в нашей литературе именовалось "классовой ограниченностью" буржуазного политика, опасавшегося усиления советского влияния на западные страны. И это действительно было так.

Еще до Мюнхена Бенеш признавался: "Я боюсь только двух вещей: войны, а после нее — большевистской революции"⁸⁹. От первого страхи излечился 15 марта 1939 г., когда из ярого противника войны стал ее закланателем во имя возрождения

Чехословакии. Второй же страх стал возрастать в нем по мере того, как мир втягивался в войну, а Коминтерн, повторяя в своей стратегии все изгибы внешнеполитической линии СССР, квалифицировал начавшуюся войну как империалистическую с обеих сторон, и взял курс на выход из нее путем пролетарской революции.

Бенеш полагал тогда, что, если Западная Европа сможет противостоять социальной революции, то условия в странах Центральной и Юго-Восточной Европы таковы, что здесь идея социального переворота найдет благоприятную почву для своей реализации. 1 сентября 1939 г. Бенеш писал на родину: "Я думаю, что они (Советы. — В.М.) неправильно оценивают Западную Европу, как и в 1913 году, когда они ожидали мировую революцию. Западная Европа в социальном и экономическом отношении еще достаточно сильна и социальной революции будет весьма решительно сопротивляться... в то время как Польша, Германия и Центральная Европа находятся в ситуации гораздо более опасной". "То, что Советы ожидают при этом социальный переворот в духе своей политики, очевидно", — отмечал он и советовал своим сторонникам в стране "обратить на это внимание" и "быть готовыми ко всяким возможностям; хаосу" на случай, если Германия потерпит поражение в войне⁹⁰.

По аналогии с первой мировой войной Бенеш полагал, что Германия может стать центром революционного переворота (и в этом, кстати, его представления были сходны с коминтерновскими) и весьма опасался последнего. В одной из бесед начала ноября 1939 г. он пророчески говорил: "Полагаю весьма возможным, что вся Центральная Европа пройдет через большевистское правление, прежде чем опять вернется к демократии"⁹¹.

Следует отметить, что именно осенью 1939 г. были прерваны наметившиеся ранее тенденции к складыванию широкого национального фронта антифашистской борьбы и наметилось противостояние коммунистического и буржуазного крыльев чехословацкого Сопротивления. Англия и Франция обвинялись в этот период советским руководством в агрессивных действиях

против Германии^{х)}; а Бенеш стал оцениваться КПЧ как "агент западных империалистов". В депеше, направленной в страну, за подписью К. Готвальда 14 сентября 1939 г., говорилось, что КПЧ выступает против использования национально-освободительной борьбы чехословацкого народа "в империалистических интересах англо-французского военного блока, как это делают бенешевцы", что "заграничная акция Бенеша находится на службе империалистов и врагов Советов"⁹³.

Именно в ту пору в КПЧ возникли неясности в отношении к вопросу о будущем Чехословацкого государства. Если еще летом 1939 г. необходимость его восстановления не подвергалась сомнению, то осенью 1939 г. этот вопрос не поднимался московским руководством КПЧ, хотя коммунисты в подполье по-прежнему выступали под лозунгами восстановления новой, свободной Чехословацкой республики⁹⁴. В принятом в ноябре 1939 г. совместном Воззвании коммунистических партий Германии, Австрии и Чехословакии о возрождении последней не говорилось ни слова, но выдвигалось требование полного и свободного права "на самоопределение австрийцев, чехов, словаков и поляков"⁹⁵.

В Словакии, где в это время значительные массы населения были охвачены эйфорией в связи с созданием "самостоятельного" государства, большинство коммунистов высказалось против лозунга "За свободную Словакию в свободной Чехословакии и в новой Европе", рекомендованного ранее московским руководством КПЧ. Считая, что этот лозунг в сложившихся условиях не будет поддержан и поэтому "не годится для Словакии", они выдвинули требование борьбы "За свободную Словакию, против немецких оккупантов"⁹⁶. Уже осенью 1939 г. в связи с присоединением Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР и приближением его границ к Словакии стал появляться лозунг "За Советскую Словакию", получивший более широкое распрост-

х) "Самой слабой стороной речи Молотова (31 октября 1939 г. - В.М.) является обвинение Англии в империалистической войне и косвенно в агрессии", - писал Фирлингер на радио 5 ноября 1939 г. - 92.

ранение несколько позднее и осужденный московским руководством КПЧ как сектантский.

В создавшейся ситуации и исходя из внешнеполитического курса СССР и новой линии Коминтерна, КПЧ решила отказаться от лозунга восстановления Чехословацкой республики, что несколько позднее, в марте 1940 г. и было сформулировано в депеше, направленной К. Готвальдом в страну. "Наши предвоенные лозунги следует изменить, — говорилось в депеше. — Лозунг "восстановления Чехословакии" сегодня скрывает империалистические и антисоветские планы. Национальный вопрос сегодня стоит иначе, сводится к проблеме чехов и словаков. Мы решительно подчеркиваем, что для нашей партии действителен лозунг о полном праве на самоопределение для чехов и для словаков. Право на самоопределение означает право на самостоятельное государственное существование. Для чехов — бороться за восстановление национальной и государственной свободы. Для словаков — бороться за полный суверенитет внешнего Словацкого государства. Борьбой за право наций на самоопределение отличается наш путь от пути мирового империализма и Бенеша... Поэтому следует отказаться от старых лозунгов в отношении Словакии. Словацкое государство — реальная основа для борьбы за полную свободу словаков. Будущие отношения между чешским и словацким государствами являются вопросом самоопределения обоих народов и зависят от военных событий (и результатов — дописал Г. Дмитриев)"⁹⁷.

Естественно, такая позиция для Бенеша, который, как уже говорилось, видел смысл своей тогдашней политики в воссоздании Чехословакии, не была приемлема и не могла содействовать ни улучшению отношений между нем и коммунистами, ни уменьшению настороженности (взвешен со всем остальным) в отношении к Советскому Союзу.

Надежды на сохранение в Москве чехословацкого посольства в создавшихся условиях становились все более иллюзорными. Попытки Фирлингера через бывшего советского посла в Чехословакии Александрова, который в это время снова стал работать в Наркоминделе, довести до сведения "компетентных

мест" свое мнение о "нежелательности психологического воздействия признания Словакии" и "о нашем глубоком разочаровании" успеха не имели⁹⁸.

1 декабря 1939 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление об открытии Полпредства СССР в Словакии и утверждении его штатов⁹⁹. Интересы Советского Союза в Словакии представлял Г.М. Пушкин. "Следует допустить, - считал Фирлингер, - что с направлением посла в Братиславу Москва получила ценную позицию для своего влияния на развитие за Карпатами"¹⁰⁰. Позднее, анализируя этот шаг советского руководства, он писал Бенешу: "Признание словацкого тисовского правительства Союзом является составной частью его общей политики. Москва никогда не связывала свои руки какими-либо формальными и сентиментальными соображениями. Признав сегодняшнюю "самостоятельную Словакию", Союз намерен в подходящий момент занять место немецкого протектората..."¹⁰¹

2 декабря 1939 г. Шуленбург сообщил Министерству иностранных дел Германии, что "Советское правительство не рассматривает уже Фирлингера как официальное лицо"¹⁰². 11 декабря в Москву прибыл словацкий посол Ф. Тисо (брат президента Словацкой республики М. Тисо), а три дня спустя зав. протокольным отделом НКВД СССР сообщил Фирлингеру, что советское правительство далее не может признавать его дипломатические функции, но что он и его сотрудники с семьями могут остаться в Москве на положении частных лиц¹⁰³.

Фирлингер выразил надежду, что "намерение Советского правительства ликвидировать наше посольство не может означать признание протектората, поскольку это противоречило бы советской ноте от 18 марта 1939 г." Он отправил телеграмму Бенешу с случившемся, но, не дождавшись ответа, через пять дней сообщил НКВД, что "решил пока покинуть Москву в надежде, что мне разрешено будет возвратиться, как только это позволят обстоятельства". Поскольку Фирлингеру было отказано в приеме у наркома иностранных дел или у какого-либо иного официального лица, он вынужден был изложить принятое им решение в частном письме на имя В.П. Потемкина, передав его в протоколь-

ный отдел НКВД. В письме Фирлингер сообщал, что считает свое "пребывание в Москве при данных обстоятельствах нецелесообразным" и что "за границей может быть более полезен своей родине и нашей дружбе с СССР"¹⁰⁴.

Бенеш, не оставлявший надежду на восстановление с Советским Союзом официальных отношений в подходящее, возможно ближайшее время, в своей ответной телеграмме просил Фирлингера остаться в Москве в качестве частного лица¹⁰⁵, но к тому времени Фирлингер уже сделал свое заявление^{х)}, 25 декабря он отбыл из Советского Союза.

Ликвидация чехословацкого посольства в Москве наносила чувствительный удар по планам Бенеша, связанным с восстановлением Чехословакии, поэтому он расценивал этот шаг советского правительства как "еще одно удручающее событие"¹⁰⁷.

Г.Рипка говорил о том, что чехословацкая эмиграция тяжело его переживала. Е.Таборский записал в своем дневнике: "Это - болезненный удар. У нас в стране это несомненно вызовет сильную депрессию"¹⁰⁸.

И действительно, происшедшее не могло содействовать росту прорусских, просоветских настроений в оккупированных чешских землях. Так, подпольная газета "В бой", сообщившая в резких тонах о случившемся, расценивала это как признание Советским Союзом оккупации Чехословакии¹⁰⁹.

Однако не все смотрели на вещи так пессимистично. И прежде всего сам Фирлингер не считал, что ликвидация посольства не должна "рассматриваться, как советское признание нынешней ситуации в Центральной Европе, создавшейся в результате немецкой агрессии, и так называемого протектората". Он полагал, что с "изменением международной обстановки содержание этой ноты (от 18 марта 1939 г. - В.М.) может стать для нас

х) Подпольная коммунистическая печать, ведшая тогда пропагандистскую кампанию против Бенеша и подчеркивавшая его антисоветизм, сообщала: "Бенеш распорядился, чтобы посол Фирлингер отбыл из Москвы. Господа, таким образом, прерывают отношения с Москвой" - 106.

опять актуальным" ¹¹⁰. Примерно также оценивал ситуацию дипломат и публицист, в прошлом член руководства Общества экономических и культурных связей с СССР К.Б.Палковский: "...русский народ весьма симпатизирует нам... в этом не меняет ничего какой-либо официальный шаг против посла Фирлингера" ¹¹¹.

Однако в целом охлаждение в отношении к Советскому Союзу было налицо. Это было связано не только с ликвидируемым чехословацким посольством в Москве, но и начавшейся советско-финской войной, которую значительная часть чешской общественности расценивала как несправедливую со стороны Советского Союза. Зима 1939-1940 гг. были в истории советско-чехословацких отношений периода второй мировой войны наиболее сложным временем.

Примечания

1. Изложение книги И. Роучека см.: ЦПОА СССР, ф.1699.
2. Protokol o schůzi ministerske rady 15.03.1939 o 3 bod. kapli - Dějiny a současnost, 1969, N 3, s.1-2
3. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений, т.4, кн.1. М., 1981, с.14.
- 3a. Beneš E. Demokracie dnes a zítra, sv.1. Londýn, s.64
4. Правда, 15 марта 1939 г.
5. Документы и материалы... т.3. М., 1978, с.607-608.
6. Там же, т.4, кн.1, с.15-20.
7. АВП СССР, ф.138, оп.1, папка 1, д.4, л.74.
8. АВП СССР, ф.138, оп.19, папка 33, д.3, л.50-51.
9. АВП СССР, ф.138, оп.23, папка 36, д.3, л.19.
10. АВП СССР, ф.138, оп.19, папка 33, д.3, л.49.
11. Там же, л.51.
12. Fierlinger Z. Ve službach ČSR, díl 1. Praha, 1947, s.206
13. Ibid., s.207, АВП СССР, ф.138, оп.19, папка 33, д.2, л.3a; д.3, л.53, 58, 61.
14. АВП СССР, ф.138, оп.23, папка 36, д.3, л.21.
15. Там же, л.32.
16. Fierlinger Z. Ve službach ČSR, s.205
17. Ibid., s.225
18. Beneš E. Paměti. Praha, 1947, s.196
19. Fierlinger Z. Ve službach ČSR, s.220
20. АВП СССР, ф.138, оп.19, папка 33, д.3, л.50, 64.
21. Ibid., s.208
22. Fierlinger Z. Ve službach ČSR, s.209

23. Ibid., s. 219
24. Ibid., s. 210
25. Za svobodu českého a slovenského národa. Sbíd-ov. Bratislava 1956, s.65,71
26. Fierlinger Z. Ve službach ČSR, s. 222
27. ЦГОА СССР, коллекция немецких документов.
28. АВП СССР, ф.138, оп.16а, папка 34, д.1, л.6.
29. Gebhart J., Koutek J., Kuklik J. Na frontách tajné války. Praha, 1989, s. 203
30. АВП СССР, ф.138, оп.16а, папка 34, д.1, л.7.
31. АВП СССР, ф.138в, оп.1, папка 1, д.3, л.100-101.
32. Fierlinger Z. Ve službach ČSR, s. 241
33. Ibid., s. 217
34. АВП СССР, ф.138, оп.16, папка 33, д.1, л.10-11.
35. Там же, л.9.
36. Fierlinger Z. Ve službach ČSR, s.242
37. Ibid., s. 275
38. Ibid., s. 271
39. ЦГОА СССР, коллекция немецких документов.
40. См. подробнее: Janaček F., Novotný J., Hájková A. Pakt,válka a KSC(První týden po 23 srpnu a 1.4.1939) // Historie a Vojenství, 1962, N 3 ; Марыина В.В. Советско-германский пакт о ненападении и начало второй мировой войны в оценке чешской общественности. Сб.: Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989.
41. АВП СССР, ф.138, оп.19, папка 33, д.5, л.4-5.
42. Там же, л.48.
43. Там же, л.2-7.
44. Там же, л.8.
45. Informační služba národního osvobození č.14. Uzavěrka 23.8.39 (АВП СССР, ф.138, оп.19, папка 34, д.6, л.27, 82).
46. Informační služba národního osvobození. Zvláštní příloha k č.14 Praha. 23.8.1939 (Там же, л.84)
47. АВП СССР, ф.138, оп.19, папка 34, д.6, л.72.
48. АВП СССР, ф.138, оп.21, папка 34, д.3, л.23.
49. Fierlinger Z. Ve službach ČSR, s. 279-283
50. Ibid., s. 283
51. АВП СССР, ф.138, оп.19, папка 33, д.5, л.31.
52. Beneš E. Sestlet exilu a války. Reči, projevy a dokumenty z r. 1938-1945. Praha, 1946, s. 435
53. Ibidem
54. См.: "Slovak"., 9.09.1939 (АВП СССР, ф.138, оп.19, папка 33, д.5, л.27).
55. См.: "Slovenska politika", 17.09.1939 ; (АВП СССР, ф.138, оп.19, папка 33, д.5, л.70).
56. Dějinná krizovátka. Slovenské národné povstání, předpoklady a výsledky. Praha, 1964, s. 62
57. См.: "Slovenska politika", 17.09. 1939 ; (АВП СССР, ф.138, оп.19, папка 33, д.5, л.70).
58. "Slovenska politika", 19.09. 1939 ; (Там же, л.28).
59. Документы и материалы..., т.4, кн.1, с.49.
60. Fierlinger Z. Ve službach ČSR, s. 295-296

61. Ibid., s. 303
62. Ibid., s. 297-298, 303
63. Ibid., s. 298, 305
64. Křen J. V emigraci. Západoí zahraniční odboj. 1939 - 1940. Praha, 1969, s. 490
65. Fierlinger Z. Ve službach CSP, s. 303-304
66. Цит. по: Křen J. V emigraci, s. 502
67. Ibid., s. 503
68. Beneš E. Paměti, s. 10
69. Dokumenty z historie československé politiky. 1939 - 1943, díl 2. Praha, 1966, s. 595
70. Цит. по: Křen J. V emigraci, s. 509
71. Ibid., s. 501, 506
72. Ibid., s. 509
73. Beneš E. Paměti, s. 206, 357, 364-365
74. Майский И.М. Воспоминания советского посла. Война 1939-1943. М., 1965, с. 33.
75. Beneš E. Paměti, s. 207
76. См. воспоминания И.М. Майского, опубликованные в "Kulturní tvorba", č. 26, 1.07. (Křen J. V emigraci, s. 505)
77. АВП СССР, ф. 138, оп. 19, папка 33, л. 5, л. 40.
78. АВП СССР, ф. 133в, оп. 1, папка 1, л. 2, л. 59-65.
79. ЦГАОА СССР, коллекция немецких документов.
- 79а. АВП СССР, ф. 138, оп. 19, папка 33, л. 5, л. 40.
80. "Národní politika", 29.09.1939; "Naše zpravy", 4.10.39 (АВП СССР, ф. 138, оп. 19, папка 33, л. 5, л. 72)
81. Там же, л. 40.
82. Z počátku odboje. 1938-1941. Praha, 1969, s. 101
83. АВП СССР, ф. 138, оп. 19, папка 34, л. 6, л. 72.
84. Z počátku odboje, s. 498
85. Dějinná křížovatka, s. 62-65
86. Цит. по: Křen J. Dr. Beneš za války. / Československý časopis historický, 1965, N 6, s. 808
87. АВП СССР, ф. 138в, оп. 1, папка 1, л. 2, л. 82-83.
88. См.: Křen J. V emigraci, s. 509
89. Thorne Ch. The Approach of war. 1938-1939. L., 1967, p. 69
90. Цит. по: Křen J. V emigraci, s. 506
91. Ibid., s. 512
92. Fierlinger Z. Ve službach CSR, s. 301
93. Depeše mezi Prahou a Moskvou. 1939-1941. / Příspěvky k dějinám KSČ, 1967, N 3, s. 392-393
94. Rudé právo. 1939-1945. Praha, 1971, s. 29, 33, 38, 39
95. Ibid., s. 65-66
96. Dějinná křížovatka, s. 32-34
97. Depeše..., s. 412-413
98. Fierlinger Z. Ve službach CSR, s. 309
99. ЦГАОР СССР, ф. 546, оп. 42, с. 2. II, л. 230.
100. Fierlinger Z. Ve službach CSR, s. 309
101. Цит. по: Dějinná křížovatka, s. 63
102. См.: Křen J. V emigraci, s. 491
103. Fierlinger Z. Ve službach CSR, s. 319
104. Ibid., s. 313-314

105. Kfen J. V emigraci, s. 492
106. Rudé právo. 1939-1945, s. 67
107. Beneš E. Paměti, s. 221
108. Kfen J. V emigraci, s. 507
109. Odboj a revoluce. Zprávy. 1969, N 1, s. 79
110. Fierlinger Z. Od Mnichova po Košce. Praha, 1946, s. 55-56
III. Цит. по: Kfen J. V emigraci, s. 507

М. И. СЕМИРЯГА

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА (1939-1940)
В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Попытки подменить подлинную картину этого сложного в политическом плане конфликта между великим Советским Союзом и его малой соседкой Финляндией рассуждениями о виновности только одной из сторон предпринимались и предпринимается не только за рубежом.

Конфликт назревал исподволь. На протяжении двух десятилетий между СССР и Финляндией существовало взаимное недоверие. Если Финляндия опасалась возможных великодержавных устремлений со стороны Сталина, действия которого как диктатора нередко были непредсказуемы, то советское руководство не без оснований было озабочено крепнувшими связями Хельсинки с Лондоном, Парижем и Берлином. Вот почему для обеспечения безопасности Ленинграда в ходе переговоров, состоявшихся с 1937 г. по ноябрь 1939 г., Советский Союз предлагал Финляндии различные варианты. Вследствие того, что правительство Финляндии не считало возможным принимать эти предложения, советское руководство проявило инициативу решения спорного вопроса силовым способом, с помощью оружия.

Боевые действия в первый период войны протекали для советской стороны неблагоприятно. Расчет на скоротечность достижения цели малыми силами не увенчался успехом. Финские войска, опираясь на укрепленную линию Маннергейма, применяя разнообразные тактические приемы и умело используя условия местности, вынудили советское командование сосредоточить более крупные силы и в феврале 1940 г. предпринять генеральное наступление, которое и привело к победе и зак-

лючению мира 12 марта 1940 г.

Длительная 105 дней война была тяжелой для обеих сторон. Советские воины, выполняя приказы командования, в трудных условиях снежной зимы и бездорожья проявляли массовый героизм. Конечно же, следует проводить четкую разделительную линию между несправедливыми целями, которые преследовал Сталин и его окружение в этой войне, и героизмом советских воинов на поле брани, которые повиновались приказам командования и добросовестно выполняли свой воинский долг.

В ходе войны как Финляндия, так и Советский Союз, добились достижения своих целей не только боевыми действиями войск, но и политическими средствами, которые, как оказалось, не только не ослабили взаимную нетерпимость, но, наоборот, обострили ее.

Политический характер советско-финляндской войны не укладывается в обычную классификацию, ограниченную этическими рамками понятий о "справедливой" или "несправедливой" войне. Она была несправедливой для обеих сторон и несправедливой преимущественно с нашей стороны. Нельзя не согласиться в этом отношении с высказываниями таких видных государственных деятелей Финляндии, как президенты Ю.Паасикиви и У.Кекконен, что вина Финляндии состояла в ее неуступчивости в ходе предвоенных переговоров с Советским Союзом, а вина этого последнего в том, что он, не используя до конца политические методы, отдал приоритет военному решению спора.

Финские, западноевропейские и частично советские историки за истекшее 50-летие исследовали ряд сторон этой войны. Однако вне поля их внимания, к сожалению, оставалась проблема, как этот конфликт вписывался в нормы международного права.

Необходимо начать с констатации того факта, что эта война проходила в такой сложившейся в регионе от Баренцева до Черного морей обстановке, которая предопределялась секретным протоколом, приложенным к советско-германскому договору о ненападении 23 августа 1939 г. В этом протоколе было сказано, что в случае территориально-политических изменений в

областях, принадлежащих Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве, считать северную границу Литвы границей государственных интересов Германии¹. Это означало, что секретный протокол уже заранее запрограммировал в Финляндии определенные "территориально-политические изменения" в пользу Советского Союза. Реализовать свои "права" в Эстонии, Латвии и Литве советскому руководству удалось путем двусторонних договоров. В Финляндии же, объявившей в начале сентября 1939 г. свою приверженность к полному нейтралитету и несогласной с планами создания советских военных баз на своей территории, Сталин, нарушив этот нейтралитет, применил военную силу.

Таким образом, советская акция, предопределенная документом Советского Союза и Германии, являющимся вопиющим нарушением норм международного права, не может иметь правового характера. Не составляет особого труда сделать вывод, что без предварительного согласия Германии, изложенного в названном протоколе, соблюдать свою незаинтересованность в регионе Балтики, ни советских военных баз в Эстонии, Латвии и Литве, ни советско-финляндской войны могло бы и не быть.

Неправомерные действия советского руководства состоят и в том, что советские войска без объявления войны на широком фронте перешедшие границу, нарушили советско-финляндский мирный договор 1920 г. и договор о ненападении 1932 г., продленный в 1934 г. Советское правительство нарушило также собственную конвенцию (т.н. "договор Литвинова"), заключенную с соседними государствами в июле 1933 г. К этому документу присоединилась тогда и Финляндия. В нем определялось понятие агрессии и четко отмечалось, что никакими соображениями политического, военного, экономического или какого-либо другого характера нельзя будет обосновывать или оправдывать угрозы, блокаду или нападение на другое государство-участника.

Подписывая названные документы, советское правительство не допускало, что сама Финляндия могла совершить агрессию против своего великого соседа. Оно опасалось лишь того, что ее территория может быть использована третьими стра-

нами в антисоветских целях. Но поскольку подобное условие не было оговорено в этих документах, то, стало быть, договаривавшиеся стороны не признавали его возможность и им надо было уважать букву и двух указанных договоренностей.

Конечно, одностороннее сближение Финляндии с западными странами и особенно с Германией обременяло советско-финляндские отношения. Послевоенный президент Финляндии У.Кекконен это сотрудничество считал логическим последствием внешнеполитических устремлений в первые десятилетия независимости Финляндии. Общим отправным моментом этих устремлений, как считали в Хельсинки, была угроза с Востока. Поэтому Финляндия стремилась обеспечить поддержку других стран в кризисных ситуациях. Она тщательно оберегала образ "форпоста Запада" и избегала двустороннего урегулирования спорных проблем со своим восточным соседом².

В силу этих обстоятельств советское правительство допускало возможность военного конфликта с Финляндией еще с весны 1936 г. Именно тогда было принято постановление СНК СССР о переселении гражданского населения (речь шла о 3400 хозяйствах) с Карельского перешейка для строительства здесь полигонов и других военных объектов. В течение 1938 г. Генштаб по крайней мере трижды ставил вопрос о передаче военному ведомству лесного массива на Карельском перешейке для оборонного строительства. 13 сентября 1939 г. нарком обороны Ворошилов специально обратился к председателю Экономсовета при СНК СССР Молотову с предложением об активизации этих работ³. Тогда же предпринимались дипломатические меры, чтобы предотвратить военные столкновения. Так, в феврале 1937 г. состоялось первое посещение Москвы министром иностранных дел Финляндии со времени обретения ею независимости Р.Холсти. В сообщении о его беседах с наркомом иностранных дел СССР М.М.Литвиновым говорилось, "что в рамках существующих советско-финляндских соглашений имеется возможность бесперерывно развивать и укреплять дружественные добрососедские отношения между обоими государствами и что к этому стремятся и будут стремиться оба правительства"⁴.

Но прошел год и в апреле 1938 г. советское правительство сочло своевременным предложить правительству Финляндии провести переговоры относительно совместной выработки мер по укреплению безопасности морских и сухопутных подступов к Ленинграду и границ Финляндии и заключению с этой целью договора о взаимопомощи⁵. Переговоры, продолжавшиеся несколько месяцев, оказались безрезультатными. Финляндия это предложение отвергла, так как его принятие означало бы "нарушение права Финляндии на самоопределение".

Таково было понимание проблемы со стороны Финляндии, и ее решение как суверенного государства Советский Союз должен был бы уважать. Тем не менее и с начала 1939 г. он продолжал прилагать настойчивые усилия к тому, чтобы склонить Финляндию к уступкам. В начале марта М.М.Литвинов внес новое предложение - сдать Советскому Союзу в аренду на 30 лет несколько островов в финском заливе. (Для сооружения на них наблюдательных пунктов). Ответ из Хельсинки был отрицательным. Последовавшее вскоре новое советское предложение обменять эти острова на советскую территорию в Карелии севернее Ладожского озера также не привлекло внимания финнов.

Вскоре для неофициальных переговоров по поручению советского правительства в Хельсинки прибыл Б.Е.Штейн. Он привез принципиально новое советское предложение, состоявшее в следующем: Финляндия уступает Советскому Союзу определенную территорию на Карельском перешейке, получая взамен большую советскую территорию и компенсацию финансовых расходов по переселению финских граждан с уступаемой территории. Ответ финской стороны был отрицательным с тем же обоснованием - суверенитет и нейтралитет Финляндии.

Подобная настойчивость советского руководства вызывала в Хельсинки естественную подозрительность относительно его намерений и соответствующую реакцию, которая выражалась в осуществлении определенных оборонительных мер. Было усилено военное строительство, проводились учения, на которых присутствовал начальник генштаба сухопутных войск Германии генерал Ф.Гальдер, войска получали новые образцы вооружения

и боевой техники.

Очевидно, именно эти меры дали повод командующему войсками Ленинградского военного округа К.А.Мерецкову утверждать, что финские войска с самого начала, якобы, имели наступательную задачу на Карельском перешейке с целью измотать советские войска, затем ударить по Ленинграду⁶.

Создается впечатление, что высшее советское политическое и военное руководство в то время еще не имело ясного представления о позиции Финляндии. Если Сталин и Молотов твердили о том, что их беспокоит не столько сама Финляндия, сколько то, что ее как антисоветский плацдарм могут использовать западные державы, то Мерецков оценивал обстановку более резко и прямолинейно. При подобной оценке было бы бессмысленно искать политические пути решения проблемы.

Как вспоминает Мерецков, в конце июня 1939 г. он присутствовал при разговоре Сталина с О.В.Куусиненом. Обсуждалась обстановка в Финляндии и различные варианты наших действий⁷. Главный военный совет по предложению Сталина поручил Мерецкову спланировать действия войск округа на случай военного нападения. Во второй половине июля 1939 г. план был рассмотрен в Москве и одобрен (задача советских войск официально состояла в том, чтобы сковать силы противника, а затем нанести решительный контрудар). Не исключено, что тогда же у Сталина и Куусинена возникла идея и создания "временного народного правительства Финляндской Демократической Республики" как политического средства давления на Финляндию в дополнении к главному — военному.

Утверждение Молотова, высказанное на 6-й сессии Верховного Совета Союза СССР 29 марта 1940 г. о том, что "Финляндия, и прежде всего Карельский перешеек, была уже к 1939 году превращена в готовый военный плацдарм для третьих держав для нападения на Советский Союз, для нападения на Ленинград", не подтверждается убедительными фактами. Если под "третьей державой" имеется в виду Германия, то тогда она еще не была готова к серьезному военному конфликту с Советским Союзом.

Судя по той же речи Молотова, в которой было сказано,

что "Советский Союз не захотел стать пособником Англии и Франции в проведении этой империалистической политики против Германии"⁸, очевидно, речь могла идти только об Англии и Франции. Если это так, то подобных планов к этому времени ни в Лондоне, ни в Париже вообще не было. Тем более они не имели возможности воспользоваться "плацдармом" в Финляндии позже, когда были заняты войной в Западной Европе.

Как свидетельствуют факты, приводимые командованием советских пограничных войск, в первой половине 1939 г. обстановка на советско-финляндской границе была хотя и напряженной, но относительно спокойной. Имели место одиночные нарушения границы, но крупных, а тем более вооруженных инцидентов здесь не отмечалось⁹.

Тем не менее советское правительство продолжало принимать меры по усилению пограничных войск на северо-западном направлении. Так, еще в марте 1939 г. Ленинградский округ пограничных войск НКВД был разукрупнен на три округа - Мурманский, Карольский и Ленинградский¹⁰. К началу боевых действий они были укомплектованы личным составом с превышением на 127 - 129 %. Непосредственная подготовка пограничных войск к боевым действиям началась уже с 10 октября, т.е. до начала последних переговоров делегаций обеих стран. А приказ Сестрорецкому пограничному отряду о возможном переходе границы был отдан 25 октября, но без указания дня и часа выполнения задания¹¹.

Подобная неопределенность в советско-финляндских отношениях продолжалась до конца августа 1939 г., когда, как указывалось выше, место Финляндии было предопределено в "сфере интересов" Советского Союза.

Еще в ходе боевых действий в Польше директивами наркома обороны К.Е.Ворошилова и начальника Генерального штаба Б.М.Шапошникова от 11 и 14 сентября 1939 г. военному совету Ленинградского военного округа было приказано произвести сосредоточение войск на случай войны с Финляндией. Авиация была рассредоточена на полевые аэродромы в полной боевой готовности. Тогда же в оперативное подчинение командующего

ЛВО поступила 7-я армия. В составе округа была сформирована Мурманская оперативная группа, которая с 15 ноября была переименована в 14-ю армию¹².

12 октября 1939 г. в новой ситуации, в которой ни Англия и Франция, ни Германия, занятые войной, не могли оказывать поддержки Финляндии, начался еще один тур советско-финляндских переговоров. Они состоялись в Москве. Как и прежде, финляндскую делегацию возглавлял Паасикиви, но на втором этапе в состав делегации был включен министр финансов Таннер. В Хельсинки тогда ходили слухи, что социал-демократ Таннер был знаком со Сталиным еще с дореволюционного времени в Хельсинки и даже однажды оказал ему денежную услугу¹³.

В ходе переговоров Сталин и Молотов сняли свое прежнее предложение об аренде островов в Финском заливе, но предложили финнам отодвинуть границу на несколько десятков километров от Ленинграда и арендовать для создания военно-морской базы полуостров Ханко, уступив Финляндии вдвое большую территорию в Советской Карелии.

Развернутый анализ сложившихся к тому времени советско-финляндских отношений впервые публично дал Молотов на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 г., когда переговоры еще продолжались. Он определил их как отношения, находящиеся в особом положении, потому что Финляндия испытывает внешние влияния, что вызывает озабоченность по поводу безопасности Советского Союза и особенно Ленинграда. Вопрос, стоявшие в переговорах с Финляндией, заявил Молотов, те же, которые стояли в переговорах с Эстонией. Он отверг утверждения зарубежной прессы, будто Советский Союз требует себе г. Вильпури (Виборг) и территории, лежащую севернее Ладожского озера. Далее Молотов изложил ход переговоров с финляндской делегацией, отметив, что Советский Союз предложил Финляндии "заключить советско-финский пакт о взаимопомощи примерно по типу наших пактов взаимопомощи с другими прибалтийскими государствами"¹⁴.

Молотов выразил готовность идти навстречу пожеланиям Финляндии и призвал ее не поддаваться антисоветскому давлению.

нию и подстрекательству извне. В связи с этим он подверг критике заявление президента США Ф.Рузвельта, который в письме к М.И.Калинину "выразил надежду на сохранение и развитие дружельюбных и мирных отношений между СССР и Финляндией". Молотов назвал это заявление вмешательством в наши дела и порекомендовал американскому президенту лучше предоставить свободу и независимость Филиппинам и Кубе¹⁵.

Новый тур советско-финляндских переговоров 13 ноября был снова прерван. Финляндия не согласилась на предложения советской стороны продать или обменять район Ханко или создать военные базы на соседних с ним островах, или передвинуть границу на Карельском перешейке.

О какой нормальной атмосфере ведения переговоров могла идти речь, если сотни эшелонов с войсками и боевой техникой двигались в сторону Ленинграда. Разумеется, все это не оставалось незамеченным со стороны финнов.

Именно тогда Сталин произнес зловещие слова: "Нам придется воевать с Финляндией", что фактически исключало дальнейшие усилия для поисков политического решения спорных вопросов.

В последние дни ноября 1939 г. практически в ультимативной форме советское правительство предложило правительству Финляндии в одностороннем порядке отвести свои войска от границы на 20-25 километров. Вполне естественным явилось встречное предложение финской стороны, чтобы советские войска также отошли на такое же расстояние, так как финны имели неменьшие оснований не доверять Сталину, чем ему - не доверять правительству в Хельсинки. Таким образом, общее расстояние между отошедшими финскими войсками и Ленинградом увеличилось бы вдвое.

Вместо того, чтобы принять это разумное предложение финнов в качестве первого шага для возможных новых компромиссов, советское правительство расценило его как "отражающее глубокую враждебность правительства Финляндии к Советскому Союзу"¹⁶ и заявило, что предложение финнов об отводе советских войск к окраинам Ленинграда является абсурдным.

Анализ советско-финляндских переговоров с 1937 по конец ноября 1939 г. позволяет сделать вывод, что советские предложения, направленные на обеспечение безопасности Ленинграда (так, как их понимали Сталин, Молотов и Ворошилов, ставшие позже архитекторами советско-финляндской войны), противоречили интересам суверенной и нейтральной Финляндии в том смысле, как их понимали руководители этой страны. Поэтому давление со стороны Сталина, сопровождавшееся подчас угрозами, было нарушением норм международного права.

Возникшие в это время и несколько ранее на границе вооруженные провокации служили советской стороне весьма подходящим поводом, чтобы применить силовой прием. Одной из таких провокаций, ставшей применительно к советско-финляндской войне своеобразным "северным Сараево", был вооруженный инцидент в пограничном советском селении Майниле. Его советская версия изложена в донесении Мерецкова (использованном им в воспоминаниях). В нем было сказано, что 26 ноября 1939 г. штабу ЛВО стало известно об обстреле финской артиллерией советского подразделения, дислоцированного севернее Майнилы. Было убито 4 и ранено 9 красноармейцев и командиров.

Нет оснований придавать этой провокации ту роль, которую она не могла играть, и утверждать, будто именно она вызвала вооруженное столкновение между двумя странами. Война явилась результатом кризисных отношений между СССР и Финляндией на протяжении ряда лет и недалековидных шагов тех государственных деятелей, которые видели в применении военной силы единственный способ решения спорных международных вопросов. Но ведь именно советское правительство придало инциденту в Майниле особое значение. Разве не Молотов в речи по радио 29 ноября 1939 г. назвал его олицетворением "неприкрытого стремления" финской стороны "и впредь держать Ленинград под непосредственной угрозой своих войск"?¹⁷

Не располагая в настоящее время конкретными документами, хотелось бы поставить для размышления лишь некоторые вопросы и высказать некоторые предположения.

Прежде всего бросается в глаза то, что в советской пропаганде акцентировалось внимание на том, что выстрелы были произведены по регулярным советским войскам и что их жертвами стали именно военнослужащие полевых войск. Но ведь в районе Майнилы, расположенном в нескольких сотнях метров от границы, вряд ли могли дислоцироваться полевые войска. Наверняка это были пограничники, которые подчинялись ведомству Берии. Не может ли это обстоятельство пролить свет на природу этого обстрела?

Может вызвать различные кривотолки и то обстоятельство, что до сих пор неизвестны фамилии погибших красноармейцев и младших командиров. В печати не были опубликованы и результаты расследования обстоятельств, приведших к инциденту, которое проводил полковник Тихомиров. Может быть, ему и не позволили заниматься этим деликатным делом? Неизвестны и воспоминания непосредственных свидетелей этого инцидента. Наконец, пора бы определить и общее число жертв провокации, ибо, если Мерецков говорит о 4-х убитых и 9-ти раненых, то в одной из книг, посвященных истории пограничных войск, приводятся данные о 3-х убитых и 7-ми раненых¹⁸.

Создается впечатление, что провокация в Майниле была устроена теми, кому она была выгодна, для своих неблагоприятных целей. Очевидно, она была выгодна только советской стороне, чтобы иметь повод для денонсации договора о ненападении с Финляндией.

За провокацией последовала возмущенная нота советского правительства, денонсация договора о ненападении, отзыв дипломатических и хозяйственных представителей и, наконец, речь Молотова по радио. В дело вступили войска, уже давно готовые к "контрудару".

Нарушение границы Финляндии крупными силами советских войск и их продвижение вглубь страны, где в течение нескольких дней им не оказал сопротивления ни один финский солдат (кроме отдельных пограничников), означало фактически необъявленную войну. В тот же день президент Финляндии Каллио сделал следующее заявление: "В целях поддержа-

ния обороны страны Финляндия объявляет состояние войны".

Уже сама эта акция советского правительства означала нарушение норм международного права, причем она составляла отягчающее обстоятельство, повышавшее ответственность нападавшей стороны. Вместе с тем такая акция означала и нарушение внутригосударственного права, поскольку Конституция СССР 1936 г. допускала возможность объявления Верховным Советом СССР только "состояния войны", но никак не "войны" как таковой. Причем объявление состояния войны предусматривалось исключительно в двух случаях: при вооруженном нападении на Советский Союз и при необходимости выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии. Ничто подобное применительно к советско-финляндской войне не присутствовало.

Война началась как армейская операция силами 9-ти стрелковых дивизий и 3-х танковых бригад¹⁹. Силы Краснознаменного Балтийского флота, базировавшиеся в Эстонии и Латвии, были развернуты для действий на коммуникациях противника. 3 декабря в обстрел территории Финляндии включились 305-мм орудия форта Красная Горка²⁰. В последующие дни тяжелые бои развернулись по всему фронту от Баренцева моря до Балтики. На 1 февраля 1940 г. в состав группировки советских войск уже входило до 40 дивизий общей численностью около миллиона человек. Им противостояли до 600 тыс. финских регулярных войск и военизированных частей (школе-ровцев). По боевой технике мы имели тройное, а по танкам и авиации — абсолютное превосходство. Международное право допускает такой прецедент, когда сам акт объявления войны вовсе не обязательно должен сопровождаться фактическими военными действиями. Данная норма международного права допускает, что в последний момент перед открытием огня стороны могут попытаться найти путь для сохранения между собой мирных отношений, и такие попытки следует поощрять. Если же государство-инициатор войны отказалось от поиска такого пути, то оно однозначно нарушило международное право.

К сожалению, именно так поступило советское правитель-

ство. Уже на второй день войны финская сторона предложила продолжить переговоры с Советским Союзом. 1 декабря было образовано новое правительство Финляндии во главе с Р. Рюти. Препный премьер-министр, лидер социал-демократов В. Таннер, которого Молотов назвал "злым гением советско-финляндских отношений", стал министром иностранных дел. Советское правительство не реагировало на эти примирительные шаги, принявшие в Хельсинки.

На соответствует моральному аспекту международного права еще одна недостойная политическая акция Сталина и Молотова. В день начала боевых действий в Москве было заявлено, что советскому правительству путем "радиоперехвата стало известно", что в только что занятом финском городе Териоки (ныне Зеленогорск) "левыми силами" Финляндии было сформулировано "народное правительство Финляндской Демократической Республики (ФДР)" во главе с одним из руководителей Исполкома Коминтерна О. В. Куусиненом (он же стал министром иностранных дел). На следующий день было сообщено (конечно, тоже "путем радиоперехвата"), что ЦК компартии Финляндии (точнее было бы сказать — находившаяся в СССР часть членов ЦК) обратился к трудовому народу с призывом свергнуть правительство в Хельсинки, не следовать за "предательскими вождями финской социал-демократии", которые "открыто смыкались со злейшими поджигателями войны", и создать "народное правительство"²¹.

Ознакомление с некоторыми положениями этого документа вызывает странные чувства, будто его авторы были оторваны от реальной жизни и реальных настроений финского народа. Так, в документе выражается несогласие с "некоторыми товарищами", которые требуют "установления Советской власти в Финляндии". Это несогласие справедливо обосновывается тем, что такой важный вопрос может быть решен всеми трудящимися классами при санкции сейма²².

Далее подвергаются критике те товарищи, которые думают о возможности вступления Финляндии в состав Советского Союза. Это невозможно, говорится в документе, по следующим

двум причинам: во-первых, "Финляндская Демократическая Республика как государство не советского типа не может входить в состав Советского Союза, представляющего государство советского типа", и, во-вторых, "Советский Союз, следуя своей национальной политике, не захочет, чтобы ему могли приписать желание расширить свои границы..."²³. Но ведь политическая линия Сталина и его окружения, осуществлявшаяся примерно в это же время в Западной Украине и Западной Белоруссии, подтверждает, что все эти вопросы решались тогда проще. Так, буквально через два месяца после освобождения население этих регионов продемонстрировало поразительную "политическую и классовую зрелость и единодушное желание" установить советскую власть и воссоединиться с Советским Союзом. Аналогичные события, правда, несколько позднее, произошли и в Прибалтике. Здесь также "трудящиеся при весьма энергичной "поддержке" таких сталинских эмиссаров, как Аданов, Вишинский и Деканозов, довольно быстро "проявили готовность" принять советскую власть и вступить в СССР, хотя их республики и не были "государствами советского типа".

Обращение ЦК компартии Финляндии несколько двусмысленно излагает и задачи Красной Армии в этой войне, приписывая ей функции экспорта революции и осчастливливания финского народа, хотя он этого и не просил. Так, в документе было сказано, что Советский Союз не намерен "ограничивать право Финляндии на самоопределение и суверенитет". Но все-таки Красная Армия идет в Финляндию "как освободитель нашего народа от гнета капиталистических алкодеес", причем "сотни тысяч рабочих и крестьян с радостным нетерпением ожидают приближения Красной Армии"²⁴.

12 декабря 1939 г. было объявлено и о заключении договора о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и "Финляндской Демократической Республикой", который подписали Молотов и Куусинен. В этом документе, как и в предыдущем, также проводится мысль о том, что "финляндский народ организовав свою Демократическую Республику, всецело опирающуюся

на поддержку народа", и что теперь "героической борьбой финляндского народа и усилиями Красной Армии ликвидируется опаснейший очаг войны"²⁵. Сообщалось также, что принято решение о формировании "Финляндской Народной Армии", которой Советский Союз обязался оказывать помощь вооружением и прочими военными материалами на льготных условиях. Однако в действительности части "Финляндской Народной армии" стали формироваться задолго до этих событий. Так, в соответствии с приказом наркома обороны Ворошилова 11 ноября 1939 г. началось формирование 106 стрелковой дивизии, ставшей позже первым соединением этой армии. Командиром дивизии стал А. Антилла. Одновременно он являлся и "министром обороны" в "правительстве Куусинена". Через несколько дней было предпринято формирование финского корпуса. На его укомплектование были вызваны все финны и карелы в возрасте до 40 лет, служившие в войсках ЛВО. К 26 ноября численный состав корпуса насчитывал 13405 чел., позже — более 25 тысяч²⁶.

Как упоминалось в советской печати, уже 1 декабря — в разных частях Финляндии народ восстал и провозгласил создание демократической республики²⁷. Это была грубая фальсификация фактов и попытка дезинформировать советских людей и мировое общественное мнение. Советская пропаганда вопреки фактам утверждала, что "Красная Армия пришла в Финляндию на помощь финскому народу по приглашению его Народного Правительства, чтобы помочь в их борьбе против политических пугалов..."²⁸.

Таковы были официальные сообщения о событиях первых дней войны. Архивные документы позволяют кое-что уточнить и дать несколько иную оценку этим событиям.

Прежде всего возникает вопрос, каков же был смысл фарса с созданием "народного правительства" и заключением с ним "договоров"? Не исключено, конечно, что это была попытка ввести в заблуждение мировое общественное мнение. Ведь было же объявлено, что никакой войны против Финляндии Советский Союз не ведет. Стало быть, и никакой ответственности за агрессию он не может нести. Нельзя также исключать предположения, что "народное правительство" предназначалось

для того, чтобы развязать в стране гражданскую войну. Ведь обращение ЦК компартии Финляндии прямо призывало различные слои населения подняться на освободительную борьбу и свергнуть "правительство палачей". Возможно также, что это "правительство Куусинена" было создано с целью нажима на правительство Финляндской республики, чтобы заставить его принять советские условия и прекратить войну. Эта вероятность подтверждается заявлением Молотова шведскому посланнику в Москве Ассарссону 4 марта 1940 г. о том, что если правительство Финляндии будет по-прежнему возражать против передачи Советскому Союзу Выборга и Сортавалы, то последующие советские условия мира будут еще более жесткими и что СССР пойдет тогда на окончательное соглашение с правительством Куусинена²⁹.

Советское правительство отвергло посреднические услуги Лиги Наций. 3 декабря постоянный представитель Финляндии в Лиге наций Р.Холсти проинформировал ее Генерального секретаря Авеноля о том, что утром 30 ноября Советский Союз внезапно напал не только на пограничные позиции, но и на открытые финские города, денонсировал мирный договор 1920 г. и пакт о ненападении. Он просил созвать Совет и Ассамблею с тем, чтобы остановить агрессию³⁰.

Если Финляндия, как утверждало Советское правительство, действительно спровоцировала войну и явилась агрессором, а СССР стал ее жертвой, то логично было бы ожидать, что не Финляндия, а СССР проявит инициативу и обратится в Лигу наций с соответствующей жалобой, прежде чем применять силу.

Как же реагировало на это обращение Финляндии в Лигу наций Советское правительство?

Вот что ответил Генеральному секретарю 4 декабря Молотов. Во-первых, отмечал он, Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает финскому народу. Во-вторых, Советский Союз находится в мирных отношениях с ФНР, с правительством которой 2 декабря им заключен договор о взаимопомощи и дружбе. Этим документом урегулированы все вопросы. В-третьих, прежнее правительство Финляндии сложило свои полномочия. В-четвертых, в настоящее время мы

совместными усилиями ликвидируем опаснейший очаг войны, созданный в Финляндии ее прежними правительствами. Если проанализировать эти циничные слова Молотова, рассчитанные, видимо, на простачков, то нельзя не признать, что они представляют грубое нарушение международных норм. Затем Молотов сообщает, что в случае, если будут созваны Совет и Ассамблея для рассмотрения обращения Р.Холсти, Советское правительство не будет участвовать в этих собраниях³¹.

Тем не менее созванная 11 декабря 20-я сессия Ассамблеи Лиги наций образовала специальный Комитет по финляндскому вопросу под председательством де Матта. На следующий день Комитет обратился к Советскому правительству и правительству Финляндии с призывом прекратить военные действия и при посредстве Ассамблеи начать немедленные переговоры для восстановления мира. Правительство Финляндии сразу же приняло это предложение, но Молотов вторично ответил отказом. Истощав все возможности для прекращения советско-финляндского конфликта, Совет Лиги наций 14 декабря 1939 г. по настоянию Бразилии и при поддержке других латиноамериканских государств принял резолюцию об исключении СССР из Лиги наций, осудил "действия СССР, направленные против Финляндского государства" и призвал государства-члены Лиги наций оказать поддержку Финляндии.

В "Известиях" от 16 декабря 1939 г. было опубликовано сообщение ТАСС, в котором говорилось, что авторитетные советские круги оценивают эту акцию Лиги наций как скандальную и незаконную, поскольку из 15 членов Совета за исключением СССР голосовали только 7 членов, остальные — отсутствовали или воздержались. "Таким образом, — отмечалось далее в заявлении ТАСС, — вместо того, чтобы содействовать прекращению войны между Германией и англо-французским блоком, в чем, собственно, и должна была бы заключаться миссия Лиги наций, если бы она продолжала оставаться "инструментом мира", нынешний состав Совета Лиги наций, провозгласив политику поддержки провокаторов войны в Финляндии — клики Маннергейма и Таннера, стал на путь разжигания

войны также и на северо-востоке Европы"³².

Игнорирование советским правительством призыва Лиги наций интерпретировалось в передовой "Известий" за 17 декабря 1939 г. следующим образом: "Что же касается Советского Союза, то во всяком случае не он останется в проигрыше от женеvского решения. Это решение избавляет СССР от моральной ответственности за "деятельность" женеvского учреждения и в то же время освобождает Советский Союз от обязательств, вытекающих от устава Лиги". "Нами получена свобода рук", — утверждала газета.

Как следует характеризовать позицию Советского Союза в отношении примирительной услуги Лиги наций? Как бесспорно непродуманную и безответственную, грубо нарушившую нормы международного права. Правда, в предыдущие десятилетия в международной практике использование мирных средств разрешения споров между государствами имело необязательный (факультативный) характер. Да тогда еще и не существовало эффективного механизма деэскалации. Возможно, им могла бы стать Лига наций, но советская сторона, как видно, не была заинтересована в ее посреднических услугах.

Казалось, применив силу против Финляндии и отказавшись от мирного решения спора, Советский Союз формально не нарушил норму международного права, закрепленную в установлении I-й Гаагской конвенции 1907 г. и регулирующую добрые услуги и посредничество. Но не следует забывать, что, во-первых, в Советском Союзе как социалистическом государстве внутригосударственное право (в частности, Декрет о мире 1917 г.) запрещало прибегать к агрессивной войне. Во-вторых, хотя институт посреднических услуг имел лишь значение рекомендаций и советов, все же не следовало бы в данном случае игнорировать его моральную ценность, которая уже тогда в международных отношениях приобретала все большую значимость.

Последующий ход войны со всей очевидностью демонстрировал, что советское руководство предпринимало тогда ряд таких политических и военных шагов, которые ставили под серьезное сомнение декларированные им цели в этой войне. Тем самым оно игнорировало один из старейших и важнейших принци-

пов международного права — принцип уважения суверенитета других стран и невмешательства в их внутренние дела.

Так, в ряде официальных советских заявлений кануна и начала войны речь шла о сугубо конкретной цели СССР — о безопасности Ленинграда, которая могла быть обеспечена передвигкой границы на 20 — 25 км. Но в таком случае возникает вопрос, почему же советское руководство и особенно военные деятели считали дополнительное расстояние в 25 км столь спасительным для судеб Ленинграда? Потому, и это усиленно пропагандировалось в печати, что при существующем расстоянии в 32 км финны могли бы обстреливать город из артиллерии. Но это беспочвенные утверждения, так как финская армия для подобных акций не располагала орудиями необходимого калибра. Ее материальную часть составляли преимущественно образцы оружия еще старой русской армии. Что же касается артиллерии, то на вооружении финляндской армии из орудий крупных калибров были 105-мм немецкие полевые пушки образца 1930 г. и 100-мм зенитные пушки. Даже если бы было возможно их установить непосредственно на границе (что, конечно, абсолютно исключалось), то они могли поразить цели, находившиеся лишь посредине расстояния до Ленинграда³³.

Ознакомление уже о первом оперативным приказом войскам ЛВО за подписью командующего К.А.Мерецкова и члена военного совета А.А.Жданова показывает, что цели предстоящей операции выходили далеко за рамки обеспечения безопасности города на Неве. В нем шла речь не только о том, чтобы "перейти границу и разгромить финские войска", но и формулировалась такая политическая цель, как освобождение "финского народа от гнета помещиков и капиталистов"³⁴. Маловероятно, что подобную политическую цель сформулировало командование ЛВО без согласования с политическим руководством страны.

В последующие дни в советской пропаганде, особенно в войсках Действующей армии, тезис об "обеспечении безопасности Ленинграда" как будто был напрочь забыт и подчеркивалась лишь "освободительная миссия" Красной Армии в Фин-

ляндии³⁵. Вот какие заголовки отчетов о проходивших тогда по стране многочисленных митингах трудящихся "в поддержку решительных мер против белофиннов" Советского правительства пестрели в советских газетах: "Ответить тройным ударом!", "Дать отпор зарвавшимся налетчикам!", "Долой провокаторов войны!", "Уничтожить гнусную банду!", "Безмерная наглость!"³⁶ и т.д. и т.п. Пропагандистскими штампами, направленными на разжигание страстей, стали тогда такие выражения, как "белофинские бандиты", "финская белогвардейщина", "Бело-Финляндия" и другие. Пропагандистская кампания носила примитивный характер, исходила из нереалистического предположения, будто трудящиеся Финляндии при поддержке Красной Армии готовы свергнуть "власть капиталистов и помещиков".

В рамках нагнетания обстановки усилилась дискриминация финской и карельской национальностей в политической и культурной жизни. Закрывались финноязычные издания и школы в Ленинграде и в Карелии, употребление финского языка фактически тормозилось, а все, кто вступались в защиту родного языка, обвинялись в "великофинском национализме". Затравку советской пропаганде давал лично Молотов. В своей речи по радио 29 ноября 1939 г. он уже не упоминал о конкретной провокации — обстреле советского пограничного поста севернее поселка Майнилы, расположенного у самой границы, но сообщил о каком-то мифическом "артиллерийском обстреле наших воинских частей под Ленинградом, приведшего к тяжелым жертвам в красноармейских частях". А предложение финской стороны о совместном расследовании провокации в Майниле он назвал "нахальным отрицанием фактов, издевательским отношением к понесенным нами жертвам"³⁷.

О подлинных политических целях советского руководства в этой войне свидетельствуют планировавшиеся размах, темпы продвижения войск и конечные рубежи операции. Так, план операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии (так он именовался официально) был разработан командованием ЛВО и подписан командующим Мерецковым и начальником

штаба Чибисовым 29 октября 1939 г., т.е. тогда, когда продолжались переговоры. Разведкой было выявлено, что противник располагает шестью дивизиями, на вооружении которых находилось 280 орудий, 10 - 15 танков и 120 - 150 самолетов. Для разгрома этих сил советское командование к 1 декабря 1939 г. сосредоточило 20 стрелковых дивизий, более 4 тыс. орудий и минометов разных калибров, около 2 тыс. танков и более 960 самолетов: Предусматривалось, что эта группировка обеспечит проведение операции в течение 10-15 дней при среднем продвижении 10 - 12 км в сутки³⁸.

В директиве военного совета ЛВО, которая зачитывалась офицерскому составу на Карельском перешейке вечером 29 ноября, т.е. накануне наступления, ставилась задача через 4 дня занять г.Виннупури, а через 2 недели выступить в Хельсинки. Но столица Финляндии не была пределом. В той же директиве содержалось следующее указание: "При выходе к шведской и норвежской границам границы не нарушать и не допускать провокаций. Военнослужащих шведской и норвежской армий на границе приветствовать отдаванием чести"³⁹.

Средства и методы войны также имели решительный характер. Так, в первый день войны советская авиация подвергла бомбардировке военные объекты в районе Хельсинки. Но из-за навигационных ошибок бомбы упали в центр города. Имелись разрушения и человеческие жертвы. Правда, с 3 декабря воздушные налеты на объекты глубокого тыла Финляндии Главное командование Красной Армии категорически запретило. Только месяц спустя, когда обстановка на фронте складывалась не в пользу Красной Армии, Ворошилов, Сталин и Шапошников подписали приказ, который гласил: "Бомбардировочной авиации наносить систематические и мощные удары по глубоким тыловым объектам: административным, военно-промышленным пунктам, железнодорожным мостам, железнодорожным узлам, портам, транспортам противника"⁴⁰.

Если далее рассматривать советско-финляндскую войну в свете международного права, то крайне важно обратить внимание и на то, что она дестабилизировала общую ситуацию в

Северной Европе и создавала угрозу вовлечения в войну Англии и Франции, что для СССР было чревато крайне опасными последствиями.

В советской исторической литературе можно встретить утверждения, будто Германия в это время была заинтересована в советско-финляндской войне и в победе Финляндии. Это не соответствует действительности. Германия, связанная обязательствами по секретному протоколу с Советским Союзом и войной с западными державами, в советско-финляндской войне соблюдала нейтралитет. Открытие нового театра военных действий в Северной Европе не было в ее интересах по крайней мере по двум причинам: была бы затруднена доставка стратегического сырья из Швеции и Финляндии и на войну отвлекались бы ресурсы Советского Союза, предназначенные для Германии.

Еще 27 сентября 1939 г. германский посланник в Хельсинки В. Блюхер в пространном донесении Риббентропу об обстановке в Финляндии отмечал, что доминирующее влияние Англии в экономической жизни Финляндии постепенно ослабевает. Надежда финнов на поддержку Скандинавских стран становится под вопросом, Россия, которую здесь рассматривали как спящего медведя, теперь проснулась и свои экспансионистские устремления направила на Запад. Военная мощь Германии, продемонстрированная в Польше, совершенно изменила соотношение сил на континенте.

Многие финны еще мыслят старыми стереотипами, надеясь, что страна может жить в стороне от международных потрясений, продолжал Блюхер. Страх перед Россией, который никогда не покидал финнов, усилился в связи с вторжением Красной Армии в Польшу. Этот страх охватил даже военное руководство во главе с маршалом Миннергеймом. Изменилось настроение и у министра иностранных дел Э. Эркко, который прежде занимал англофильскую и русофобскую позицию. Теперь он утверждает, что Финляндия впредь не может вести антирусскую политику. Он не возражает предоставить русским в аренду ряд островов в Финском заливе.

"В период польской кампании симпатии финнов были не на

нашей стороне, но реалистически мыслящие деятели нас не обвиняют. Деловые круги не заинтересованы в осложнении отношений с Англией из-за опасения, что может быть нарушен финский экспорт в эту страну. Финская общественность отрицательно отнеслась к советско-германскому договору и считает, что Германия должна нести ответственность за поведение России в отношении Финляндии⁴¹.

Вскоре, 7 октября 1939 г. В.Блюхер получил из Берлина категорические указания: мы не должны вмешиваться в русско-финляндские противоречия и нужно стремиться к установлению между Финляндией и Россией добрых отношений. На последовавшие через несколько дней запросы шведского посланника в Берлине статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Вайцзеккер уверял его, что Риббентроп не говорил в Москве о судьбе Финляндии и что, по его мнению, Россия не имеет в отношении Финляндии далеко идущих планов⁴².

По поводу предстоящих советско-финляндских переговоров в Москве германский посланник в Хельсинки 10 октября 1939 г. сообщал в Берлин, что если Россия не ограничит свои требования островами и Финским заливом, то Финляндия, по его мнению, будет сражаться. Это вызовет трудности для германской военной промышленности, поскольку из Финляндии будет прекращена доставка меди, молибдена, а также продовольствия и древесины. Далее посланник рекомендовал предложить России не переступать эти свои требования⁴³.

В ответ на эту информацию Блюхер получил следующее новое разъяснение от Вайцзеккера: известно, что в соответствии с обязательствами, взятыми нами по советско-германскому договору о ненападении, мы не можем поддерживать третью сторону. Если мы поддержим Швецию, то это усилит позиции Швеции и Финляндии в их сопротивлении русским, а это нанесет ущерб советско-германским отношениям⁴⁴.

Если говорить о позиции Германии в советско-финляндской войне, то реальнее может идти речь не столько о ее вмешательстве на стороне Финляндии, сколько на стороне Советского Союза. Об этом, в частности, свидетельствует следующий

факт. Как доносил в Берлин 9 декабря Шуленбург, командование советского военно-морского флота планирует осуществлять своими подводными лодками блокаду Ботнического залива с целью предотвратить поступление помощи Финляндии от западных держав. В связи с этим советское командование просит, чтобы немецкие суда, следующие в Швецию, снабжали советские подводные лодки горючим и продовольствием при условии возврата этих ресурсов тем немецким кораблям, которые заходят в советские порты.

Шуленбург рекомендовал согласиться с этой просьбой по трем причинам: во-первых, это все равно не повлияет на исход войны; во-вторых, Германия получит компенсацию, например, в советских портах на Дальнем Востоке, где имеются большие возможности для ведения боевых действий германскими военно-морскими силами и, в-третьих, это позволит в будущем выдвинуть встречные требования перед советским военно-морским флотом⁴⁵. Главнокомандующий ВМФ Германии гросс-адмирал Э.Редер со ссылкой на фюрера дал свое согласие на эту операцию.

Многочисленные другие шаги Германии в ходе советско-финляндской войны подтверждают, что она делала все, чтобы не обременять советско-германские отношения, имевшие для нее приоритетное значение. Так, была отвергнута просьба финляндского правительства разрешить транзит военных материалов в Финляндию через германскую территорию. Только по указанию Гитлера был разрешен проезд одного эшелона с итальянскими военными самолетами, закупленными финнами еще до войны⁴⁶. 19 декабря Германия заявила шведскому правительству, что выступление Швеции на стороне Финляндии может привести к репрессивным военным мерам против нее⁴⁷.

В ходе войны Вайцзеккер неоднократно напоминал германским миссиям за рубежом, чтобы они возлагали ответственность за конфликт на Англию и на "неумное правительство Финляндии" и чтобы в разговорах демонстрировали свои симпатии к русским и антипатии — к финнам⁴⁸.

Любопытно, что в беседе с известным шведским писателем,

сторонником фашизма С.Гедином 4 марта 1940 г. Гитлер оправдывал действия Сталина против Финляндии. Он заявил, что Сталин не требовал от нее ничего, кроме как прохода к незамерзающему морю. Сейчас Сталин серьезно изменил свою политическую позицию: он не является больше международным большевиком, а демонстрирует себя как русского националиста, преследующего естественную в основе своей политику русских царей. Он требует выхода к незамерзающим портам, передвигая границы от Ленинграда, предоставляя финнам компенсацию в Карелии. Поэтому финнам, говорил Гитлер, было бы разумно на этой основе помириться с русскими⁴⁹. Гитлер отверг предложенное Гедином посредничество, ибо, по его словам, финны будут его не благодарить, а только упрекать за потере Ханко и других территорий.

Тем не менее попытки посредничества со стороны Германии все же имели место. Так, 13 февраля 1940 г. Риббентроп предложил Блюхеру выяснить возможность секретной встречи в Берлине советских представителей хотя бы с Паасикиви. Через несколько дней Блюхер доложил, что по этому вопросу у него состоялась беседа с Таннером. Но финляндский министр иностранных дел расценил попытку посредничества как стремление ослабить волю финского народа к сопротивлению и окончательного и определенного ответа не дал⁵⁰. В начале марта 1940 г., когда развернулись бои за Выборг, правительство Финляндии обратилось в Берлин с просьбой повлиять на Советский Союз, чтобы он отказался от Выборга и территории северо-западнее Ладожского озера. Блюхер рекомендовал поддержать эту просьбу финнов, так как в интересах Германии, чтобы такой важный порт и промышленный центр, как Выборг, оставался у финнов⁵¹.

Заключение мира 12 марта 1940 г. в политических кругах Берлина было встречено с удовлетворением. Как записал в дневнике И.Гёббельс, оно считалось здесь "большой дипломатической победой" Германии⁵². Вместе с тем, судя по оценке ситуации, сложившейся в регионе Прибалтики после заключения мира, изложенной Блюхером в донесении 13 марта 1940 г.,

Германия должна будет учитывать возросшее влияние Советского Союза на Скандинавию и на пути в Балтийском море, что не может не беспокоить Германию⁵³. Конечно, в некоторых, особенно в военных кругах Берлина, как отмечал в дневнике Гальдер, были довольны тем, что "конфликт с Финляндией толкает Россию в антианглийский лагерь"⁵⁴.

Наиболее полно и обстоятельно позиция Германии в отношении советско-финляндской войны и ее оценка была изложена в меморандуме советника германского посольства в Москве фон Типпельскирха от 25 января 1940 г. Этот документ знаменует того, чтобы воспроизвести его максимально полно.

Типпельскирх приходит к выводу, что советско-финляндская война с немецкой точки зрения в силу разных причин определяется со смешанным чувством, потому что она приносит Германии как трудности, так и преимущества. К числу первых автор относит тот факт, что война поставила Германию в крайне неудобное положение и этим пользуются ее враги в своей пропаганде. Военная обстановка и непредсказуемость ее итогов в значительной мере нарушили германо-финляндскую торговлю и в ущерб Германии ухудшили экономические показатели Советского Союза. Кроме того, СССР скомпрометировал себя перед лицом всего мира, что для Германии как союзника Советского Союза далеко небезразлично. В дальнейшем не исключено, что СССР может быть втянут в войну с Англией и Францией, и Германия потеряет его как экспортера и как гонимого своего стратегического тыла.

Наряду с приведенными недостатками, продолжает Типпельскирх, война создала для Германии и немало преимуществ. Так, советское правительство в настоящее время приходит к осознанию того, что трудности войны отрезвляюще подействовали на оценку своего мнимого превосходства и собственных достижений. После прогулки в Польше, где основную роль сыграл вермахт, и после удачных акций в Прибалтике, финляндская война представлялась Советскому Союзу довольно легкой акцией. Но исключительные трудности и неудачи, особенно в связи с правительством Куусинена, являются для Советского

Союза и Коминтерна своеобразным предупреждением, ослабляя их идеи о мировой революции в желаемом для них виде. Возможно, эти обстоятельства повлияют и отодвинут срок решения вопроса о Бессарабии, что будет выгодно нам, имеющим на Балканах политические и военные интересы, продолжал Теппельскирх. В том же плане следует рассматривать и предупредительное отношение Советского Союза к Японии.

В силу изложенных причин не исключено, что Советский Союз должен будет все теснее привязываться к Германии. Его новые дружественные отношения с Германией, участие СССР в разделе Польши и советское нападение на Финляндию привели к изменению отношения других стран к Советскому Союзу. Отсюда напрашивается вывод, что союзнические отношения с Германией имеют для Советского Союза в данное время исключительное значение⁵⁵.

Что же касается Англии и Франции, то они были целиком на стороне Финляндии, предпринимая все, чтобы не допустить ее поражения. Советское правительство с самого начала акции против Финляндии понимало возможную реакцию со стороны западных стран. Поэтому советское командование планировало войну как быстротечную операцию. Так, в приказе Ворошилова и Шапошникова от 2 декабря отмечалось медленное и нерешительное продвижение 9-й и 8-й армий. "Мы не можем долго болтаться в Финляндии, двигаясь по 4 - 5 км в сутки. Нужно поскорее кончать дело решительным наступлением наших войск"⁵⁶.

Озабоченность советского командования была небесопытной. Реальность состояла в том, что при затяжке войны в нее на стороне Финляндии могли быть втянуты Англия и Франция. Они не только оказывали финнам помощь боевой техникой, вооружением и боеприпасами, но вместе со Швецией, Норвегией и некоторыми другими странами направили в Финляндию более II тысяч добровольцев. Всего же различных видов оружия и боевой техники Финляндии направили 13 западных стран.

Советское правительство постоянно твердило, что Англия подстрекает Финляндию на антисоветские действия. Но в Лон-

доне этот очевидный факт категорически отрицали. Английский посол в Москве Сидс в ходе беседы в конце декабря 1939 г. с заместителем наркома иностранных дел В.П.Потемкина заявил, что Англия желает сохранять дружеские отношения с Советским Союзом. Она не подстрекала Финляндию, потому что желает сохранения мира в Скандинавии и выступает за нейтралитет Советского Союза. Посол сообщил далее, что Англия давала финнам советы благоразумия и упрямство Таннера не вызывало в Лондоне одобрения. После отказа от дальнейших переговоров с финнами, продолжал посол, Советский Союз занял "великолепную" позицию, воздерживаясь от посягательства на всю Финляндию и ограничиваясь только объектами, о которых Сталин говорил при переговорах о Тяньнором-Паасикиви. Посол заверил Потемкина, что официально Англия не оказывает помощи Финляндии — это делают общественные организации, предприятия и частные лица⁵⁷.

Но высказывания Сидса, мягко говоря, не соответствовали действительности. Уже в середине декабря 1939 г. в Лондоне обсуждался план добиться от Швеции и Норвегии разрешения на вступление англо-французских войск с целью оказания совместной помощи Финляндии. Тогда Верховный военный совет союзников опасался, что советским войскам удастся быстро пройти территорию Финляндии и достигнуть границ со Швецией и Норвегией. Но с конца декабря 1939 г., когда ход военных действий в Финляндии не создавал непосредственной опасности для Швеции и Норвегии, союзники наметили более осторожный план. Они заверили правительства этих стран в своей готовности оказать им помощь, но получили решительный отказ. В последующем Верховный военный совет продолжал обдумывать различные варианты для одновременного решения двудеятных задач: оказания помощи Финляндии, если она сама попросит ее, и овладения шведским железорудным бассейном с согласия Швеции. Но Швеция отвергла этот план, а в начале марта 1940 г. в связи с советско-финляндскими мирными переговорами он уже перестал быть актуальным⁵⁸.

Итак, в марте 1940 г. благодаря усилиям обеих воевавших сторон, военный пожар был потушен. Страны Северной Европы не были превращены тогда в новый очаг второй мировой войны. Советско-финляндская война, проходившая во временных рамках второй мировой войны, все же была локализована, в нее не были вовлечены великие державы. Очевидно поэтому ее неправомерно считать составной частью второй мировой войны.

Что же касается норм международного права, то инициативу Советского Союза в этой войне нельзя оправдать никакими соображениями, пусть даже такими жизненно важными, как обеспечение безопасности Ленинграда, как об этом твердило советское руководство. Эта война была следствием недальновидной политики Сталина, Молотова и Ворошилова, их великодержавных замыслов и нежелания учитывать реалии. Она еще раз подтвердила, что любая попытка обеспечить свою безопасность неправедными методами и за счет игнорирования безопасности других стран неизбежно ведет к грубым нарушениям общепринятых норм международного права, к международной изоляции государства-агрессора, к потере его престижа среди других государств мирового сообщества.

Сталин и навязанная им в Советском Союзе террористическая система, именуемая сталинизмом, привели к тому, что были утеряны многие из тех важных внешнеполитических достижений, которых добился Советский Союз в 20-е и в первой половине 30-х гг.

У советских людей к советско-финляндской войне особый счет. После гражданской войны она стала первой, взбудоражившей страну, вызвавшей в народе недоверие к ее целям, принесшей во многие семьи горе и страдания — гибель 70 тысяч, более 175 тысяч обмороженных и раненых советских воинов⁵⁹.

По своим личным наблюдениям и на основании бесед с Молотовым Шуленбург уже в начале января 1940 г. пришел к выводу, что советско-финляндская война была непопулярна среди советского населения. Страх перед предстоящей войной, сглаженный заключением советско-германского договора, сно-

ва снижнул в связи с советско-финляндской войной, докладывал он в Берлин. Настроение людей падает в связи с неудачами на фронте, население опасается повышения цен, вызывает беспокойство прибытие с фронта большого количества обмороженных красноармейцев⁶⁰. Аналогичную информацию направляли и посольства других стран в Москве.

Применительно ко второй мировой войне задолго до ее окончания президент Рузвельт публично призвал вносить предложения относительно названия, которое должно быть присвоено этой войне. Позже он с Черчиллем пришел к выводу, что правильнее будет назвать ее ненужной войной. Однако они ошибались: это была пугная война, ибо она совершила великое дело — разгромила фашизм. Ненужной была другая война — советско-финляндская, которая ничего никому не принесла, кроме горя, страданий народам обеих стран.

Не только Финляндии и Советскому Союзу, но и всем она напомнила, как важно проявлять государственную мудрость, гибкость и рассудительность, взвешивать все "за" и "против" прежде, чем принимать ответственные решения. Что же касается безопасности для обеих стран, то самой лучшей ее гарантией было бы доброе соседство, основанное на взаимном доверии и уважении.

Примечания

1. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945. Serie D (1937-1945). Band VII. Baden-Baden, 1956, S. 206-207 (— ADAP, Serie D).
2. Урхо Калева Кекконен. Финляндия и Советский Союз. Речь, статьи, интервью. 1952-1975 гг. М., 1975, с. 224.
3. ЦА СС ССР, ф. 33987, оп. 3, д. 1240, л. 24, 53.
4. Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV (1935- июнь 1941 г.). М., 1946, с. 243.
5. Барышников Н.И., Барышников В.Н. Финляндия во второй мировой войне. Лениздат, 1985, с. 12.
6. Мерецков К.А. На службе народу. Страницы воспоминаний. М., 1969, с. 177.
7. Там же, с. 178.
8. Известия, 1939. 30 марта.
9. Чугунов А.И. Граница накануне войны. Из истории пограничных войск. 1939 — 22 июня 1941 г. М., 1985, с. 10.

10. Там же, с. 18.
11. Там же, с. 22.
12. ЦГАСА СССР, ф. 37977, оп. I, д. 232, л. 8, II, 14, 19.
13. Там же, ф. 33987, оп. 3, д. 1240, л. 51.
14. Большевик. 1939, № 20, с. 8.
15. Там же, с. 10.
16. Внешняя политика СССР, т. IV, с. 465.
17. Большевик. 1939, № 22, с. 2.
18. Чугунов А. И. Указ. соч., с. 38.
19. Мерецков К. А. Указ. соч., с. 182.
20. Дважды Краснознаменный Балтийский флот. М., 1978, с. 180-181.
21. Большевик. 1939, № 22, с. 4-10.
22. Там же, с. 6-7.
23. Там же, с. 7.
24. Там же, с. 8.
25. Там же, с. 11.
26. ЦГАСА СССР, ф. 33987, оп. 3, д. 1389, л. 3.
27. Большевик. 1939, № 22, с. 64.
28. Там же, с. 87.
29. ЦГАСА СССР, ф. 33987, оп. 1, д. 1301, л. 92.
30. League of Nations. Appeal by the finish Government: Geneva, December 1939, p. 1
31. Внешняя политика СССР, т. IV, с. 472-473.
32. Известия. 1939, 16 декабря.
33. ЦГАСА СССР, ф. 25888, оп. II, д. 17, л. 194.
34. См.: Караев Г. Разгром белофинского плацдарма 30 ноября 1939 г. - 13 марта 1940 г. Лениздат, 1941, с. 37.
35. Там же, с. 37.
36. Известия. 1939, 27 и 29 ноября.
37. Большевик. 1939, № 22, с. 2.
38. ЦГАСА СССР, ф. 25888, оп. 14, д. 2, л. 1-15.
39. Там же, ф. 37974, оп. I, д. 235, л. 1-2.
40. Там же, ф. 37977, оп. I, д. 233, л. 99.
41. ADAP, Serie D, Band VIII, Baden-Baden, 1961, S. 117-19
42. Ibid., S. 188, 194
43. Ibid., S. 198
44. Ibid., S. 209
45. Ibid., S. 398
46. Ibid., S. 482
47. Ibid., S. 437
48. Ibid., S. 388
49. Ibid., S. 679-680
50. Ibid., S. 609, 613
51. Ibid., S. 667-668
52. Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Band 4. München-N.-Y.-London-Paris. 1987, S. 68, 72
53. ADAP, Serie D, D. VIII, S. 718
54. Гальдер Ф. Военный дневник. Т. I. М. 1968, с. 204.
55. ADAP, Serie D, B. VIII, S. 555-556
56. ЦГАСА СССР, ф. 33987, оп. 3, д. 1370, л. 2.
57. Там же, д. 1235, л. 130-131.
58. Дж. Батлер. Большая стратегия. Сентябрь 1939 г. - июнь 1941 г. М., 1959, с. 110-121.
59. ЦГАСА СССР, ф. 40442, оп. I, д. 1875, л. 118.
60. ADAP, Serie D, B. VIII, S. 494

К ВОПРОСУ О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ БОЛГАРИИ В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Еще накануне второй мировой войны официальная внешне-политическая линия Болгарии провозглашала нейтралитет и стремление к мирной ревизии Нейтского договора 1919 г. Несмотря на сильное дипломатическое давление со стороны великих держав, царь Борис и болгарское правительство не спешили примкнуть к той или иной группировке и занимали выжидательную позицию, понимая, что в напряженной обстановке предвоенного соперничества цена маленькой Болгарии будет неуклонно повышаться и позволит ей лавировать до того момента, пока не станет ясно, участие в каком из блоков позволит ей извлечь для себя максимальную пользу при минимальных потерях. В то же время уже накануне войны начала обозначаться линия правящих кругов на сближение с фашистской Германией. В секретной директиве № 19 о "позиции Болгарии при создавшейся международной обстановке", которую премьер-министр Г.Кьосеиванов направил 19 апреля 1939 г. всем болгарским посольствам за границей, говорилось: "Наши экономические связи с Германией, которая поглощает более 75 % нашего экспорта, делают для нас невозможным, независимо от политических соображений, присоединение к демократическим государствам против тоталитарных государств¹". Правда, в директиве выражалось опасение, что Болгарии будут поставлены политические условия с германской стороны, и подчеркивалось, что "в конечном итоге Болгария придерживается выжидательной политики".

С началом войны политические силы в Болгарии оказались в новой ситуации. Было ясно, что Болгария, расположенная в районе, где скрестились интересы могущественных сил, не сможет долго оставаться в стороне от конфликта, что рано или поздно ей будут предъявлены требования обеими воюющими группировками. Борьба дипломатии двух блоков за Болгарию приняла более интенсивный характер.

Тем не менее, в первые месяцы войны основные положения директивы № 19 оставались в силе. 15 сентября 1939 г. правительство Кьосеиванова заявило о нейтралитете Болгарии в начавшейся мировой войне. Учитывая сложность международной обстановки, непосредственную угрозу со стороны Турции, неподготовленность Болгарии к войне, болгарским дипломатам за границей вменялось в обязанность настойчиво подчеркивать миролюбие и нейтралитет Болгарии, разъясняя при этом, что Болгария, не отказываясь от требования ревизии Нейдского договора, надеется добиться разрешения этого вопроса мирным путем по окончании войны. В этом же духе были выдержаны многочисленные высказывания царя Бориса и других болгарских политических деятелей в начальный период войны.

Встает вопрос, насколько эти заявления соответствовали действительным намерениям болгарских правящих кругов, каков был истинный характер объявленного Болгарией нейтралитета?

В обширной исторической литературе по проблемам внешней политики Болгарии в годы второй мировой войны этот вопрос остается дискуссионным. Большинство ученых полагает, что болгарское правительство следовало политике так называемого "мнимого нейтралитета", под прикрытием которого сознательно, целенаправленно и неуклонно проводило курс на всестороннее привязывание Болгарии к гитлеровской Германии². Согласно другой точке зрения, Болгария действительно придерживалась политики мира и нейтралитета, выражавшегося в неприкосновенности и свободном лавировании между противоречивыми тенденциями в международных отношениях³. Несмотря на очевидную противоположность этих точек зрения, между ними не была развернута дискуссия. Вместо этого предпринимались попытки механического соединения некоторых формулировок, заимствованных из обеих концепций. Таким образом, оформлялась фактически третья точка зрения, заключавшаяся в том, что не было твердой прогерманской ориентации Болгарии, но и нейтралитет не был последовательным. Однако недостаточная четкость формулировок (например, "нейтралитет, благо-

склонный к Германии") и не всегда последовательная аргументация заставили Д.Сиркова, одного из ведущих болгарских специалистов по истории Болгарии в период второй мировой войны, проанализировать этот вопрос более обстоятельно. Свою задачу Сирков видел в том, чтобы установить правильное соотношение (при этом динамичное) между двумя основными тенденциями болгарской внешней политики кануна и начала войны – с одной стороны, тенденции к нейтралитету, а с другой – процесса все большего сближения с одной из воюющих группировок. В своем фундаментальном исследовании "Внешняя политика Болгарии 1938–1941" Д.Сирков приходит к выводу о том, что внешняя политика Болгарии в рассматриваемый период не диктовалась ни полностью "минимум нейтралитетом", ни линией последовательного нейтралитета и неприсоединения. В этой политике имелись элементы и того, и другого, но она этим отнюдь не исчерпывалась. "Речь идет, – пишет автор, – о такой политической линии, о таком нейтралитете, который содержит в себе постоянно возрастающее прогерманское ядро. Этот процесс не исключает в ряде случаев лавирования, но последнее находится в определенных рамках, все более и более оно ограничивается устойчивой и все четче проявляющейся тенденцией к сближению и связыванию с гитлеровской Германией. Этот процесс, развиваясь по восходящей линии и в условиях специфической международной обстановки, без фатального предопределения, приводит страну в лагерь государств агрессивного Тройственного пакта"⁴. Если в конце 1939 г. и в начале 1940 г. утверждается линия "шагания в ногу с Германией" при неучастии в военном конфликте, то в апреле – октябре 1940 г., когда фашистский блок одерживает крупные военные победы, Болгария уже ориентируется на частичную реализацию своих требований при поддержке Германии. Болгарское правительство уже придерживается тезиса о "невозможней", а не "нейтральной" стране⁵. Однако это еще не значит, что Болгария уже фатально обречена на вступление в войну на стороне Германии.

Позиция Д.Сиркова представляется нам весьма убедитель-

ной и обоснованной. Она позволяет раскрыть реальное содержание внешнеполитической линии Болгарии на конкретных этапах ее развития и внести некоторые коррективы в уже имевшиеся в литературе оценки ряда сложных и многоплановых событий международной жизни в начальный период второй мировой войны.

К числу таких многоплановых явлений в международных отношениях рассматриваемого периода относятся планы создания "балканского нейтрального блока", разрабатывавшиеся осенью 1939 г.

Как известно, идея этого блока, который должен был включить все балканские страны с целью "совместной защиты нейтралитета от нападения с севера", исходила прежде всего от Англии и была оформлена в нескольких вариантах. Однако в основе всех предложений по созданию нейтрального блока лежало стремление к сохранению *status quo* на Балканах. Но именно на это и не могла пойти Болгария, мечтавшая о ревизии Нейтского договора. Поэтому в специальной директиве от 15 декабря 1939 г., направленной болгарским министерством иностранных дел своим дипломатическим представителям за границей, говорилось: "В новых условиях войны отношение Болгарии к подобной цели консолидации существующей Балканской Антанты может быть только отрицательным"⁶. В то же время против попытки создания "балканского нейтрального блока" выступают Германия, а также Советский Союз, имеющий совсем другие планы сохранения нейтралитета Болгарии. Нежелание Болгарии осложнить свои отношения с Германией и СССР, а также ее стремление оставить за собой определенную свободу лавирования между соперничавшими великими державами, тоже нельзя обрывать со счетов при анализе причин, по которым болгарское правительство отказалось присоединиться к "блоку нейтралов". В итоге, под натиском действовавших с разных сторон факторов, идея создания "балканского блока нейтралов" потерпела полный провал.

В историографии по вопросу о характере планировавшегося блока не существует единого мнения. Прежде всего, налицо две противоположные точки зрения: первая — об исключительно

антисоветском характере проектировавшегося блока⁷, вторая — о чисто антигерманской его направленности. Последней точки зрения придерживаются главным образом английские и румынские исследователи. Представлена в исторической литературе и промежуточная точка зрения — о том, что этот блок был задуман одновременно и как антисоветский, и как антигерманский, без уточнения, какая направленность была основной (работы Л.Б.Валева, И.Генчева, И.Димитрова). Наиболее полный ответ на этот вопрос дает, на наш взгляд, Д.Сирков на основе детального анализа различных вариантов блока — английского, французского, итальянского, турецкого, румынского. По мнению Сиркова, в планировавшемся "балканском блоке нейтралов" были заложены не две, а сразу несколько тенденций, к тому же противоположных — антигерманская, антисоветская, антианглийская и даже антиитальянская — в зависимости от того, какой вариант плана был бы реализован. Но в любом случае блок был бы невыгоден Болгарии, ущемлял бы ее жизненные интересы, поскольку мог быть осуществлен лишь на базе *status quo* на Балканах. В этом смысле блок имел и антиболгарскую направленность⁸.

Касаясь вопроса о внешнеполитической ориентации Болгарии в период войны, нельзя ограничиваться лишь освещением политики правительства и царя Бориса. На политической арене страны действовали и другие силы — буржуазная нефашистская оппозиция, а также левые силы во главе с Болгарской рабочей партией. Примечательно то обстоятельство, что все политические силы в стране, за исключением крайне экстремистских кругов реакционной буржуазии и военизированной организации, действовали в рассматриваемый период под одним лозунгом — за мир и нейтралитет, но каждая из этих сил вкладывала в эти понятия различное содержание, имела свою собственную внешнеполитическую концепцию. Традиционно политические течения в Болгарии в той или иной степени, по той или иной причине ориентировались на ту или иную внешнюю силу. Нейтралитет буржуазной нефашистской оппозиции нес в себе проанглийский заряд, хотя открыто она не выступала за присоединение стра-

ны к англо-французскому блоку. Вступая в защиту буржуазной демократии, нефашистская оппозиция не признавала захватнический характер войны со стороны Англии и Франции и с самого начала подчеркивала справедливую, антифашистскую направленность их борьбы. Эту линию поддерживали радикалы, демократы, народники, правые социал-демократы, часть деятелей Болгарского земледельческого народного союза.

Болгарская рабочая партия с самого начала войны отстаивала лозунг нейтралитета Болгарии, опирающегося на СССР, и требовала заключения договора о взаимной помощи между Болгарией и Советским Союзом. Этот лозунг фактически оставался неизменным на протяжении рассматриваемого периода, вплоть до марта 1941 г., в то время, как политическая линия БРП подвергается значительной коррекции.

В первые месяцы войны при общей ее оценке как империалистической БРП видела в ней и освободительные тенденции, не исключала возможности превращения войны в справедливую для противников Германии. Однако, уже спустя два месяца, в ноябре 1939 г., БРП фактически воспринимает новую политическую линию как в области внешней, так и внутренней политики. Война по-прежнему оценивалась как империалистическая, но, во-первых, главными ее поджигателями уже назывались Англия и Франция, а, во-вторых, игнорировалась возможность перерастания войны в справедливую для противников Германии, полностью отрицались освободительные тенденции в войне. Возобладало мнение, что пока существуют буржуазные правительства, противники Германии не могут вести справедливую войну.

С новой оценкой характера войны тесным образом было связано и новое видение революционной перспективы: отрицалась необходимость антифашистского этапа в развитии революционного кризиса, а следовательно, отрицалась и возможность сотрудничества с нефашистскими кругами буржуазии. Лозунг народного фронта был заменен новой формулой — "единство действий рабочего класса и других трудящихся против капиталистической диктатуры и эксплуатации". Острые борьбы

направлялось уже не против фашистской буржуазии, а против буржуазии вообще. Несомненно, эти недостатки в политической линии БРП объяснялись прежде всего ошибочными установками Коммунистического Интернационала. Политика Исполкома Коминтерна в 1939–1940 гг. игнорировала освободительные тенденции в ходе войны, отождествляла национальное освобождение с социалистической революцией. Сообразуясь с германско-советским пактом о ненападении 1939 г., Исполком Коминтерна определял главными поджигателями войны Англию и Францию, требовал создавать народный фронт только снизу, без и против буржуазно-демократических и социал-демократических лидеров; что затрудняло работу компартий по сплочению всех сил в общей борьбе против фашистской агрессии.

В недавно опубликованном "Известиями ЦК КПСС" аналитическом материале "Коминтерн и советско-германский пакт о ненападении" на основе документов Центрального партийного архива показано, как Сталин заставил руководство Коминтерна отказаться от курса, выработанного на УП конгрессе Коммунистического Интернационала в 1935 г. По существу он запретил разоблачать гитлеровский фашизм как инициатора и главного виновника войны. Политическая линия, навязанная Сталиным Исполкому Коминтерна на первом этапе войны, и директивы, направлявшиеся Коминтерном своим секциям, не отвечали сложной и противоречивой ситуации, в которой оказались компартии в тот период. Пример Болгарской рабочей партии ярко иллюстрирует, как трудно было коммунистам проводить в тот период самостоятельную политику, действительно отвечающую требованиям момента, как порой драматично разрывалась борьба различных точек зрения между Центральным Комитетом БРП в стране и находившимся в Москве Заграничным Бюро БРП во главе с Георгием Димитровым, который вынужден был проводить линию Исполкома Коминтерна. В итоге, подчиняясь пресловутой партийной дисциплине и непрерывающему авторитету Коминтерна (читай – Сталина), болгарская компартия была вынуждена подчиняться его директивам.

Надо сказать, что новые оценки, появившиеся в партий-

них материалах в ноябре 1939 г., не господствовали в БРП безраздельно. Ряд конкретных вопросов некоторые члены партии трактовали иначе. Еще очевиднее это проявлялось в практической работе партии, которая пыталась в специфических условиях страны приспособиться к реальной ситуации. Фактически до весны 1940 г. партия вела борьбу против обоих воюющих блоков, в равной степени оценивая их как агрессивные и империалистические. Однако уже в мае — июне 1940 г. в соответствии с новой обстановкой в Европе, и прежде всего поражением Франции, БРП сосредоточивает основной огонь против германского фашизма. В этот период в Болгарии происходит наплыв немцев под видом туристов. Народное хозяйство страны все больше подчиняется интересам и нуждам Германии. И совершенно справедливо Болгарская рабочая партия начинает бить тревогу именно в этом направлении. Наиболее отчетливо перемена во внешнеполитическом курсе партии была видна в воззвании ЦК в начале августа 1940 г., в котором открыто критиковалась прогерманская ориентация болгарских властей, резко осуждалось хищническое проникновение немецких капиталов в болгарское народное хозяйство. Воззвание недвусмысленно выдвигало германскую опасность на передний план.

Однако августовское воззвание БРП имело совершенно неожиданные последствия. Оно стало известно в Лондоне, и лондонское радио передало сообщение о нем с комментариями, что, очевидно, Россия решила порвать советско-германский договор и через болгарскую компартию, во главе которой стоит Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Георгий Димитров, намекала о своих истинных намерениях в отношении Германии. Эта уловка английской пропаганды имела далеко идущие последствия. Димитров был вызван Сталиным и вынужден был давать объяснения по поводу действий БРП. После этого неприятного разговора Димитров, в свою очередь, вызвал в Москву представителя внутреннего ЦК БРП для разъяснения внешнеполитической линии партии. В срочном порядке в Москву в середине августа 1940 г. была ко-

мандирована Цола Драгойчева, ветеран болгарского революционного движения. В своем отчете Драгойчева откровенно написала о том, что действительно, БРП в настоящий момент считает, что опасность вовлечения Болгарии в войну со стороны Англии сильно уменьшилась. Партия считает, что Болгарии серьезно угрожает Германия, поэтому партийное руководство приняло курс на разоблачение поведения германских фашистов.⁹

Этот курс был подвергнут в Москве самой суровой критике. После отъезда Драгойчевой Загранбюро направило в ЦК БРП письмо, в котором говорилось: "...ошибочным является новый внешнеполитический курс, который представляет германскую опасность главной, а опасность английского империализма оставляет на втором плане. Такая линия не оправдывается ни общим международным положением, ни положением на Балканах". "Новый курс ЦК, — подчеркивалось в письме, — недооценивает значение советско-германского пакта как одного из основных моментов советской внешней политики, забывает, что этот пакт способствовал внешнеполитическим победам Советского Союза, которые являются и победами международного пролетариата. Английские агентства используют новую позицию нашей партии, чтобы подорвать германо-советские отношения. Эту же цель преследуют и англофильские лидеры у нас, пытаются установить контакт с партией. Наши действия не должны вредить мирной политике СССР. Позиция ЦК по отношению к англофильской оппозиции является неясной и колеблющейся. Предложение о едином фронте с ней ошибочно..."¹⁰ Спустя несколько дней, 27 сентября 1940 г., Загранбюро посылает в Софию шифротелеграмму, в которой говорится: "Изучение полученных печатных документов за последние месяцы еще больше укрепило наше мнение, что вы идете ошибочным путем. Ваша односторонняя невыдержанная и нереалистичная позиция особенно ярко выражена в августовском воззвании..." В конце шифротелеграммы недвусмысленно предлагается "обсудить всесторонне позицию партии и срочно исправить ее тактику в соответствии с директивами Коминтерна"¹¹.

После некоторого сопротивления внутренних ЦК вынужден

был согласиться с критикой, и в конце сентября 1940 г. БРП снова меняет свою внешнеполитическую линию. Теперь это опять борьба на два фронта, против двух воюющих стран — Англия и Германии. Новая партийная платформа ориентировала БРП на исключительно самостоятельные действия, без со-
взе с другими политическими силами в борьбе за мир и демократические свободы. В тот момент (а это был конец 1940 г., когда уже четко определилась прогерманская ориентация болгарского правительства) новая платформа БРП была, конечно, неверной, не соответствовала реальному развитию событий как внутри страны, так и на международной арене. Это наглядный пример того, как неправильные установки Коминтерна в 1939–1940 гг., полностью зависящие от внешней политики СССР, оказывали негативное, тормозящее действие на развитие антифашистской борьбы в отдельных странах на первом этапе второй мировой войны. Болгарские коммунисты в конкретных условиях своей страны в своей практической деятельности пытались скорректировать навязанную им политическую линию и проводить работу, действительно отвечающую требованиям момента.

Примечания

1. Цит. по: Сирков Д. Внешняя политика на България 1938–1941. София, 1979, с. 128.
2. См. например: История на България, т. III. София, 1964; Валев Л. Б. Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964; Вознесенский В. Д. Царь Борис, Гитлер и легионеры. — Новая и новейшая история, 1971, № 1, 2, и др.
3. См.: Генчев Н. Внешняя политика на България през началния период на Втората световна война (1939–1941). — Годишник на Софийския университет. Фил.-ист. факт., т. XIII, кн. III, София, 1971; Димитров И. Болгарската демократична общественост, фашизмът и войната. 1934–1939. — Годишник на Соф. университет, Фл.-ист. фак., т. XIV, ч. 2.
4. Сирков Д. Указ. соч., т. II.
5. Там же, с. 327.
6. Цит. по: Валев Л. Б. Указ. соч., с. 139.
7. См. например Колкер Б. М. Попытка создания балканского "нейтрального" блока в начале второй мировой войны. — В: Балканский исторический сборник. Вып. II, Кишинев, 1970.
8. См.: Сирков Д. Указ. соч., с. 185.
9. ЦПА ИМЛ, ф. 495, оп. 74, д. 74а, л. II–13.
10. Там же, исх. 1940, д. II, л. 98–99.
11. Там же, л. 101.

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

История советско-югославских отношений в начале второй мировой войны уже давно является предметом серьезных научных исследований ученых различных стран: В.Винавера, К.Манчева, А.Л.Нарочницкого, Н.Д.Смирновой и других¹. Хроника событий и основные факты, связанные с установлением советско-югославских дипломатических отношений в 1940 г., хорошо известны. Тем не менее, целый ряд вопросов еще нуждается в дополнительном изучении: какова роль советско-германского пакта 23 августа 1939 г. в развитии советско-югославских отношений; каковы основные факторы, повлиявшие на решение правящих кругов Югославии пойти на нормализацию отношений с Советским Союзом, почему дипломатические отношения были установлены именно летом 1940 г.; каковы характерные особенности политических и экономических отношений между двумя странами с лета 1940 г. Ставшие лишь недавно доступными для исследователей некоторые материалы советских архивов позволяют значительно углубить и расширить наше представление об истории советско-югославских отношений в начале второй мировой войны и тем самым способствовать изучению политики СССР на Балканах в целом.

Вторая мировая война разорвала основные пружины проводимого ранее внешнеполитического курса Югославии: германо-италийские противоречия в Средней и Юго-Восточной Европе, на которых успешно играла Югославия в середине 30-х годов, теряют свое значение, уступая место полной гегемонии гитлеровской Германии. Опрокинуты надежды на достижения англо-германского компромисса во имя "объединения" Европы против Советского Союза, на который особенно рассчитывал принц-регент Павел, направлявший внешнеполитический курс страны. Заключен советско-германский пакт — югославские правящие круги сталкиваются с новой расстановкой сил на международной арене: "союзнические" отношения между Германией и СССР и враждебные отношения между Германией, с одной стороны, и

Францией и Великобританией, с друкой.

Югославия оказалась практически в полной изоляции, зажатая "в клещи" между Италией и Германией, осложнились ее отношения с соседними Венгрией и Болгарией. Серьезное ухудшение международного положения страны вызывало необходимость пересмотра внешнеполитических ориентиров. Привычная политика балансирования не дает гарантий против возможной экспансии со стороны "дружественных" Югославии Германии и Италии. На помощь западных держав рассчитывать не приходилось — они сами испытывали значительные трудности и, понимая неизбежность столкновения германских и итальянских интересов в Югославии, они не пошли на предоставление ей гарантий². Советско-германский пакт вызвал колебания в отношениях между Италией и Германией, что в определенной степени ослабило угрозу итальянской агрессии против Югославии. СССР выступал против вовлечения балканских стран в мировой конфликт, стремился не допустить изоляции Болгарии и Югославии, укрепить их решимость оказать сопротивление натиску Германии и сохранить нейтралитет. Вот почему Белград больше не может продолжать игнорировать Советский Союз как фактор международной политики, тем более, что Германия, этот "великий сосед" и "друг" Югославии, находится чуть ли не в союзнических отношениях с СССР.

Внешняя политика Югославии в начале войны приобретает новые характерные особенности: 1) нейтралитет; 2) стремление ничем не вызвать раздражение Германии и Италии, укрепление "дружбы" с ними; 3) анемичные отношения с западными державами в рамках объявленного нейтралитета; 4) урегулирование отношений с СССР как с потенциальным союзником "дружественной" Югославии Германии.

"Главные линии нашей внешней политики это: во-первых, независимость от блока великих сил, невмешательство в их конфликты и нейтралитет в случае осложнений, во-вторых, хорошие отношения со всеми странами, и соответственно с двумя великими соседними державами Германией и Италией", — отмечалось в специальной инструкции министерства иностранных

дел Югославии для средств массовой информации страны³. В пользу этой политики, провозглашенной правительством Д. Цветковича — В. Мачека, образованным 26 августа 1939 г., выступили бывшие лидеры буржуазного оппозиционного блока: представители Независимой демократической, Земледельческой партий и некоторых других, которые наряду с деятелями Хорватской крестьянской партии входили в состав правительственного кабинета. Для обеспечения поддержки своего внешнеполитического курса внутри страны правящие круги пытались убедить общественное мнение в том, что "Балканам ничего не угрожает", насаждали иллюзии об отсутствии принципиальных различий между западными державами и фашистскими государствами⁴.

Запрещенная и поставленная вне закона, бойкотируемая всеми буржуазными партиями, коммунистическая партия Югославии требовала создания "действительно демократического", "антиимпериалистического и антивоенного" правительства, которое, обеспечив полную свободу народам Югославии и опираясь на СССР, сможет "гарантировать ей мир и прогресс"⁵. Сделав вывод о том, что в сложившихся условиях в интересах народов Югославии избежать вовлечения в войну, КПЮ разоблачала пагубность политики правящих кругов, которая неизбежно вела к экономическому и политическому подчинению Югославии фашистскими державами, разъясняла советско-германский пакт как соглашение в духе последовательной миролюбивой политики Советского правительства, выступала за скорейшее заключение договора о взаимопомощи с СССР, доказывала, что балканским народам удастся спастись от военной катастрофы только благодаря Советской стране⁶.

Требование КПЮ об установлении дипломатических отношений с Советским Союзом находило отклик не только среди трудящихся масс, широких кругов демократической общественности, но и сторонников бывших оппозиционных партий, разочарованных реакционной политикой своих лидеров, а также у отдельных представителей правящей верхушки. Так, 20 сентября 1939 г. с заявлением о необходимости нормализации отноше-

ний с Советским Союзом выступил заместитель премьер-министра В.Мачек, отметивший, что принц-регент Павел не желает этого⁷. Известно однако, что именно в эти дни Павел подолгу беседовал со своим давним другом В.Н.Штрандтманом, бывшим советником посольства царской России, который в конце концов снял двуглавого орла с дверей посольства и объявил, что больше не является представителем уже давно не существующего правительства⁸.

Осенью 1939 г. общественное мнение Югославии, по свидетельству иностранных наблюдателей, было охвачено идеей союза с СССР⁹. В правительственных кругах и в прессе западноевропейских стран получило распространение мнение, что "Югославия стоит на пороге признания Советского Союза"¹⁰. В первых числах сентября 1939 г. перспективы советско-югославских отношений неоднократно обсуждались в беседах советского посла в Лондоне И.М.Майского с югославскими дипломатическими представителями, которые особенно интересовались достоверностью поступающей в Белград информации о якобы достигнутой между Германией и Советским Союзом тайной договоренности о разделе сфер влияния на Балканах (согласно телеграмме из Вашингтона с ссылкой на МИД США, Югославия будто бы была признана немецкой зоной влияния)¹¹. Советский посол, не погрешив против истины, заверил, что никакого раздела сфер влияния на Балканах не было, напомнил о вековых традициях дружбы и взаимопомощи между югославянскими народами и Россией¹². Отметим, что в справке о рынках для закупки стратегического сырья, составленной в НКВТ в сентябре 1939 г., Югославия упоминается как потенциальный поставщик для СССР меди, свинца и т.п.¹³.

Югославский дипломатический представитель в Лондоне 18 сентября 1939 г. сообщил о предложении турецкого посла в Великобритании использовать для переговоров об установлении дипломатических отношений в СССР визит в Москву министра иностранных дел Турции. По мнению турецкого дипломата, Югославии необходимо как можно скорее решить этот вопрос¹⁴. 30 ноября 1939 г. югославский министр торговли и промышленности

И.Андерс подписал документ, удостоверявший, что по указанию его министерства в Москву направляется Горичар с целью изучения возможности торговли между СССР и Югославией, "принимая во внимание потребности югославского рынка в отношении нефти и нефтепродуктов"¹⁵.

Югославское правительство не воспользовалось турецким предложением о посредничестве осенью 1939 г., выступило с опровержением сообщений иностранной прессы о предстоящем признании СССР, не состоялась и поездка И.Горичара в Москву с целью зондажа налаживания советско-югославских торговых контактов. Делая ставку на свою линию "лабиринтов", официальный Белград не пошел на нормализацию отношений с СССР осенью 1939 г. из-за опасений негативной реакции как со стороны Италии, развернувшей в ноябре 1939 г. шумную антисоветскую кампанию, так и со стороны Великобритании и Франции, которые в этот период проводили враждебную политику в отношении СССР, особенно усилившуюся во время советско-финской войны. Югославское правительство посмело заявить, что "не существует и невозможно какое-либо влияние СССР ни на внутреннюю, ни на внешнюю политику Югославии"¹⁶.

Только к весне 1940 г. в позиции югославского правительства по вопросу о нормализации отношений с Советским Союзом начинают появляться новые моменты, во многом вызванные осложнением югославо-итальянских отношений. Вопреки усилиям правящих кругов Югославии не предпринимать никаких действий, которые могли бы вызвать раздражение в Риме, "именно зимой и весной 1940 г. Италия была более чем когда-либо полна решимости добиться осуществления своих экспансионистских замыслов в отношении Юго-Восточной Европы"¹⁷. Официальные заверения Италии в ее стремлении "развивать сердечные отношения" с Югославией носили формальный характер: итальянский генштаб планировал нападение на Югославию в апреле 1940 г., считая предпочтительнее начать самостоятельную "малую войну", а не операции широкого плана на стороне немцев¹⁸.

Об усилении угрозы Югославии со стороны Италии в Белград сообщали Турция и Греция, а также Франция и Великобритания, которые однако ясно дали понять, что оказать непосредственную помощь не в состоянии (политика союзных держав в этот период была направлена на обеспечение нейтралитета Италии)¹⁹.

Не приходилось ждать помощи и от союзников по Балканскому пакту, которые на своей последней сессии в феврале 1940 г. подтвердили политику нейтралитета, однако не предусмотрели никаких гарантий для ее обеспечения, не приняли принципа коллективной безопасности²⁰.

Осудив реальную опасность вовлечения Югославии в войну Италией, югославские правящие круги предприняли шаги к некоторому сближению с СССР, рассчитывая, что это будет способствовать предотвращению возможного итальянского вооруженного вмешательства на Балканах, создаст новые возможности для политики "балансирования" и укрепит положение правительства внутри страны. Кроме того, в Белграде надеялись с помощью советских поставок стали, чугуна, нефти и хлопка поправить поистине критическое положение, сложившееся в югославской экономике вследствие континентальной блокады Англии, отрезавшей Югославию от традиционных источников сырья.

9 февраля 1940 г. в Москву приехал эмиссар министра торговли и промышленности Югославии И. Горишар, который посетил НКВТ и попросил о встрече с ответственными работниками наркомата с целью обсуждения возможностей налаживания торговых отношений между СССР и Югославией. Он подчеркнул, что в Югославии многие фирмы интересуются советскими товарами. Показалось ли работникам НКВТ его гарантийное письмо от 30 ноября 1939 г. устаревшим или он слишком поспешно покинул Москву — встреча с представителями советского руководства не состоялась²¹. Налаживание советско-югославских отношений пошло по дипломатическим каналам. Инициативу проявила югославская сторона, сообщив через советского полпреда в Турции о своем желании напра-

вить в СССР официальную торговую делегацию для переговоров с Советским правительством об установлении экономических связей между двумя странами. Советское правительство согласилось вести переговоры "для создания нормальных экономических отношений между СССР и Югославией", приняло программу, предложенную югославской стороной в качестве основы для ведения переговоров, включавшую пункты о принципе наибольшего благоприятствования в отношении пошлин и сборов, тарификации и классификации товаров, транзите и другие²².

В телеграмме министра иностранных дел Югославии Цинцар-Марковича послу в Анкаре Шуменковичу пояснялось, что контакты с СССР для заключения торгового договора вызваны нехваткой сырья, испытываемой Югославией в условиях континентальной блокады: "Советскую Россию мы рассматриваем как поставщика нефти и хлопка. Для вашей личной информации сообщаю, что это еще не значит восстановления регулярных дипломатических отношений..."²³ Аналогичные объяснения МИД Югославии давал в Берлине и Риме²⁴.

18 апреля 1940 г. югославская общественность узнала из печати о начале переговоров по заключению торгового договора между Советским Союзом и Югославией. 11 мая 1940 г. в Москве был подписан договор о торговле и мореплавании, а также соглашение о товарообороте и платежах на 1940-1941 гг.²⁵

Общий товарооборот между двумя странами предусматривался в размере 176 млн. динаров, при том, что за весь предшествующий период югославский импорт из СССР не превышал 50 млн. динаров, а экспорт в СССР составлял около 8 млн. динаров²⁶. Советский Союз предполагал импортировать из Югославии медь, концентраты свинцовой и цинковой руды, некоторые виды продовольствия и другие товары и поставлять Югославии сельскохозяйственные и иные машины, керосин, хлопок, медикаменты и прочее. Югославская делегация подняла вопрос о возможности поставок из СССР военных материалов, самолетов, тяжелой артиллерии, танков, горючего. Советская сторона согласилась рассмотреть этот вопрос²⁷.

Во время переговоров с югославской делегацией Советское правительство выразило пожелание как можно скорее установить между двумя странами дипломатические отношения, подчеркнув, что СССР готов к самым тесным контактам с Югославией²⁸. Однако в Белграде не торопились идти навстречу этим пожеланиям. После ратификации торгового договора для обмена ратификационными грамотами в Белград прибыл советский полпред в Болгарии А.И.Лаврентьев, который в беседе с А.Цинцар-Марковичем подчеркнул миролюбивый характер советской внешней политики и подтвердил стремление СССР сохранять мир и статус-кво на Балканах²⁹. "Конкретно же, - отметил советский полпред, - политика Советского Союза определится, исходя из тех обстоятельств, которые сложатся, основываясь при этом на интересах Советского Союза"³⁰. Во время встречи с А.И.Лаврентьевым премьер-министр Цветкович затронул вопрос о возможности приобретения в Советском Союзе оружия. Лаврентьев ответил, что это вопрос будущего и относится к области конкретных связей и конкретных торговых операций³¹. Советского полпреда извлекло желание принять и принц Павел, хотя этот визит не предусматривался программой. В своем дневнике А.И.Лаврентьев отметил, что Павел не смог скрыть свой страх перед угрозой итальянского нападения на Югославию³². Советский полпред обратил внимание, что ни югославский министр иностранных дел, ни премьер-министр не поднимали вообще вопрос об установлении дипломатических отношений с Советским Союзом. Лишь Павел весьма осторожно сформулировал перспективу развития советско-югославских отношений³³.

Стремительное майское наступление немецко-фашистских войск в Западной Европе вызвало серьезное беспокойство в Югославии, особенно в связи с усилением стремления Италии, опасавшейся опоздать к дележу добычи, укоротить осуществление своих агрессивных планов. В Югославию поступали сведения о демонстрациях в Риме под скандирование "Далмация". В стране резко возросли антиитальянские настр-

роения, особенно широко охватившие армию. Была проведена частичная мобилизация. Не вносили успокоения сведения, поступающие по дипломатическим каналам о том, что Германия считает в настоящий момент весьма желательным удерживать Балканы от вовлечения в военный конфликт, и Италия не предпримет наступления на Югославию³⁴.

Обострение международной обстановки, которая крайне ограничивала возможности политики "балансирования", а также давление широких кругов югославской общественности вынуждали официальный Белград идти на дальнейшие шаги по нормализации отношений с СССР.

13 мая 1940 г. А.Цинцар-Маркович обратился к союзникам по Балканскому пакту с целью выяснения их позиции в случае нападения на Югославию Германии или Италии³⁵, а югославскому послу в Анкаре было дано указание узнать через советского полпреда, согласно ли Советское правительство поставлять Югославии оружие и военную технику³⁶. 21 мая Шуменкович получил инструкцию "испытаться конфиденциально через советского посла выяснить мнение СССР о защите Балкан, особенно в случае нападения Италии"³⁷. В своей телеграмме в МИД о беседе с советским полпредом в Анкаре Шуменкович отмечал, что Советский Союз хочет мира и выступает за сохранение существующего положения на Балканах, т.е. против вовлечения в войну Югославии. Югославский посол уведомлял также о готовности Советского правительства обсудить вопросы, представляющие взаимный интерес, о предотвращении агрессии на Балканах в случае установления нормальных дипломатических отношений³⁸.

В начале июня 1940 г. югославские власти в строго секретном послании через своего посла в Турции сообщили о желании установить с 24 июня 1940 г. дипломатические отношения с СССР³⁹. Советское правительство приняло это предложение без каких-либо предварительных условий, отметив, что оно соответствует его собственному желанию и отвечает интересам обеих стран. 25 июня 1940 г. последовало соответствующее официальное сообщение⁴⁰.

Многочисленные манифестации под лозунгом "За дружбу и союз с СССР" прошли в Белграде в связи с приездом в Югославию первого советского полпреда В.А.Плотникова. Первый заместитель министра иностранных дел Югославии Смилянич заявил Плотникову: "Если бы не были приняты меры, в день вашего приезда собралось бы сто тысяч человек"⁴¹. Из тюрем еще не были выпущены участники майских демонстраций в связи с приездом А.И.Давренцева, а благодаря "принятым мерам" к ним присадились сотни вновь арестованных. В своем отчете в НКВД советский полпред отмечает, что широкое и открытое проявление симпатий к СССР среди югославской общественности вызвало растерянность властей. "Народ вздохнул с облегчением, — писала газета ЦК КПЮ "Пролетер", — как будто с души его упал камень, который давил его двадцать лет"⁴².

Множество писем и телеграмм пришло М.Гавриловичу с поздравлениями по случаю его назначения в Москву с выражением благодарности и удовлетворения в связи с установлением дипломатических отношений с СССР. "...Мы верим, мы убедим наших русских братьев, что в отчуждении от них не виноват честный югославский народ, виноваты антинародные режимы, против которых мы мужественно боролись, — писали учителя и крестьяне из города Карловца"⁴³. "В то время, когда человечество переживает тяжелый момент, когда югославский народ устремляет свой взор на Восток, ожидал гарантий своей свободы, ваше назначение послом в Москву радостно отзывалось в сердцах всех югославов, — отмечалось в другом письме"⁴⁴.

Свое одобрение нормализации отношений с СССР выразила практически вся югославская пресса. Однако, если представители прогрессивной демократической общественности, и прежде всего КПЮ, рассматривали установление дипломатических отношений с СССР как необходимый шаг для последующего заключения с ним пакта о взаимопомощи, считая, что в сложившейся международной обстановке Югославия должна опереться на Советский Союз, то официальные круги отмечали, что установление отношений с СССР не означает изменения внешнеполи-

тического курса Югославии, речь идет лишь о формальном акте признания. При этом особо подчеркивалось, что этот шаг не направлен против какого-либо государства⁴⁵. Такие заявления были рассчитаны не только на то, чтобы погасить воодушевление югославской общественности в связи с нормализацией отношений с СССР, но прежде всего были призваны смягчить негативную реакцию Рима, для которого сближение Югославии с Советским Союзом явилось неприятной неожиданностью⁴⁶.

Италия опасалась, что поддержка Советского Союза "усилит самоуверенность Югославии и сделает ее менее податливой влиянию Рима"⁴⁷. Недовольство Рима подогревали распространившиеся в мировой печати заявления о том, что нормализация советско-югославских отношений — это откровенная попытка Белграда заручиться советской поддержкой против Италии для сохранения мира на Балканах⁴⁸. Английские и французские дипломаты высказывали предположение о возможном создании в скором времени объединенного фронта трех славянских государств: СССР, Болгарии и Югославии, который "мог бы заставить с собой считаться потенциального агрессора"⁴⁹. В подтверждение мысли о складывавшемся славянском блоке в дипломатических кругах Рима циркулировали слухи о том, будто посредником в нормализации советско-югославских отношений была Болгария⁵⁰. В действительности Болгария посредником не была, хотя и оценила установление дипломатических отношений между СССР и Югославией как "значительный и мудрый политический акт"⁵¹. Западная печать единодушно отмечала, что заявления об отсутствии агрессивных намерений в отношении Балкан, прозвучавшие в речи Муссолини по поводу вступления Италии в войну, были адресованы прежде всего Советскому Союзу, а не балканским государствам⁵².

Если негативная реакция Италии в связи с советско-югославским сближением не стала неожиданностью для политических кругов европейских стран, поскольку она прогнозировалась заранее, то в оценке позиции Германии была заметна неопределенность. Свою роль здесь сыграли заявления диплома-

тических представителей Германии, которые не только не скрывали своего удовлетворения в связи с началом советско-югославских торговых переговоров, но и давали понять, что дело не обошлось без посредничества Берлина, подчеркивали, что инициатива Югославии — это "ответ последним попыткам англо-французского блока перенести и на Балканский полуостров экономическую войну против Германии"⁵³. Однако довольно скоро недовольство и озабоченность гитлеровской Германии в связи с развитием советско-югославских отношений стали очевидны. Получил известность тот факт, что германский посол в Москве Шуленбург в беседе с представителями югославской торговой делегации выразил свое негодование по поводу их приезда в СССР⁵⁴. Будучи свидетелем народных манифестаций в Белграде в день приезда советского полпреда, германский посланник сообщил в Берлин, что установление советско-югославских отношений явилось поддержкой для значительной части югославской общественности, которая симпатизирует русским⁵⁵. Представителей Германии и Италии очень обеспокоило стихийное, массовое возникновение во многих югославских городах оргкомитетов Общества друзей СССР, которые, не дожидаясь официального разрешения, производили запись членов. Так, в Любляне кандидатами в члены Общества друзей СССР записалось около 20 тысяч человек. Германский и итальянский консулы потребовали от югославских властей выдачи списков записавшихся и это требование было выполнено⁵⁶. О негативной реакции гитлеровской Германии в связи с нормализацией отношений между СССР и Югославией сообщала французская и английская пресса⁵⁷.

Реакция Германии вызвала тревогу правящих кругов Югославии. Через дипломатические каналы были предприняты усилия добиться подтверждения доверия Берлина к югославскому правительству. 17 июля 1940 г. югославский посол в Турции с удовлетворением сообщал своему министру иностранных дел о результатах беседы с фон Папенем, который в ответ на открытый вопрос Шумепковича об отношении Берлина к югославскому кабинету заверил, что принц-регент Павел и Цинцар-

Маркович пользуются "полным доверием официальных лиц в Германии"⁵⁸. Югославский посол в Берлине убеждал германских представителей, что Югославия готова на сотрудничество с СССР лишь потому, что существует пакт между СССР и Германией, а сам премьер Цветкович заявлял, что, если придется выбрать между Германией и Советским Союзом, то он выберет бы фашистскую Германию⁵⁹.

Интансь ликвидировать тот эффект, который был вызван установлением советско-югославских отношений, гитлеровская дипломатия развила активную деятельность, с тем чтобы представить Германию защитницей Югославии от итальянской угрозы, опасность которой всячески преувеличивалась⁶⁰. Полагая, что для "решения югославской проблемы еще не пришло время", Германия продолжала укреплять свое господство "мирным путем", тем более, что югославские правящие круги гарантировали ее экономические интересы. Так, в мае 1940 г. был подписан секретный протокол в дополнение к договору от 8 сентября 1939 г. По этому поводу германский посол в Белграде сообщал в Берлин, что поставки металлов и руды в Германию по условиям нового соглашения гарантированы и будут увеличены до такой степени, чтобы исчерпать имеющуюся с югославской стороны задолженность⁶¹.

Превращение Югославии в поставщика сырья и сельскохозяйственной продукции для фашистской Германии означал дополнительный протокол к германо-югославскому торговому договору, подписанный в октябре 1940 г. Английская печать оценила это соглашение как открытое вымогательство со стороны Германии, которая приобрела монопольное право на югославский экспорт. С озабоченностью комментировались в Лондоне слова югославского министра иностранных дел о том, что между Югославией и Германией "помимо сотрудничества в области торговли развивается и политическое сотрудничество"⁶². Было очевидно, что экономическое закабаление Югославии сопровождалось усилением политического натиска Германии, которая пока что настоячиво "приглашала" Югославию принять участие в создании фашистского "порядка" на Балка-

нах. Правящая верхушка Югославии склонялась к принятию этого "приглашения". Как отмечала 3 конференция КИД (октябрь 1940 г.), предательские и капитулянтские элементы в правительстве и вне его открыто действуют в пользу держав "оси", торгуют независимостью страны, ведут яростную кампанию против СССР⁶³.

В Югославии было запрещено создание Общества друзей СССР, по приказу властей разгоняли и арестовывали участников манифестаций, проходивших под лозунгами за дружбу и союз с СССР, заподозренных в симпатиях к СССР, увольняли с работы, тысячи коммунистов и патриотов были брошены в тюрьмы и концлагеря. Распоряжением принца-регента Павла было распущено Центральное управление общества резервных офицеров и военных Югославии из-за того, что его руководство призывало своих членов бороться за сближение с Советским Союзом⁶⁴. Советских людей не могли не беспокоить факты сгонения против тех, кто выражал дружественные чувства к СССР. В письме НКВД советскому полпреду в Белграде рекомендовалось посоветовать югославским друзьям создавать не общество дружбы с СССР, а общество культурных связей⁶⁵. Однако и его организовать не удалось. Если в первое время после установления советско-югославских отношений в югославской прессе было сравнительно мало антисоветских выступлений, стали продаваться учебники русского языка, появились брошюры о Советском Союзе, были изданы некоторые произведения русских и советских писателей, то вслед за окриком из Берлина югославские власти отдали распоряжение редакторам газет не публиковать позитивных материалов об СССР, было конфисковано издание советской конституции на сербско-хорватском языке⁶⁶.

На оправдались надежды белградской верхушки поправить экономическое положение Югославии с помощью советских поставок необходимого сырья. Германия до предела сузила возможности Югославии распоряжаться своими природными богатствами. К моменту приезда в Белград советского торгпредства в августе 1940 г. все имевшиеся запасы меди, олова, свинца,

бокситов, в закупке которых прежде всего был заинтересован Советский Союз в обмен на хлопок и нефтепродукты, были "закуплены" Германией, а самые значительные рудники с лихорадочной поспешностью превращены в германские предприятия и поставлены под надзор германского генконсула. Югославское правительство запретило частным фирмам непосредственно заниматься торговлей с СССР, торговые сделки можно было заключать только через Дирекцию внешней торговли⁶⁷. Кроме того, слишком затянулся подготовительный период в деятельности соответствующих советских внешнеторговых организаций. Только в апреле 1940 г. в отделе торговых договоров НКВТ появился референт по Югославии, крайне медленно велась подготовка необходимых материалов, отсутствовала информация о развитии народного хозяйства и внешней торговли Югославии. Таким образом, успехи в развитии советско-югославских торговых отношений были более чем скромные. С марта до октября 1940 г. от различных фирм Югославии поступило в СССР 20 запросов, касавшихся поставок нефтепродуктов, ни один из них удовлетворен не был⁶⁸. Из 43 запросов, касавшихся продукции Техноэкспорта, было удовлетворено только 5.⁶⁹ В течение лета 1940 г. в СССР поступили лишь незначительные партии меди и ферросплавов (на Советский Союз приходилось 0.14 % югославского импорта)⁷⁰.

Заинтересованный в сохранении мира и статус-кво на Балканах Советский Союз со своей стороны стремился не допустить осложнений в отношениях с Югославией. Так, когда в августе 1940 г. советский полпред в Белграде запросил НКВД о целесообразности общего представления по поводу запрещения деятельности белогвардейских организаций в Югославии, из Москвы поступило указание не предпринимать такого шага. В письме В.А.Плотикину подчеркивалось, что такое требование может создать трудности в советско-югославских отношениях, в чем Советский Союз не заинтересован⁷¹.

СССР болезненно реагировал на нарастание перевеса сил в пользу фашистской "оси" на Балканах. Об этом свидетельствует, в частности, крайне негативная реакция советской

дипломатии на заявление югославского правительства, прозвучавшее 27 августа 1940 г. о том, что для Югославии "дружба с Италией и Германией носит не конъюнктурный характер, а отражает общность их коренных интересов". А ведь правительство Цветковича практически повторило формулировку В.М.Молотова о советско-германских отношениях из его речи на УП сессии Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. Пассивность советско-югославских отношений была обусловлена тем, что с оглядкой на Берлин действовало не только югославское правительство, но и советское руководство, которое стремилось ничем не спровоцировать обострение отношений с Германией, максимально отодвинуть вступление в войну Советского Союза. В условиях усиления политического натиска фашистской Германии Югославия могла рассчитывать лишь на моральную поддержку СССР.

Примечания

1. Винавер В. Сполнополитичка позадина успоставлана угословенско-советских дипломатских односа 1940 г./Zbornik za drustvene nauke Matice sipske navi Sad. T. 45. Там же: Неудспех тајних угословенско советских преговора 1934-1938 гг./Zbornik za istoriju. Novi Sad. 1971, т.3. Манчев К. Борба трудящихся Югославии за пакт о взаимопомощи с СССР (сентябрь 1939 - апрель 1941). Etudy balkaniques, Sofia, 1966, т.5. Нарочницкий А.Д. Советско-югославский договор 5 апреля 1941 г. о дружбе и ненападении (по архивным материалам). - Новая и новейшая история, 1989, № 1; Смирнова Н.Д. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории. 1936-1941. М., 1969.
2. Волков В.К. Некоторые аспекты предвоенного политического кризиса 1939 г. в Европе. (Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы). М., 1989, с.4.
3. Дипломатски архив Савезног Секретари ата за иностране послове, Београд (далее - ДАСНИП), посланство у Лондону (далее - ПЛ), 1939, фас. Ц, № 1338, с.1.
4. Там же, с.2.
5. Broz Tito J. Borba i razvoj KPJ izmet u dva rata. Beograd 1977. S.43.
6. Манчев К. Указ.соч., с.33.
7. Винавер В. Сполнополитичка позадина..., с.14.
8. Balfour N. and Mackay S. Paul of Yugoslavia: Britain's Malignant friend. London, 1980. P. 199-200

9. Архив утослави е. Београд (далее - А), ф.37, фас.12, с.27.
10. ДАСИП, пл. 1939, фас. I, № 1502.
11. Там же, фас. III, № 1420.
12. Там же, № 1372.
13. ЦГАНХ СССР, ф.413, оп.13, д.2704, л.31.
14. ДАСИП, пл.1939, фас.III, № 418.
15. ЦГАНХ СССР, ф.413, оп.13, д.2768, л.11.
16. ДАСИП, пл.1939, фас.1, № 2018; Политика, 1939, 26 декабря.
17. Смирнова Н.Д. Указ.соч., с.158.
18. Там же, с.161.
19. Батлер Д. Большая стратегия. Сентябрь 1939 - июль 1941. М., 1959, с.81.
20. ДАСИП, Посланство у Турско (далее ПТ), 1940, ф.35, № 382; см.подробнее: Avramovski Z. Balkanska Antanta. Bgd., 1986
21. ЦГАНХ СССР, ф.413, оп.13, д.2768, л.10.
22. ДАСИП, пт.1940, фас.35, № 382, 456, 551.
23. Там же, фас.34, № 606.
24. Винавер С. Сполнополитичка позадина..., с.48.
25. Внешняя политика СССР. Сб.документов. М., 1946, т.IV, с.504.
26. Vinaver V. O jugoslovenskoj trgovini izmetu dva ra-
ta. / Pregled, Sarajevo, 1967, №1-2. S.93/
27. ДАСИП, пт.1940, фас.34, № 856, 1051.
28. Там же, № 987.
29. АВП СССР, ф.144, оп.2а, п.3, д.2, л.4.
30. Там же.
31. Там же, л.6.
32. Там же, л.7.
33. Там же, л.12.
34. Смирнова Н.Д. Указ.соч., с.162; ДАСИП, пт.1940, фас.34, № 726, 781.
35. ДАСИП, пт.1940, фас.36, № 848.
36. Там же, фас.34, № 856.
37. Там же, фас.35, № 887.
38. Там же, № 904, 905.
39. Там же, № 987.
40. Внешняя политика СССР, с.514.
41. АВП СССР, ф.144, оп.2а, п.3, д.2, л.21.
42. Пролетер, 1940, № 3-4.
43. ДАСИП, пт.1940, фас.36, 26.VI.1940.
44. Там же.
45. Време, 1940, 18 апреля; Самоуправа, 1940, 27 апреля.
46. Смирнова Н.Д. Указ.соч., с.173.
47. Централният държавен исторически архив на НРБ (да-
лее - ЦИА), ф.176, оп.7, а.е.1132, л.3.
48. ДАСИП, пт.1940, фас.34, № 765, 1068.
49. ЦИА, ф.176, оп.7, а.е.1132, л.3.
50. Там же.
51. ДАСИП, пл.1940, фас.1, № 978.

52. Тан, 1940, 18 июня.
53. ИИИА, ф.176, оп.7, а.е.1132, л.11.
54. ДАССИП, пт.1940, фас.34, № 637.
55. Смирнова Н.Д. Указ. соч., с.175.
56. АВП СССР, ф.144, оп.2а, п.3, д.2, л.34-35.
57. ДАССИП, пт.1940, фас.34, № 1068.
58. Там же, № 1185.
59. Винавер В. Югословенско-советский пакт от апреля 1941 г. / Istorijski glasnik, Beograd, 1973, N1 s. 44 /
60. ДАССИП, пл.1940, фас.1, № 1487; 1941, фас.1, № 174.
61. Гудакон В. Экономическая экспансия фашистской Германии в Югославии во второй половине 30 - начале 40-х годов XX века. - Советское славноведение, 1982, № 6, с.31.
62. ДАССИП, пл.1940, фас.1, № 1437.
63. Славин Г.М. О советско-югославском Договоре о дружбе и ненападении 1941 г. - Балканские исследования. Вып.9. М., 1984, с.233.
64. АВП СССР, ф.144, оп.2а, п.3, д.2, л.60.
65. Там же, л.40.
66. ЦГАНХ СССР, ф.413, оп.13, д.3015, л.40.
67. Там же, д.2793, л.122.
68. Там же, д.3015, л.34.
69. Там же, л.35.
70. Там же, л.40.
71. АВП СССР, ф.144, оп.2а, п.3, д.2, л.51-52.
72. Там же, ф.0144, оп.23, д.16, п.107, л.15.

ЕРЕМЕНКО М.Д.

БЕССАРАВСКИЙ ВОПРОС В ЛАБИРИНТАХ ДИПЛОМАТИИ 1940 г.

Начало второй мировой войны с нападением гитлеровской Германии на Польшу застало румынское правительство связанным определенными обязательствами перед своей союзницей - Польшей и западными странами. Официально объявив нейтралитет в первые же дни войны, оно фактически отказалось от выполнения своих договорных обязательств. В Бухаресте пытались объяснить принятое решение желанием избежать "осложнений с соседними странами". Особенности обстановки накануне и в начальный период войны явились для румынских правящих кругов дополнительным фактором, решающим образом повлиявшим на выработку такого курса внешней политики, в котором двойственная тактика "игры на двух столах" европейской дипломатии уступали место непосредственно прогерман-

ской ориентации. Определенным стимулом для переориентации Румынии стал разгром Польши на глазах ее западных гарантов и участие в этой акции Советского Союза при согласии с Германией. Так начал осуществляться советско-германский договор, заключенный 23 августа 1939 г., затем последовал период "странной войны" на Западе, в конце года вспыхнул советско-финский вооруженный конфликт, — с учетом новой ситуации румынскому руководству предстояло осмыслить внешнеполитическое положение страны и ее роль в регионе.

Имеющиеся документальные данные свидетельствуют, что с конца 1939 г. официальные круги Румынии неоднократно пытались прозондировать в европейских столицах возможность получить защиту в случае угрозы территориальных притязаний со стороны Венгрии, Болгарии и особенно Советского Союза, в отношениях с которыми доминировали спорные территориальные вопросы. В этой связи весьма показательным был блц — зондаж румынской стороны по поводу ставшего ей известным настораживающего факта о том, что 5 декабря 1939 г. заместитель народного комиссара В.Потемкин в беседе с французским послом в Москве обратил внимание последнего, что с потерей Бессарабии Одесса — "мертвый порт" и что в новых международных условиях советское правительство к этой проблеме не может относиться безучастно. В полученном сообщении о такой реплике, высказанной Москвой, румынские официальные круги усмотрели прямое предупреждение в свой адрес относительно Бессарабии. Незамедлительно последовало обращение к германскому послу в Румынии Фабрициусу в попытке добиться прояснения позиции Берлина, которому вопрос был поставлен таким образом, что Румыния в случае вооруженного конфликта с СССР не сможет поставлять рейху нефть и зерно, однако она не стала бы обращаться за помощью к Англии и Франции в надежде на понимание Германии, чтобы не создавать "трудности в румыно-германских отношениях".

Фабрициус тотчас же обратился за разъяснениями в Берлин, подчеркивая в своем донесении, что покровительство Румынии в бессарабском вопросе "могло бы обеспечить длительное влия-

ние Германии" на эту страну. Однако в ответ МИД Германии посоветовал воздерживаться от любых заявлений и даже частных разговоров по этому вопросу¹.

Тогда же в середине декабря 1939 г. британский посланник в Бухаресте Хор довел до сведения МИД Румынии позицию Великобритании, которая оставляла возможность выполнения со своей стороны гарантийных обязательств Румынии целым рядом дополнительных условий: при том, что "Турция немедленно придет на помощь Румынии" и если "не будет опасности оппозиции со стороны Италии", то новая ситуация будет "рассмотрена совместно с французским правительством, чтобы определить тот вклад", который Лондон был бы способен "вносить в защиту Румынии"².

Упомянутое в английском заявлении Турции и Италии было воспринято Бухарестом с пониманием: румынские дипломаты отправились в Рим и Анкару для проведения прямых консультаций по выдвинутым Лондоном условиям. Кстати, такие демарши предпринимались с согласия Германии, руководящие круги которой находились в курсе всех колебаний румынской политики и до поры не возражали скорее всего из-за нежелания преждевременно осложнять отношения как на Западе, так и на Востоке. Целью рейха в "румынском вопросе" было наибольшее экономическое подчинение, обладание стратегическими ресурсами, а поэтому необходимо было удерживать Румынию от конфликтов, но так, чтобы не связывать ее гарантированными политическими узами.

Зимой 1940 г. румынское правительство проводило и неуспешно переговоры с Турцией относительно ее согласия оказать помощь в случае "русской угрозы". Такие же переговоры состоялись в Риме с министром иностранных дел Италии Чиано, они закончились подписанием совместного соглашения в марте 1940 г. Итальянское руководство рекомендовало Румынии проявить "твердость" в отношениях с СССР и обещало оказать ей "полную поддержку" ради сохранения "первого барьера против большевизации Балкан"³.

Заверения в поддержке, полученные Румынией с противопо-

ложных сторон европейской политики, настраивали королевское правительство на проявления откровенно воинственной позиции в отношении СССР, к тому же определенным стимулом для румынской стороны являлась и советско-финская война, в которой малая страна продемонстрировала решимость и способность сопротивления великому соседу. В этот период обострилась обстановка на советско-румынской границе: румынская сторона накапливала здесь войска, завершала строительство оборонительного вала по образцу "линии Мажино", по несравнимую с ней по мощи укреплений в Бухаресте называли именем короля "линией Кароля".

Советские официальные круги в течение зимы 1940 г. заявляли протесты Румынии в связи с пограничными провокациями и отдельными антисоветскими высказываниями Кароля и членов его окружения с претензиями не только на Бессарабию, но и с призывами к будущему "освобождению братьев-молдаван" левобережной Молдавии и юга Украины. Более твердо позиция СССР прозвучала в докладе на сессии Верховного Совета 29 марта 1940 г.: "У нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного вопроса, вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя и никогда не ставил вопроса о возвращении Бессарабии военным путем"⁴.

В МИД Румынии это заявление в докладе В.М.Молотова было воспринято как "угрожающий симптом". В течение двух последующих дней представители румынского руководства неоднократно встречались с членами германской миссии в Бухаресте в расчете получить успокоительные заверения в обмен на подтверждение курса благоприятного румыно-германского сотрудничества. Так 1 апреля 1940 г. Фабрициус сообщал в Берлин о том, что разные политические силы руководящих кругов Румынии готовы придерживаться "равнения на Германию" до тех пор, пока они верят в силу германского оружия⁵.

Сила этого оружия была в очередной раз продемонстрирована, когда в первые недели апреля германские войска оккупировали Данию и Норвегию, и "странная война" на Западе

грозила перерасти в реальный военный конфликт при главенствующей роли рейха в расстановке сил на европейской арене. С учетом развития ситуации на заседании румынского правительства 15 апреля Кароль II заявил, что Румыния должна присоединиться к "политической линии Германии" и предложил руководствоваться этим намерением в переговорах с Берлином⁵. Такие переговоры по разносторонним экономическим аспектам румыно-германского сотрудничества велись в рамках реализации известного договора 23 марта 1939 г., фактически поставившего экономику Румынии под контроль германского рейха. Но германские аппетиты росли, и прежде всего дипломатия Берлина стремилась обеспечить полное подчинение румынской нефтяной промышленности и сельскохозяйственных поставок Германии.

Поражение Франции произвело шокую реакцию в Бухаресте. В течение недели румынские правящие круги завершили подготовку и подписали с Германией так называемый "нефтяной пакт", обязав Румынию сразу на треть увеличить поставки нефти рейху. Румынский король не говорил больше о нейтралитете страны. МИД Румынии подготовил меморандум, в котором румынское правительство сообщало о своем желании развивать с Германией "тесное сотрудничество... не только в экономической, но и во всех прочих областях". Все точки над "Г" были поставлены во втором меморандуме, составленном лично Карлем II для Гитлера и переданном 20 июня 1940 г. В нем подчеркивалось, что "румынское правительство считает, что идентичность интересов, которые связывали две страны в прошлом, еще больше углубит их отношения завтра и требует быстрой организации этого сотрудничества, которое предполагает сильную в политическом и экономическом отношениях Румынию, ибо только такая Румыния явится гарантией того, что она сможет выполнять свою миссию стража на Днестре и в устьях Дуная"⁷.

Итак, к концу июня стало ясно, что королевская Румыния окончательно связывает судьбу с гитлеровской Германией и нетрудно было предвидеть возрастающую серьезную угрозу безопасности юго-западных границ СССР. В этих условиях СССР

не стал больше откладывать решение бессарабского вопроса.

23 июня 1940 г. Молотов передал через германского посла советское заявление германскому руководству о стремлении Советского Союза "разрешить бессарабскую проблему, не прибегая к силе, мирным путем..." Одновременно был поставлен вопрос и о части Буковины с преимущественно украинским населением. Молотов выразил уверенность, что германское руководство поддержит действия СССР, в свою очередь, он обещал, что "советское правительство сделает все от него зависящее, чтобы обеспечить интересы Германии в Румынии"⁸.

И в беседе в Москве, и при рассмотрении советского заявления в Берлине стороны ссылались на содержание договоренностей по советско-германскому пакту от 23 августа 1939 г. Третий пункт секретного протокола этого договора целиком касался Бессарабии и гласил следующее: "Касательно Юго-Восточной Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях"⁹.

В ответ на советское обращение Гитлер передал по телефону инструкции германскому послу в Москве передать Молотову, что Германия сохраняет приверженность московским договоренностям и "не проявляет никакого интереса к проблеме Бессарабии". Германская сторона выдвигает лишь вопрос о "судьбе проживающих на этой территории примерно 100 тысяч немцев" и "надеется, что их будущее будет гарантировано".

В тех же инструкциях обращалось внимание на постановку вопроса о Буковине, которая "в прошлом была частью Австрийской короны" и также имеет немецкое население; к судьбе которого Германия проявляет интерес. По остальным проблемам советско-румынских переговоров по Бессарабии Германия обещала действовать "в духе Московского договора и советовать Румынии добиваться мирного разрешения бессарабского вопроса в соответствии с русскими условиями". Еще и еще раз германский МИД настаивал, чтобы посол Шуленбург подтвердил Молотову, что Германия "особо заинтересована, чтобы Румыния не стала театром военных действий"¹⁰.

Практически в этих консультациях между Москвой и Берлином от 23 и 25 июня 1940 г. все основные сложности решения вопроса о Бессарабии были разрешены, заодно выяснены советской стороной и позиции Берлина относительно Северной Буковины. Через час после переданного Шуленбургем германского ответа 26 июня Молотов принял румынского посла в СССР и вручил ему ноту правительству Румынии о необходимости немедленного решения бессарабского вопроса, поставив условием, чтобы в течение 4-х дней, начиная с 28 июня, румынские войска очистили территорию Бессарабии и Северной Буковины.

Далее нет необходимости останавливаться на попытках Румынии найти поддержку среди своих европейских партнеров, все ее надежды были в основном связаны с германской заинтересованностью удержать развитие событий в этом регионе и вокруг Румынии в особенности в рамках мирного урегулирования. Германия и Советский Союз сумели в этом вопросе договориться к обоюдному удовлетворению, ведь впереди у каждой из этих сторон были гораздо более серьезные намерения, и каждый из партнеров хорошо сознавал временность достигнутого соглашения. Румыния в июне 1940 г. была последней уступкой со стороны Гитлера Советскому Союзу и последней политической акцией по реализации пакта Молотова - Риббентропа.

Примечания

1. DGFP. 1918-1945. Ser.es D. vol. VIII. P. 499, 536
2. Safencu G. Prelude to the Russian Campaign. London, 1945. P. 276
3. Лебедев Н.И. Крах фашизма в Румынии. М., 1976, с.251.
4. Известия, 1940, 30 марта.
5. DGFP. 1918-1945. Series D. vol. IX. P. 61-62
6. Ibid., P. 167
7. Цит. по: Лебедев Н.И. Указ.соч., с.264.
8. DGFP. Series D. vol. X. dok. 4
9. Цит. по: Молодежь Эстонии, 1989, 30 марта; Вечерний Юмшнев, 1989, 1 сентября.
10. DGFP. vol X. dok. 13

ПОЛИТИКА КОМИНТЕРНА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Коммунистическое движение в своей борьбе против милитаризма и агрессии, против опасности империалистической войны опиралось на традиции антивоенной политики рабочего класса, сочетая их с защитой Советской страны, с борьбой против империализма, за свободу угнетенных народов, за права трудящихся и их социалистическое будущее. В разработке антивоенной политики, применительно к обстановке, когда главным поджигателем войны стал германский фашизм, выдающуюся роль сыграл VII конгресс Коминтерна (июль – август 1935 г.). Германский фашизм, отметил конгресс, стремится к гегемонии германского империализма в Европе. Он ставит вопрос об изменении европейских границ, подготавливает войну за новый передел мира. Если фашизму и реакции удастся развязать войну, предупреждал конгресс, в ход будут пущены самые усовершенствованные орудия разрушения в массовом масштабе. Война получит всеобщий характер, это будет война на истребление, фашистская война.

Конгресс вместе с тем вскрыл корни той политики, которая впоследствии получила название политики Мюнхена, ее антисоветскую сущность и позорную роль в развязывании будущей войны. "Английская буржуазия своими уступками и той поддержкой, которую она оказывает поджигателям войны в Европе и на Дальнем Востоке, приближает новую мировую войну, в которую неминуемо будет втянута и Британская империя", – отмечалось в докладе П.Тольятти¹.

Конгресс предупреждал, что грядущая война, даже если она начнется как война двух великих держав между собой или как война какой-нибудь великой державы против малой страны, неизбежно перейдет в войну против Советского Союза. Постановив конгрессом вопроса о национально-освободительном характере войны малых стран Европы против фашистского агрессора и возможности сотрудничества этих стран с Советским Союзом, в случае войны против фашистского агрессора была напечатана по-

литическим выводом конгресса, примером научного прогноза развития последующих событий.

Эти установки конгресса конкретизировались и развивались в последующих документах Исполкома Коминтерна (ИККИ), в выступлениях Генерального секретаря ИККИ Г.Димитрова и других руководителей Коминтерна, в директивах и указаниях компартии со стороны ИККИ. Так, 15 июля 1939 г. в связи с приближением 25-й годовщины начала первой мировой войны Секретариат ИККИ утвердил директиву компартиям. В ней говорилось: "Необходимо использовать первое августа, двадцатилетие первой империалистической войны, для кампании против фашистских агрессоров, изобличения двуличной политики английских и французских правительств, затягивающих переговоры о СССР в целях подготовки новых капитуляций, второго Мюнхена. Необходимо развернуть беспощадную критику капитулянтов из II-го Амстердамского интернационалов, помогавших фашизму удушить Испанскую республику, расчленив и занять Чехословакию, ведущим антисоветскую кампанию и срывавшим единый фронт рабочего класса и единство антифашистского действия. Необходимо со всей силой подчеркнуть значение дальнейшей борьбы за единый рабочий и народный фронт, за международную рабочую конференцию. Необходимо разъяснить массам позицию рабочего класса к нынешним войнам в отличие от войны 1914-1918 гг. Необходимо подчеркнуть идеи пролетарского интернационализма, защиту СССР, отечества трудящихся всех стран"².

В советах и указаниях, которые в это время руководство ИККИ давало братским партиям, постоянно проводилась линия на сочетание борьбы против опасности, связанной с агрессивностью германского фашизма, и реакции в собственной стране.

Однако, несмотря на ряд серьезных успехов, в том числе проведение конгресса мира в Брюсселе в сентябре 1936 г., широкий размах движения солидарности с испанским народом в его борьбе с франкистскими мятежниками и итало-германскими интервентами, в международном масштабе создать фронт мира не удалось. Правые лидеры социал-демократии упорно не желали пойти на сотрудничество с коммунистами для предотвращения

опасности войны, продолжали ориентироваться на западные державы, которые "политикой умиротворения" на деле поощряли Гитлера к агрессии. В то же время сталинский террор, позорные судебные процессы конца 30-х годов, яростная кампания в печати против тех, кто посмел заявить о фальсифицированном характере этих процессов, все это роковым образом препятствовало сплочению антифашистских, миролюбивых сил. Сталинизм несет значительную долю ответственности за то, что в предвоенные годы фашистским поджигателям войны не был противопоставлен несокрушимый фронт мира, хотя этим, разумеется, не исчерпываются причины, неудачи осуществления такого фронта.

В обстановке, когда все более ощущалось дыхание приближающейся войны и требовалось напряжение всех сил, чтобы противодействовать фашистским агрессорам, на кадры Коминтерна обрушились сталинские репрессии. Ослабленный этим террором, тесно следуя за внешнеполитическими шагами СССР, Коминтерн не проявил идойно-политической самостоятельности в чрезвычайно сложных условиях развязывания войны.

22 августа 1939 г., накануне приезда Риббентропа в Москву и подписания Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом, Секретариат ИККИ принял постановление "Об антисоветской кампании по поводу переговоров между СССР и Германией". В нем говорилось, что эвентуальное заключение пакта о ненападении между СССР и Германией не исключает возможности и необходимости соглашения между Англией, Францией и СССР для совместного отпора агрессорам. Указав, что английское и французское правительства сознательно затягивали переговоры с СССР, а Польша под их влиянием отклонила возможную эффективную помощь СССР, Секретариат ИККИ подчеркнул, что СССР, идя на заключение пакта с Германией, срывая планы направить агрессию против него, помогает приблтийским странам, разъединяет агрессоров и действует в защиту всеобщего мира. Выражалась надежда, что переговоры СССР с Германией могут побудить правительства Англии и Франции пойти на скорейшее заключение пакта с СССР. Положительно оценивая предстоящее заключение договора, Секретариат ИККИ

считал важным "указать партиям о необходимости продолжать с еще большей энергией борьбу против агрессоров, в особенности против германского фашизма"³.

Таким образом, руководство ИККИ, предупреждая компартии о том, что подписание договора будет встречено резко негативно в буржуазной и социалистической печати, изложило аргументацию в пользу такого шага СССР. В то же время, указание на необходимость активизации борьбы против германского фашизма и на то, что после подписания этого договора сохранится возможность заключения пакта между СССР, с одной стороны, Великобританией и Францией, с другой, — свидетельствует, что руководство ИККИ не предвидело всех последствий договора.

Пакт вызвал серьезное замешательство в коммунистическом движении, хотя руководство компартий выступило с заявлениями, одобрявшими его. Так, например, Политбюро ЦК Французской компартии опубликовало 25 августа декларацию, в которой, в частности, было сказано: "Советский Союз одержал успех и мы его с радостью приветствуем, так как он служит делу мира. Заключение такого пакта о ненападении должно радовать всех друзей мира, коммунистов, социалистов, демократов и республиканцев. Все знают, что пакт своим единственным следствием будет иметь укрепление мира, не лишит ни одного народа его свободы и не выдаст ни одного вершка территории в Европе, и ни одной колонии. Советско-германский договор наносит удар по агрессорам и расстраивает ряды тех, кто подписал Антикоминтерновский пакт. Ближайшее будущее покажет, что СССР заключением договора оказал историческую услугу делу мира"⁴. Подчеркивалось, что компартия более чем когда-либо является непримиримым врагом международного фашизма, прежде всего гитлеровского фашизма, наиболее зверского и главного поджигателя войны и противника демократии.

В заявлении ЦК Итальянской компартии, опубликованном в тот же день, говорилось, что СССР подписанием пакта "оказал громадную помощь народам, которые не хотят войны и борются против фашистов, и в особенности народам, томимым под

игом фашистской диктатуры... Если, несмотря ни на что, вспыхнет война, мы будем, не колеблясь, бороться за то, чтобы она принесла военное и политическое поражение и крушение фашизма, как одно из условий, открывающее перед всеми народами капиталистической Европы новое будущее, которое сулит свободу, мир и социальный прогресс"⁵.

Компартии, как и руководство Коминтерна, не рассматривали заключение договора как отказ от борьбы с фашизмом и отнюдь не занимали позиции прекращения этой борьбы. Однако оценка его как фактора, укреплявшего мир и содействовавшего не только защите СССР, но и малых народов, которым угрожала гитлеровская агрессия, была ошибочной. Осуждая нежелание Великобритании и Франции подписать соглашение с СССР, Коминтерн и компартии не увидели направленность этого договора против Польши, в то время как определение в приложении к договору сфер влияния Германии и СССР предвещало вопрос о судьбе Польши и прибалтийских стран. Впрочем, о секретном приложении к договору тогда было неизвестно. Не осознали тогда и то, что подписание этого договора исключало возможность достижения какого-либо соглашения с Францией и Великобританией, хотя последняя к этому вовсе и не стремилась.

27 августа Г.Димитров и Д.З.Мануильский направили письмо Сталину, в котором говорилось о позиции компартий в отношении пакта. Информировав о преследованиях, обрушившихся на Французскую компартию, они просили совета по вопросу об отношении компартии к тем мероприятиям, которые проводит правительство Даладье в деле так называемой защиты страны. "Мы думаем, — говорилось далее, — что компартия должна и впредь стоять на позиции сопротивления агрессии фашистской Германии. Она должна поддерживать мероприятия по укреплению обороноспособности Франции, но в то же время обусловить свою поддержку этих мероприятий требованием сохранения для партии возможности открыто излагать своим взгляды и развивать свою деятельность. Одновременно с этим партия должна указывать, что нынешнее правительство Даладье — Бонне не пользуется доверием народа, не дает гарантии ни правильной, отве-

чащей интересам французского народа политики, ни действительной защиты страны"⁶.

И в этом документе речь шла о том, что агрессором является фашистская Германия. По-видимому ответа на письмо не было, поскольку 5 сентября Димитров передал его копию Жданову. "Поднятый в нем вопрос, — писал Димитров, — стоит и сейчас перед французскими товарищами, конечно, уже в связи с их позицией в отношении войны"⁷. И тот факт, что в день начала войны, 1 сентября, Секретариат ИККИ в телеграмме, посланной М.Торезу, подверг критике позицию безоговорочной поддержки правительства Даладье — Бонне, занятую партией, также свидетельствует, что точка зрения ИККИ была неизвестна руководству ФКП. Секретариат ИККИ считал, что своим предательством Чехословакии, Испании, Мюнхеном, разрушением коллективной безопасности правительство Даладье — Бонне усилило фашистскую Германию. Следуя за политикой английских провокаторов войны против СССР, это правительство оттолкнуло СССР и подвело французский народ к войне. Он высказал свое мнение, что во Франции необходимо добиваться создания правительства, "которое сплотило бы вокруг себя народ, а не разъединило народные силы преступным преследованием партии рабочего класса"⁸.

2 сентября Секретариат ИККИ поручил комиссии в составе Димитрова, Куусинена и Мануильского выработать директивы компартиям.

При определении характера войны и задач компартий руководители Коминтерна учитывали как предшествующую (мюнхенскую) политику западных держав, стремление их сохранить результаты Версальского мира, так и агрессивность гитлеровской Германии, а также наличие германо-советского договора о ненападении. В части проекта тезисов, написанной Д.З.Мануильским, подчеркивалось, что германо-польская война, перерастающая в войну Германии против Польши, Франции и Англии, "не является справедливой войной, а войной империалистической, направленной, с одной стороны (англо-французско-польской), к сохранению границ насильнического Версальского мира, с

другой стороны (германской), переделу Европы и колоний". Делался вывод, что ни одна из компартий этих стран не может ни в коем случае солидаризироваться с политикой своих правящих классов, приведших народы к новой империалистической войне. В то же время отмечалось, что "победа германского фашизма в войне несет наибольшую опасность для международного рабочего движения. Поэтому долг коммунистов всех стран и в первую очередь коммунистов Германии содействовать поражению германского фашизма". Далее конкретизировались задачи ряда компартий, причем для компартии Чехословакии лозунг поражения фашистской Германии увязывался с задачей национального освобождения чехословацкого народа из-под гнета германского фашизма, для Компартии Австрии — с отделением Австрии от фашистской Германии. Для компартий Великобритании и Франции — замена реакционных правительств и создание подлинно демократических правительств. Для Польши выдвигался лозунг "создания правительства рабочих и крестьян, могущего возглавить народную борьбу за национальную независимость"⁹. Таким образом, в первые дни начавшейся второй мировой войны, как и в канун ее, руководители Коминтерна продолжали рассматривать германский фашизм как главную опасность, как агрессора, а в отношении поработанных гитлеровской Германией стран выдвигали лозунг национального освобождения. По существу признавалось, что польский народ в этой войне отстаивал свою независимость.

Продолжая линию УП конгресса Коминтерна, компартии западноевропейских стран выступили за превращение войны с Германией в действительно антифашистскую войну, подчеркивая при этом необходимость борьбы с реакцией в своих странах. Компартия Великобритании 2 сентября опубликовала манифест, в котором говорилось о необходимости вести борьбу на два фронта. "Во-первых, обеспечить военную победу над фашизмом и, во-вторых, для того, чтобы добиться этого, обеспечить политическую победу над Чемберленом и врагами демократии в нашей стране"¹⁰.

Генеральный секретарь ЦК КПВ Г. Поллит в середине сентяб-

ри выпустил брошюру "Как выиграть войну". В ней, в частности, было сказано, что коммунистическая партия поддерживает войну, считая ее справедливой войной, которую должен поддерживать весь рабочий класс и все друзья демократии в Великобритании. Добиваясь того, чтобы война против Германии стала действительно антифашистской войной, компартии, однако, недоценивали силу сопротивления реакционных группировок буржуазии, их стремления к сговору с Гитлером и созданию общего фронта против СССР.

5 сентября Г.Димитров в письме к Жданову сообщал, что готовится документ о принципиальной линии и тактических позициях братских компартий в условиях разразившейся империалистической войны в Европе. "Но я должен отметить, - писал Димитров, - что при намечении этой линии и, особенно, тактических позиций и политических задач компартий в новых условиях, мы встречаем исключительные трудности и для их преодоления, как и для принятия правильного решения, мы нуждаемся больше, чем когда бы ни было, в непосредственной помощи и совете товарища Сталина". На копии этого письма Димитров 8 сентября написал: "Беседа с т.Сталиным в присутствии тт.Молотова и Жданова состоялась 7.9.39" II.

На этой встрече Сталин сказал, что война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т.д.) за передел мира, за господство над миром. Он даже заявил, что Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему. Сталин подчеркнул, что до войны противопоставление фашизму демократического режима было совершенно правильным. Во время войны между империалистическими державами это уже неправильно и деление капиталистических государств на фашистские и демократические потеряло-де прежний смысл. Он потребовал снять лозунг народного фронта и высказался за ликвидацию Польши, назвав ее фашистским государством. Сталин предложил руководству ИККИ выступить с тезисами, в которых сказать что война идет за господство над миром. Возмут хозяева капиталистических стран за свои империалистические интересы.

Эта война ничего не дает рабочим, трудящимся, кроме страданий и лишений. Надо решительно выступить против войны и ее виновников.

Сталинские указания были буквально реализованы в директивах Секретариата ИККИ для компартий, принятых на заседании 9 сентября 1939 г. В них констатировалось, что начавшаяся война — империалистическая, несправедливая, в которой одинаково повинна буржуазия всех воюющих государств. Войну не может поддерживать ни в одной стране ни рабочий класс, ни тем более компартия. "Ее ведет буржуазия не против фашизма, как уверяет Чемберлен и лидеры социал-демократии. Война ведется между двух групп капиталистических стран за мировое господство. Международный пролетариат не имеет ни в коем случае защищать фашистскую Польшу, отвергнуть помощь Советского Союза, угнетать другие национальности". В директивах повторялись слова Сталина о том, что война изменила положение: деление капиталистических государств на фашистские и демократические потеряло прежний смысл, поэтому необходимо изменить тактику. Во всех воюющих государствах компартия должны выступать против войны, разоблачать ее империалистический характер. Поскольку компартия должны перейти в решительное наступление против "предательской политики социал-демократии". Компартия Франции, Великобритании, США, Бельгии, выступившим в разрез с этими установками, предписывалось "немедленно выправить свою политическую линию" 12.

Навязанное Сталиным Коминтерну определение характера войны как империалистической с обеих сторон и утверждение, что прежнее деление капиталистических государств на фашистские и демократические потеряло прежний смысл, не учитывало ряда важных особенностей этой войны. Действительно, обе воюющие группировки были группировками империалистических государств. Но развязавшая войну группировка, возглавляемая Германией, ставила своей целью установление "нового", фашистского порядка во всем мире и даже физическое истребление ряда народов и наций. Тем самым предопределялось су-

мещение справедливой, освободительной тенденции во второй мировой войне, которая была связана с борьбой народов против фашистского агрессора. Для Польши, подвергшейся нападению гитлеровской Германии, эта война с самого начала была справедливой, антифашистской войной.

Сталинская установка имела своим результатом, что термин "фашизм" применительно к гитлеровской Германии исчез из публиковавшихся в тот период документов Коминтерна. Удар в пропаганде направлялся против империализма в целом, с акцентированием особой опасности англо-французского империализма. Вместо лозунгов единого фронта и народного фронта был выдвинут лозунг единого народного фронта снизу, то есть по существу вновь повторились сектантские лозунги конца 20-х - начала 30-х годов. Данные Коминтерном по сталинскому диктату указания компартиям в связи с началом второй мировой войны означали отказ от курса УП конгресса и внесли дезориентацию в политику компартий, стремившихся превратить начавшуюся войну в подлинно антифашистскую войну. Политическая линия, выработанная руководством Коминтерна на первом этапе войны, и директивы, направлявшиеся секциям, не отвечали сложной и противоречивой ситуации, в которой оказались компартии в тот период.

Это серьезно затруднило работу компартий, ставило их в очень тяжелое положение и создавало благоприятную почву для усиления преследования компартий со стороны буржуазных властей и нападков на них как на якобы антинациональные элементы, саботирующие борьбу с фашизмом. Тактические соображения, направленные на то, чтобы не давать Гитлеру поводов для нарушения советско-германского договора, нанесли ущерб антифашистской политике коммунистов.

Однако Коминтерн и компартии не прекращали борьбу с фашизмом, за национальное освобождение. Так, в направленном 14 сентября 1939 г. в ЦК Компартии Чехословакии директиве, утвержденной Димитровым, за подписью К. Готвальда перед КПЧ ставилась как главная задача использовать войну "для развертывания национально-освободительной борьбы чехосло-

вацкого народа" ¹³. Развивая эту установку, секретариат ИККИ в декабре 1940 г. в своих рекомендациях КПЧ отметил: "Наша линия на борьбу за национальное освобождение человеческого народа сохраняется. При этом все яснее выступает связь между национальным и социальным освобождением, между национальной свободой и социализмом" ¹⁴. В документе подчеркивалось, что завоевание национальной свободы является непременным условием социального освобождения трудящихся, и говорилось о необходимости обеспечения руководящей роли рабочего класса в этой борьбе как наиболее последовательного выразителя коренных интересов нации.

Антифашизм по существу был основой политической линии коммунистов, хотя под давлением Сталина от открытого разоблачения гитлеризма Коминтерну пришлось отказаться. Ошибки Коминтерна в тот период не означали, что компартии не вели борьбы с фашизмом, не участвовали в оказании сопротивления гитлеровской агрессии. Однако по вине Сталина эта борьба не получила должного размаха и была чрезмерно затруднена.

Документы архива Коминтерна свидетельствуют, что компартия было трудно примириться с этой установкой Сталина. Руководство Компартии Германии в сентябре 1939 г. подготовило проект воззвания ЦК КПГ о войне. В нем констатировалось, что война носит империалистический, грабительский характер с обеих сторон. Вместе с тем подчеркивалось, что гитлеровский фашизм является самым лютым врагом германского народа и выдвигалась задача свержения германского империалистического финансового капитала ¹⁵. Однако Секретариат ИККИ 1 октября, обсудив проект воззвания, постановил его основательно переработать и опубликовать от имени компартий Германии, Чехословакии и Австрии.

В совместном заявлении этих партий, утвержденном на заседании Секретариата ИККИ 23 октября, в отличие от первоначального проекта уже не говорилось о гитлеровском фашизме, а лишь о жестокой диктатуре германского крупного капитала. Обсуждались "лживые лозунги германских империалистов", но прямо германский фашизм не назывался, шла речь лишь о режи-

ме, "который сам потоками проливал кровь своего же народа для установления и сохранения своего господства". Вместо четкого лозунга свержения гитлеровского фашизма выдвигалась задача нанести смертельный удар германскому империализму, которая может быть выполнена "только в том случае, если удастся оплотить национал-социалистских, социал-демократических, католических и коммунистических рабочих для борьбы против империализма и войны, за мир и социализм". Считали ли авторы этого документа реальным вовлечение национал-социалистских рабочих в совместную борьбу с коммунистами и другими рабочими за социализм, или это было своего рода клише, сейчас сказать нельзя. Очевидно, лишь, что звонкая фраза о борьбе за социализм, заменившая конкретную задачу свержения гитлеровского режима, не отвечала положению дел. Вместе с тем в документе указывалось, что "коммунисты прилагают все усилия для того, чтобы спалить освободительную борьбу рабочего класса Германии с национально-освободительной борьбой чехов, словаков, австрийцев и поляков в прочное единство, направленное против германского империализма"¹⁶.

Четкую антифашистскую линию проводила Итальянская компартия. ЦК ИКП выступил 10 октября в Цюрихе с манифестом к трудящимся Италии. "Гитлеровская агрессия против польского государства и объявление Англией и Францией войны Германии развязали настоящий конфликт. Война была спровоцирована агрессивностью фашистских государств, ненасытным стремлением гитлеровского правительства к завоеваниям", - говорилось в нем. Отмечалось, что война была также спровоцирована англо-французским империализмом, поддерживавшим гитлеровскую агрессию против других стран и саботировавшим подписание соглашения с СССР. Подчеркивалось, что в том случае, если фашистский режим Муссолини ввергнет Италию в войну, необходимо будет бороться за "поражение фашистского правительства, за превращение империалистической войны в войну гражданскую"¹⁷.

Вместо тезисов о войне, которые готовились в Секретариате ИККИ в течение сентября, Президиум ИККИ, обсудив на за-

сезании 19 - 20 октября вопрос о позиции компартий в условиях империалистической войны, принял решение об оказании практической помощи компартиям, чтобы они заняли твердую, большевистскую позицию в вопросах войны и перестроили всю свою работу, которая должна указать массам "революционный выход из нынешнего положения". Особо подчеркивалась необходимость "сосредоточить огонь против оппортунизма, выражающегося в скатывании на оборонческую позицию, в поддерживании легенды об антифашистском характере войны и в отступлении перед репрессиями буржуазии"¹⁸.

Определение характера войны как империалистической, несправедливой, естественно приводило к выводу, что следует бороться за поражение "своего" правительства и революционный выход из войны. Но такая постановка вопроса, во-первых, противоречила реальному содержанию войны, когда воевать приходилось против гитлеровской Германии, а, во-вторых, не отвечала интересам Сталина, поскольку лозунг свержения гитлеровского режима, если бы он был выдвинут, неизбежно привел бы Сталина к конфликту с Гитлером.

25 октября Сталин в присутствии Еданова заявил Димитрову, что следует ограничиться лозунгами типа "Долой империалистическую войну!", "Прекращение войны, прекращение кровопролития!", "Прогнать правительства, которые за войну!" При этом Сталин добавил, что не следует выступать против правительств, которые за мир.

Указание Сталина выдвинуть лозунг "прогнать правительства, которые за войну!" относилось к правительствам Великобритании и Франции, а не Германии, поскольку ее правительство, по словам Сталина, было обороняющейся стороной и выступало "с мирными предложениями"¹⁹. Так, внешнеполитические расчеты Сталина преломлялись в прямые указания, которые он давал руководству Коминтерна и которые не могли не вносить дезориентацию в политику Коминтерна.

Все сталинские установки были изложены в опубликованном в начале ноября 1939 г. воззвании Исполкома Коминтерна и статье Г. Димитрова "Война и рабочий класс", напечатанной в

журнале "Коммунистический Интернационал" (1939 г., № 8 - 9). В ней подчеркивалась необходимость непримиримой борьбы против империалистической войны, за прекращение этой захватнической войны, против ее виновников и пособников, в первую очередь, в своей собственной стране. Однако не было сказано о задаче борьбы за свержение гитлеровского режима, не учитывалась особая опасность фашистского террора, ставившего своей целью порабощение всего мира, не принимались во внимание национально-освободительные, антифашистские тенденции, которые существовали с самого начала и набирали силу в связи с расширением гитлеровских захватов.

Сталинское указание о том, что нельзя выступать против правительств, которые за мир, искажало политическую линию коммунистов. КПГ, которая призывала продолжать борьбу против господствующего режима в Германии, не могла открыто выдвинуть лозунг свержения правительства Гитлера. Разумеется, коммунисты Германии в самых тяжелых условиях подполья, испытывая не прекращавшийся, а все более усиливавшийся террор гитлеровцев, вели упорную борьбу против фашистской диктатуры. Но сталинское требование затрудняло эту борьбу.

Линия на то, что агрессорами в войне являются Англия и Франция, навязанная Сталиным Коминтерну, отразилась в то время во многих документах ИККИ. Так, в директивах для КП Австрии, утвержденных Секретариатом ИККИ 31 января 1940 г., говорилось: "С заключением германо-советского пакта и возобновлением империалистической войны международная ситуация коренным образом изменилась. Заключение названного пакта опрокинуло планы английских империалистов, сводившиеся к тому, чтобы втянуть Германию и СССР в войну. Англия и Франция стали агрессорами: они развязали войну с Германией и стараются расширить военный фронт с тем, чтобы превратить начатую ими войну в антисоветскую войну" ²⁰.

Характерно в этой связи изменение, внесенное по настоянию Еданаова в проект первомайского воззвания Коминтерна. В посланном ему 23 апреля Димитровым и Мануильским тексте было сказано: "Поджигатели войны не могут простить СССР, что

он стоит вне империалистической свалки". Эдзюнов признал такую формулировку недостаточной и потребовал конкретно назвать поджигателей войны²¹. В переработанном и утвержденном 23 апреля тексте поззвания эта фраза была исправлена: "Английские и французские поджигатели войны и их социал-демократические прислужники в бешенстве от того, что Советский Союз занимает позицию нейтралитета в отношении их империалистической войны"²².

И хотя весной 1940 г. Германия перешла в наступление, оккупируя одну страну за другой, по-прежнему агрессорами назывались Англия и Франция. Следование за конъюнктурными шагами сталинской дипломатии приводило к тому, что руководство Коминтерна не могло выдвинуть в такой ситуации четких лозунгов, кроме становившихся все более абстрактными призывов против империалистической войны, за мир.

Однако ход событий, расширение гитлеровской агрессии, в ходе которой все большее число народов и стран становилось жертвами германского фашизма, все настоятельнее ставили вопрос о необходимости развертывания борьбы за восстановление утраченной национальной независимости, в защиту жизненных интересов народов.

Освободительные мотивы со стороны сил, противостоящих фашистскому агрессору, звучали все громче и необходимость активизации коммунистов в возникавшем движении Сопротивления становилась все более жгучей. Это ощущало руководство Коминтерна, которое ставило эти вопросы перед Сталиным.

Вновь, как и в середине 30-х годов, когда при разработке стратегии антифашистской борьбы приходилось преодолевать сталинские догмы, препятствовавшие расширению антифашистского движения, задача борьбы против гитлеровской агрессии и фашистского порабощения народов требовала отбросить навязанные Сталиным установки о том, будто бы англо-французский империализм в годы войны представлял наибольшую опасность, что война продолжает оставаться империалистической с обеих сторон, установки, не учитывающие характер фашистского блока.

10 июня 1940 г. в связи с военным поражением Франции и новой ситуацией в стране, значительная часть которой была захвачена гитлеровской армией, Димитров и Мануильский в письме к Сталину обращали его внимание на то, что ФКП "считает своей обязанностью выступить и бороться за проведение ряда мероприятий, которые могли бы облегчить страдания народа за счет переложения издержек войны и ее последствий на буржуазию, мероприятий, которые могли бы создать более благоприятные условия французскому народу в борьбе за его существование, против внутренних и иностранных империалистических сил". Ставился также вопрос "о линии поведения германских коммунистов в отношении завоевательной политики германских правящих классов"²³. 19 июня Секретариат ИККИ утвердил проект декларации ФКП, в которой подчеркивалось: "Рабочий класс, народ Франции никогда не примирится с иноземным порабощением"²⁴.

После нападения Германии на Грецию и Югославию ИККИ выдвинул лозунг о том, что война этих стран против империалистической агрессии является справедливой. Однако еще не был сделан вывод об изменении характера войны в целом для тех ее участников, которые воевали против Германии и ее союзников.

К весне 1941 г. компартии подошли к непосредственному осуществлению задачи создания национальных фронтов. Соответствующие рекомендации они получали от Секретариата ИККИ. В директивах компартиям в связи с 1 Мая 1941 г., касаясь положения в оккупированных странах, ИККИ указывал, что там все более дает себя чувствовать сопротивление масс национальному угнетению. Народы, подвергшиеся нападению, как например, югославский и греческий, ведут справедливую оборонительную борьбу. Долг коммунистов в этих странах, подчеркивал ИККИ, - "мобилизовать массы против буржуазии и оккупационного режима, направляя главный удар против тех групп буржуазии, которые являются пособниками оккупантов... В странах, защищающих свою независимость против империалистической агрессии, направить главное острие против капитуля-

тских групп и элементов, срывающих оборонительную войну"²⁵. В письме Секретариата ИККИ Французской компартии от 26 апреля подчеркивалось, что предпосылкой успеха национально-освободительной борьбы является "обеспечение национального единства... посредством создания широкого национального фронта борьбы за независимость"²⁶. В директиве Секретариата ИККИ Итальянской компартии говорилось о первоочередности задачи создания антифашистского национального фронта как средства мобилизации масс на борьбу с фашизмом.

Впрочем, в том же апреле 1941 г. Сталин высказался за то, чтобы распустить Коминтерн. Это указание Сталина было сделано в тот момент, когда Коминтерн лишь начал вырабатывать политику, отвечающую реальной ситуации и особенностям войны. Его предшествующие установки, данные по настоянию Сталина в самом начале войны, не могли быть надежными политическими ориентирами для компартий, когда война все более приобретала антифашистский, освободительный характер для стран, воевавших против гитлеровского блока. Попытку роспуска Коминтерна в этой ситуации, как представляется, следует оценить как стремление Сталина ценой прекращения деятельности Коминтерна сохранить дружественные отношения с Германией.

Планы эти не успели осуществиться в связи с началом Великой Отечественной войны советского народа.

Примечания

1. УП конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975, с.248.
2. ЦПА ИМЛ, ф.495, оп.18, д.1286, л.267.
3. Там же, д.1291, л.142-143.
4. Там же, оп.73, д.67, л.48-49.
5. Там же, л.55.
6. Там же, оп.74, д.517, л.42.
7. Там же, л.43.
8. Там же, оп.18, д.1292, л.8-9.
9. Там же, д.1302а, л.57.
10. Daily Worker, 2.IX. 1939.
11. ЦПА ИМЛ, ф.495, оп.74, д.517, л.43.
12. Там же, оп.18, д.1292, л.47-48.

13. Цит. по: Георгий Димитров - выдающийся деятель коммунистического движения. М., 1972, с.373.

14. Цит. по: Георгий Димитров - выдающийся революционер-ленинец. М., 1974, с.264.

15. ЦПА ИМЛ, ф.495, оп.18, д.1294, л.64.

16. Там же, д.1296, л.153,156; Георгий Димитров - выдающийся деятель..., с.373.

17. ЦПА ИМЛ, ф.495, оп.74, д.253, л.7,15.

18. Там же, оп.2, д.267, л.2-3.

19. 7 октября в газете "Правда" было опубликовано изложение беседы Риббентропа с японским корреспондентом, в которой гитлеровский министр заявил: "Германия всегда хотела мира, а не войны. Война с Польшей была нам навязана вопреки всем благоразумным предложениям Гитлера. Также и на Западе объявила войну не Германия, а Англия и Франция. Если Германия все еще готова заключить мир, то это не новость".

30 ноября "Правда" поместила ответ Сталина по поводу заявления агента Гаваса. В ответе говорилось: "а) на Германию напала не Франция и Англия, а Франция и Англия напала на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну;

б) после открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии, ибо он считал и продолжает считать, что скорейшее окончание войны коренным образом облегчит бы положение всех стран и народов;

в) правящие круги Англии и Франции грубо отклонили мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны".

20. ЦПА ИМЛ, ф.495, оп.18, д.1312.

21. Там же, оп.73, д.87, л.9.

22. Там же, оп.18, д.1320.

23. Там же, оп.74, д.518, л.10,11.

24. Там же, оп.18, д.1321, л.176.

25. Цит. по: Георгий Димитров - выдающийся деятель..., с.388.

26. Цит. по: Георгий Димитров - выдающийся революционер..., с.266.

Редакционная коллегия:

Л.Я. Гибианский – ответственный редактор

к.и.н. Е.К. Емгунов

д.и.н. И.И. Пон

© Институт славяноведения и балканистики АН СССР

Утверждено к печати

Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Подписано в печать 12 декабря 1990 г. Формат 14х 20 см

13,9 печ.л. 10,1 уч.-изд. л. Тираж 300 экз. Цена 2,40 руб. 90 коп.

Заказ № 1

Типография ВИА имени В.В. Куйбышева

ена 2р.90к.